



**НИКОЛАЙ
ВАСИЛЬЕВ**



**Галантный
прогрессор**

2017

Что будет после нас? Хоть потоп...." — молвила некогда мадам Помпадур. "Вот уж хренушки...." — решил Сашка Крылов, попавший нежданно в компанию к благородным господам и дамам. — Ваша беспечность нам слишком дорого обошлась. Буду поправлять....".

Васильев Николай Федорович
Галантный прогрессор

Глава первая. Первые шаги в Париже

В конце января 1755 года, около полудня, по Реймской дороге в северо-восточную часть Парижа въехала закрытая от холода кожаным верхом дорожная коляска, в которой сидели, протянув ноги к полуостывшей железной жаровне, два молодых дворянина, блондин и шатен. Увидев проплывающую рядом громаду высоченного замка, шатен крикнул кучеру:

— Петер, спроси у прохожих, что это за крепость?

Тот залопотал на смешанном франко-немецком наречии и через минуту крикнул в ответ:

— Говорят, это какой-то Тампль, герр Чихачев!

— Спасибо, Петер! Вы с Куртом не замерзли?

— Нет, герр Алекс! Ваши войлочные боты и меховые шубы очень помогли!

— Ну, теперь езжай по этой рю дю Тампль до реки — нам сказали, там есть хороший постоялый двор!

— Хорошо, герр Алекс!

— Неужели наш путь, наконец, закончен? — полуспросил-полувздыхнул блондинистый мэн. — Две недели мучений.... Господи!

— Мсье Кристоф, будь бодров! — засмеялся одной стороной рта Сашка Крылов (надеюсь, читатели "Прогрессора галантного века" помнят, что это за персонаж?). — Главное, чтобы в этом дворе нашлась в изобилии горячая вода!

— Я вижу, Ваша рана все еще причиняет Вам беспокойство, Алекс? — спросил Карл Кристиан, принц Саксонский.

— Есть такая партия, — непонятно ответил Сашка. — По кой я с этим псом связался? Еще чуть и остался бы без глаза или вообще кони кинул. Хорошо, догадался в ухо ему дать....

— Да, удивительный прием: фехтовали-фехтовали, он угодил Вам в щеку, и тут Вы его уконтрапутили....

— Что-что? Хе-хе-хе, Кристиан, это Вы от меня уже словечек нахватались?

— А что Вы хотели? С кем поведешься, от того и наберешься — сами говорили.

— Я много чего говорю, Кристиан. А ты мою речь фильтруй и перенимай то, что в самом деле важно. О, простите, опять тыкать Вам стал....

— Ноу проблем, Алекс.

Но вот коляска остановилась, и путники вышли из нее, оказавшись внутри стандартного П-образного постоялого двора аж в три этажа. А еще через 2 часа оба млели в деревянных бочках, доверху наполненных благословенной горячей водой и мыльной пеной. Вода, конечно, быстро остывала, но рядом с бочками стояли Петер и Курт и подливали новые порции горяченькой из ведер, которые подтаскивали местные "пацаны". Переодевшись в свежее белье и одежду, Алекс и Кристиан подошли к зеркалам, но если принц остался доволен своим обликом, то Сашка напротив, нахмурился: рваная рана, хотя и была провинциальным лекарем зашита, но багровела, да и щека была еще опухшей.

"Теперь в приличные дома недели две не сунешься.... Чем там ее лечат-то? — стал он вспоминать. — Вроде бы, облепиховым маслом.... Или жиром? Да, жиром, причем гусиным. Этого добра в нынешние времена завались....". И позвал Петера.

Петер явился с жиром и в сопровождении хозяина, который осмотрел щеку с разрешения постояльца и порекомендовал обратиться в косметический салон. "Сейчас их

много в Париже: и для женщин и для мужчин — были бы денежки. Но Вы, вроде бы, господа небедные?"

Так Сашка, не привыкший откладывать дела на завтра, оказался в салоне мсье Жюстена, располагавшегося на углу улиц Сент-Оноре и Сен Рош. Попал он удачно, в конце обработки предшествующего клиента и чуть опередив следующего (господина лет 35 с угреватým лицом), который был вынужден наблюдать всю процедуру обработки шпажной раны. Мсье Жюстен извинился перед герром Гольбахом ("Герром? Гольбахом??" — взвихрилась чуйка у Сашки), поохал первым делом над видом раны мсье Чихачева, но заверил, что подобные шрамы уже не раз лечил, и клиенты оставались им очень довольны. Потом разрезал и ловко вытащил из щеки нитку предшествующего лекаря, не преминув его облаять, и стал промокать, промокать шов какими-то облатками (Сашка же прикидывал, может ли это быть "тот Гольбах". Выходило, что может).

Молча работать француз не привык и стал изводить Сашку вопросами типа: что у Вас за странный акцент? Откуда Вы в наш славный город приехали? Что собираетесь здесь делать? И тому подобное — при этом требовал не шевелить щекой. ("Ну, прямо как наша стоматологичка в институтском медпункте!" — подивился Сашка, отвечавший на вопросы однозначно или мычанием). Наконец мсье Жюстен наложил на щеку пергамент, а потом какую-то хитрую повязку: поперек носа с выходом на череп и под челюсть (но так, чтобы клиент мог жевать пищу) и пригласил зайти завтра. Сашка заплатил за визит, поблагодарил за помощь, потом молча поклонился герру Гольбаху и вышел к ожидавшему за углом Петеру.

Визиты его к мэтру Жюстену продолжались, и неделю он был вынужден сидеть в номере — куда с такой повязкой выйдешь. Памятуя о Гольбахе и связанных с ним авторах первой французской Энциклопедии (Дидро, д, Аламбере, Вольтере....) он попросил Кристиана приобрести в книжных магазинах сочинения этих авторов (и первые тома Энциклопедии, конечно) — принц крутился весь день и привез стопу книг, которые Сашка сел разбирать. Это оказались 4 первых тома "Энциклопедии", пьесы Вольтера и его "Век Людовика XIV", а также фривольный роман Дидро "Нескромные сокровища". Гольбаха же из книготорговцев никто не знал. Тут Сашка вспомнил, что этот немец очень дорожил своей шкуркой и все свои сочинения (весьма крамольные) писал под именами уже умерших писателей. Ну, а д, Аламбер писал лишь статьи в "Энциклопедию" и статьи по математике. "Ладно, и то хлеб, буду пока вникать в эпоху через Вольтера, который, кажется, сейчас живет в Женеве...."

Меж тем Кристиан с Куртом подсуетились, и в конце недели вся их компания переселилась в просторную квартиру в предместье Сен-Жермен "Ого, парнишка сходу определил, где будут кучковаться аристократы и нувориши, — одобрил Сашка. — Правда, преимущественно в 19 веке. А сейчас это сфера влияния студентов из смежного Латинского квартала. Зато здесь открыто первое в Париже кафе "Прокоп", где за многими чашками кофе как раз писали свои статьи Дидро и д, Аламбер. В доме же Гольбаха они собирались сурьезно поговорить о судьбах Франции и мира.... А также в салоне мадам Жоффрен.... Как бы с ними познакомиться?"

Судьба и здесь проявила к попаданцу некоторую благосклонность: свела вновь его с Гольбахом у косметолога, причем пока они были внутри, снаружи налетел сильный заряд метели. Сашка в этот раз лечился после философа, а когда стал выходить, увидел его стоящим в прихожей. Открыв дверь и поняв масштаб стихийного бедствия, он обернулся и заговорил:

— Герр Гольбах, Вы ведь переживаете непогоду?

— Да, герр Чихачев.

— Позвольте предложить Вам место в моей коляске, и она без проблем домчит Вас домой.

— Как Вы сказали, "без проблем"? Новый для меня оборот речи. Но я согласен.

В пути Сашка сразу стал в восторженных тонах говорить об "Энциклопедии", но Гольбах отвечал односложно, а вскоре попросил остановиться: приехали. Сашке осталось сказать "Ауфвидерзейн" и отвалить — но дом Гольбаха (обширный, двухэтажный, новой постройки, стоявший в глубине улицы Сен-Рош) он запомнил.

Глава вторая. Впечатлительные менялы и издатели

На десятый день мсье Жюстин снял, наконец, повязку и пластырь, и Сашка смог увидеть свою раненую щеку. "А ничего так, аккуратненько расправил, лепила. Такой шрам и за украшение может сойти — в стиле немецких буршей. Только багровость его раздражает, но косметолог клянется, что он будет бледным. Теперь можно хоть по улицам прошвырнуться...."

Первым делом они с Кристианом поехали к мосту Менял — флорины в Париже хождения не имели, нужны были луидоры и ливры. Кристиан, правда, поменял уже часть флоринов на луидоры, но Сашка (читавший про широкий масштаб махинаций с обменом монет в прошлые века) покидал эти луидоры на ладони, пригляделся к их цвету и резюмировал:

— Похожи на фальшивые. Но это мы легко проверим. Петер, правь к ближайшей аптеке....

В аптеке он переговорил с хозяином и заинтересовал его известием, что знает, как определить с помощью весов фальшивое золото. Тот принес весы и первым делом Сашка взвесил на чашечке флорин, а потом опустил чашечку с флорином в стакан с водой и взвесил снова. Первоначальный вес поделил на разницу первого и второго весов и сказал:

— Все верно, это почти чистое золото с удельным весом 23 карата. Теперь взвесим луидор.

Взвесили в воздухе и воде и получили удельный вес 18 карат.

— Это золото с большой примесью — вероятно, меди. Поэтому имеет чуть зеленоватый оттенок. Поедем брать за жабры твоего менялу. Вы позволите, мсье провизор, воспользоваться за некоторую мзду Вашими весами....

Мост Менял Сашка помнил — по фильму "Парфюмер" с Дастином Хоффманом. Но в реальности он был еще круче: два ряда сплошной застройки трехэтажными узкими домами с лентой дороги шириной метра в два. "Как они провалиться не боятся? Я бы тут уснуть не смог...." (Самое смешное, что да, мост обваливался и не раз). Кроме менял тут обитали и различные торговцы (в том числе парфюмом), но первые бросались в глаза, поскольку все были евреями: с пейсами и без пейс.

По договоренности первым в фатеру знакомого менялы зашел Кристиан, выглянувший минут через пять. Тогда с каменной мордой лица вошел и Сашка. Глаза менялы (который пейсов не носил и выглядел как уважаемый парижский буржуа) блеснули, но сразу притухли. За спиной менялы маячил хлипковатый сын(?) лет двадцати.

— Поменял? — спросил Сашка Кристиана.

— Торгуемся, — ответил тот.

— А давай-ка проверим, нет ли в этих луидорах посторонней примеси? — сказал Сашка, усмешливо глядя в лицо менялы, и выставил на прилавок весы. Он не уловил никакого знака со стороны мошенника, но сынок его тотчас исчез из виду.

— Что Вы хотите делать?! — заговорил высоким громким голосом меняла. — Я честный делец, меня все здесь знают. Помогите люди, меня грабят! — вовсе в голос завыл он.

"Вот же сука! И не тронешь его, могут, в самом деле, нападение пришить! Что же делать?"

Что делать, подсказали новые обстоятельства в виде трех еврейских громил с дубинками в руках, которые появились в дверном проеме. В таких случаях Сашка (вы уже ведь знаете, господа читатели) рассудок отбрасывал в сторону и действовал стремительно, в своем фирменном стиле — юлой. Трость в его руках метнулась в сторону бойцов самообороны трижды и все три пейсарика упали на дорогу кулями.

— Проконтролируй! — скомандовал лидер остававшемуся на улице Курту и вернулся в лавку. Через десять минут меняла перевел дух, проводив наружу гоев: отделался просто обменом фальшивых луидоров на полновесные, а мог ведь и жизни или богатства лишиться....

В тот же день Сашка занялся другими рутинными делами: оформлением патентов на свои изобретения, открытием счета в банке, заверкой многочисленных документов у нотариуса, отправкой писем Бестужеву и Марии-Терезии.... Кристиан же выяснял адреса женщин-салондержателей: мадам Жоффрен, дю Деффан, д, Эпинэ, де Буффлер, де Кондорсе....

Для чего городить такие сложности, спросите Вы? Но в эти годы при дворе Людовика 15-го не было ни русского посланника, ни австрийского — Россия и Священная Римская империя числились со времен последней европейской войны врагами Франции. То есть представить "инженера" Чихачева в Версале было некому. Значит, надо было "засветиться" в парижском обществе, чтобы властители Франции (и прежде всего маркиза де Помпадур, в девичестве Пуассон без всякого "де") пригласили в компанию.

У Кристиана, впрочем, ситуация иная: он был подданным Саксонии, которая тоже воевала против Франции, но умудрилась сохранить с ней дипломатические отношения. И он был еще и принцем. Вот его просто следовало внедрить в аристократические выси, чтобы он стал там глазами и ушами Алекса Чихачева. "Так что езжайте к посланнику, Карл Кристиан.... Я же поеду, пожалуй, к Ле Бретону, издателю Энциклопедии — авось он меня на Дидро или д, Аламбера выведет. Вот только где его издательство квартирует? Ясно, что в Латинском квартале, но где? Ладно, доберусь до Сорбонны и там спрошу у какого — нибудь препода...."

И вот он перед его глазами, самый знаменитый университет континентальной Европы. Прямоугольный глухой квартал из сплошных зданий высотой в 3–4 этажа, входы в который устроены через капеллу святой Урсулы и под аркой другого торца квартала. "Ан нет, есть кое-где щели между зданиями по 1–2 м, но перегороженные железными калитками. Не очень-то здесь студентам доверяют.... Или от уличных гаврошей отгородились?"

У входа под арку Алекса учтиво остановил служитель в серой одежде и поинтересовался, с какой целью тот идет в Сорбонну. "Молодцы! — одобрил Сашка. — Видит ведь, что я не простой Жан Жак и могу в момент, рассердившись, проколоть, но службу блюдет". И кстати же остановил: оказалось, что издательство Ле Бретона арендует площадь в соседнем Коллеж де Франс. "Вот и ладушки. Чего я не видел в этой Сорбонне? Ничего, конечно, но помесь монастыря с нашим архивным вертепом".

В коллеже все было устроено наоборот: заходи во дворы с любой стороны и никаких служителей. Студентов тоже во дворах почти не было, но виной тому была, видимо, холодная ветреная погода. Один из студентов-стойков и показал Алексу вход в издательство. Войдя, он сразу ощутил своеобразный запах, про который решил, что это, наверное, пахнет типографская краска. В первой комнате не было никого, а во второй, вдоль стен которой громоздились стопы книг и журналов, он увидел человека лет 50 в одних кюлотах и

рубашке, который рылся в этих стопах.

— Бон жур, мсье, — коротко кивнул дворянин Алекс. — Ваше имя Ле Бретон?

— Мое имя Жерар Бриассон, мсье, — выпрямился во весь рост коротыш и умолк с несколько вызывающим видом.

— Бриассон? — защелкал в Сашкиной голове калькулятор. — Вы ведь имеете отношение к изданию "Энциклопедии"?

— Да, имею. А Вы тоже пришли с опровержением?

— Нет, нет. Мне хотелось бы встретиться с мсье д, Аламбером....

— А почему же не с мсье Дидро? Он является главным составителем этого труда....

— Но он ведь не математик? У меня интерес к мсье д, Аламберу именно как к математику....

— Здесь, как видите, сейчас нахожусь я один. Рано или поздно появятся, конечно, и Дидро и д, Аламбер, но когда — это известно только им.

— Я в Париже проездом и большим временем не располагаю. Прошу, скажите мне адрес д, Аламбера и я удалюсь.

— Мы адресов своих авторов никому не даем.

— О господи! Дело в том, что я — тоже математик, только начинающий. Я доказал оригинальным способом несколько теорем и хотел показать их решения именно д, Аламберу — ведь известно, что он настоящий математический гений. И если он одобрит мои наработки.... Впрочем, одна из них настолько проста, что даже Вам ее решение будет понятно. Речь идет о геометрическом доказательстве теоремы Пифагора....

— Даже мне? Ну, покажите....

Господа-товарищи, надеюсь приводить это решение на страницах данной книги нет необходимости — любой интересующийся сразу найдет его в Интернете. Ну а Жерар Бриассон вполне им впечатлился. Впрочем, адреса не дал, но пообещал показать Сашкин рисунок д, Аламберу и сообщить ему адрес мсье Чихачева в Париже. И на том спасибо, конечно.

Глава третья. Встреча с гением

Без Кристиана, отбывшего в Версаль (кто знает насколько?), Сашка почувствовал себя сиротой. Очень привык к его неизменному доброжелательному вниманию и к своему статусу ментора при младшем брате. Оставался, конечно, Петер, но тот настолько вжился в роль слуги самого замечательного господина на свете, что в собеседники совсем не годился. Где же этот неуловимый мсье д, Аламбер?

Сашка стал ходить ежедневно в кафе "Прокоп", но его хозяин сообщил, что господа Дидро и д, Аламбер у него давненько не бывали. Навещал и издательство, но пореже, через день — тоже безрезультатно. Наконец, однажды вечером к нему зашел хозяин квартиры с известием, что днем являлся какой-то мсье и написал герру Чихачеву записку. Сашка развернул ее и заулыбался, увидев строчку: "Мсье Чихачев! Мне было бы интересно с Вами встретиться. С утра и до обеда я всегда дома". Далее подпись с внятыми первыми 4 буквами "d,ale" и адрес на улице Сент-Антуан.

Он явился по указанному адресу к 10 часам. Квартал, где проживал великий человек, был в пролетарской части Парижа и дом его не выделялся в ряду других непрезентабельных домов, вернее, домиков: в 2 этажа, но всего в 4 комнаты. Сашка вышел из коляски, постучал деликатно в дверь и через минуту оказался перед невысокой полной женщиной в возрасте под 60, одетой в простецкое платье и подпоясанная передником.

— Что Вам угодно, мсье? — окинула она его живыми любопытными глазами, которые враз потемнели при виде шрама. — Мсье д, Аламбера нет дома!

— Мое имя Алекс Чихачев, мадам. Мсье д, Аламбер назначил мне встречу на сегодня. Она может оказаться для него не менее важна, чем для меня.

— Чихаче? Что за имя странное.... Да и Вы, мсье, с Вашим шрамом.... Вы бретер?

— Нет, нет, мадам, я — жертва бретера.

Вдруг на верхней площадке лестницы открылась, видимо, дверь, и звучный мужской голос спросил:

— Кто там пришел, ма шери? Это ко мне?

— Мсье Чихачев! Ты его ждешь?

— Да, да,пусти его, ма террибль!

Великий человек, вставший навстречу Сашке, оказался подтянутым шатеном среднего роста (под 170 см) и возраста (под 40 лет) и с выразительным лицом, в котором особенно привлекали глаза (проницательно-доброжелательные) и улыбка, под стать глазам. "Очень симпатичный, — решил Сашка. — И чем-то Отто напоминает". Тем временем представился:

— Алекс Чихачев, из России. Пытаюсь стать инженером.

— Жан д, Аламбер. Пытаюсь стать математиком.

Оба рассмеялись, после чего беседа их стала непринужденной. Незаметно Сашка рассказал о своих инженерно-медицинских перипетиях в Ганновере, Дрездене и Вене, от которых Жан пришел просто-таки в восторг. "Значит, оспу так просто предупредить? Невероятно! Хотя совершенно правильно: ведь яд змеи тоже лечит, подмешанный к мазям в небольшом количестве!".

Затем он одобрил оригинальное доказательство Алексом теоремы Пифагора, потом рассказал о своем математическом описании колебаний струны через дифференциальные уравнения второго порядка, но заметив, что собеседник в этих понятиях "плавает", перешел

на уточнение формы Земли путем измерения меридиана в разных ее широтах.... Тут Сашке удалось вставить пять копеек, приведя пример с сегментированной юлой, которая сжимается по оси по мере ее раскрутки.

— А хотите я Вас удивлю? — вдруг сказал Сашка. — Вырежьте полоску бумаги и поставьте на ее обеих сторонах по точке. Вопрос: можно ли эти точки соединить линией, не отрывая перо от бумаги? Нет? А если концы полоски склеить? Опять нет? А если полоску перекрутить и склеить?

— Невероятно! — потряс головой математик, впервые в этом мире наблюдая кольцо Мебиуса. — Исследование этой фигуры должно привести к невероятным последствиям в математике, а может и физике. Ведь помимо искривленной плоскости может существовать искривленное пространство!

— Вот я об этом только что хотел сказать, — подхватил Сашка. — Эвклид разработал свою геометрию для плоскости. Но на сферической Земле любая плоскость будет только фрагментом очень большой сферы. То есть она похожа на плоскость, но ей на самом деле не является. И линии на сфере поведут себя по-другому: например, параллельные, вроде бы, меридианы будут вынуждены пересечься.

— Меридианы — да, но параллели широтные останутся....

— Хо, хо, с ними тоже есть парадокс. Если на географической карте взять два города, расположенные на одной "прямой" параллели, то будет ли расстояние между ними по параллели кратчайшим?

— Вроде бы да.

— А вот и нет. Кратчайшее расстояние получится, если через эти два пункта и центр Земли провести плоскость, пересечение которой с поверхностью и даст кратчайшую дугу, не совпадающую с параллелью. Вы математик и можете легко это просчитать.

Д, Аламбер тотчас сел к столу, набросал рисунок сферы, провел широтную плоскость через точки, потом диаметральною, сделал несложный арифметический расчет и повернулся к необычному гостю:

— Мсье Чихачев! Вы, несомненно, гений! Вероятно, только в России с ее необъятными просторами и мог появиться такой оригинальный подход к геометрии. Вы обязаны развить свою теорию, описать в математических терминах!

— Мсье д, Аламбер, Вы ведь поняли, что я не силен в математике. Все, что у меня есть — это объемное представление пространства и умение выискивать подобия. Вот Вам новый пример подобия: мы знаем теперь, что Земля имеет форму шара, который вращается вокруг своей оси, а также летит в пространстве, вращаясь вокруг Солнца. Но что мы знаем о Солнце, кроме того, что это тоже шар?

— Что оно очень горячее и светится, А, да: со времен Галилея известно, что на Солнце возникают и исчезают темные пятна.

— Верно. А также установлено, что эти пятна движутся по солнечному диску, из чего можно сделать заключение, что Солнце тоже вращается вокруг своей оси.

— Да? Я об этом не знал. Откуда у вас эти сведения?

— В обсерватории Цюриха недавно стали вести ежедневные наблюдения за Солнцем — их астрономы и установили движения пятен. Предвосхищая Ваш вопрос, скажу, что в России об этом ничего не знают, я услышал об этих наблюдениях в Вене.

— Нет, Вы положительно кладёте знаний. И идей. Так что вы еще хотели сказать о Солнце?

— По теории подобий оно не только должно вращаться как Земля вокруг оси, но еще и лететь куда-то в пространстве, вместе со своими планетами. И полет этот, вероятно, будет опять вращением вокруг какого-то центра.

— То есть Солнце не является центром Вселенной?!

— Думаю, что нет. Оно, мне кажется, подобно звездам, которых так много на небе. И возле каждой звезды должны быть планеты подобные Земле, Венере, Марсу, Юпитеру и Сатурну

— Мой разум с трудом может это понять. И что, все эти звезды тоже летят, причем вокруг какого-то центра?

— Да! Еще один пример подобия: Вы ведь знаете, что планеты вращаются вокруг Солнца примерно в одной плоскости, называемой эклиптической?

— Да, на этом сошлись все современные астрономы.

— Значит, по аналогии Солнце и звезды тоже должны вращаться как бы в эклиптике. И эту эклиптику на небе видно! Не догадываетесь? Это Млечный путь! Вот то кольцо, в котором сосредоточено большинство звезд нашей Вселенной.

— Но звезды окружают Землю со всех сторон, почти равномерно.

— Это объяснимо огромными масштабами Вселенной. Мы видим противоположную сторону Млечного кольца и видим еще, что она имеет значительную толщину. Сами же находимся внутри другой стороны и потому окружены звездами со всех сторон.

— Мне надо все сказанное Вами осмыслить. А Вам следует изложить эти данные на бумаге: со всеми фактами, догадками и следствиями из них. Я же приложу все усилия, чтобы Ваше феноменальное сочинение было издано.

— Мсье д, Аламбер. То, что я скажу, будет трудно понять Вам, человеку, живущему наукой. Мне элементарно лень. Идеи рождаются в моей беспутной голове как грибы, но собирать их я охотно предоставляю другим. Я — генератор идей, но не их реализатор. Впрочем, когда дело доходит до воплощения идей в сфере техники, тут во мне снова пробуждается интерес к творчеству. Хотите, кстати, я оборудую Вашу квартиру канализацией и центральным отоплением?

— Вы преступник, Алекс. Так расплытаться нельзя. Вы ничего нигде не добьетесь.

— Зато мне легко идти по жизни, совершая то тут, то там разнообразные добрые дела. Знаете, какое в этой фразе ключевое слово? Разнообразные, мсье д, Аламбер.

Глава четвертая. Фурор в салоне мадам Жоффрен

Спустя три дня, в среду, Алекс Чихачев с утра был занят созданием своего "светского образа", в котором важно было ни в чем не переборщить: мадам Жоффрен, в салон которой он был приглашен по протекции д, Аламбера, была чутка на фальшь. Значит прическа из своих темно-русых волос (им куафюр умудрился придать объем), отросший хвост которых задрапирован черным бантом, голубовато-синяя тройка (кюлоты-камзол-кафтан в комплекте с ослепительно белой рубашкой), черные чулки и туфли. Диковатый, но симпатичный мужчина "а ля рус" готов к лицезнению. Трость, конечно, при нем — куда без нее.

Прибыл он в районе обеда, на обед и попал. Служанка отряхнула с него какие-то соринки, ввела в гостиную и, сказав "Мсье Алекс Чихачев", исчезла. В комнате было человек пятнадцать, в том числе три женщины. Навстречу с кресла поднялась эффектная статная дама лет под 50(?) с высоко зачесанными светлыми волосами, в платье веселого оранжевого цвета (с кринолином, разумеется), из которого выглядывала полная грудь, полускрытая батистовой косынкой, стянутой лиловыми бантами. Дама пристально взглянула в глаза Алексу (у него пробежал по спине холодок!) и через несколько секунд удовлетворенно улыбнулась.

— Добрый день, мсье Чихачев. Я — Мария-Терезия, хозяйка этого дома, а это мои почти постоянные гости. Но в моих правилах иметь по средам одного-двух новых гостей, которые способны взболтать стоячую воду нашего милого болотца и заставить обсевших его лягушек заквакать погромче. По силам Вам такая задача?

Сашка нарочито медленно обвел взглядом полукруг гостей (приметил вдруг среди них Гольбаха и чуть ему поклонился), вернулся к недоумевающей хозяйке, склонился в более низком поклоне и сказал с легкой улыбкой:

— Я попытаюсь. Только заранее прошу у Вас прощения: я недавно освоил французский язык и некоторые обороты, особенно двусмысленные, еще не понимаю.

— Жаль, мы, французы, без двусмысленностей в разговоре обходиться уже не умеем, — попеняла ему мадам Жоффрен. А потом обратилась ко всем:

— Господа, теперь все в сборе, прошу в столовую — отдадим должное моим поварам.

Обед из трех блюд оказался вполне достойным для того, чтобы быть поданным в самом известном парижском салоне, причем французы вполне в немецком духе за обедом почти не разговаривали — видимо, дифференцировали удовольствия. Даже кофе они смаковали, не отвлекаясь на пустой треп. Зато после обеда, когда все вернулись в гостиную и расселись по своим местам, речи из них потекли все более оживленными ручейками.

Как Сашка и ожидал, мадам Жоффрен не стала сразу наседать "на новенького", а предоставила слово Дидро, спросив, скоро ли мы увидим новый том "Энциклопедии". Отозвался поджарый господин в сером кафтане, стандартном напудренном парике и со значительным таким рубильником на месте носа, которого хотелось одновременно назвать и молодым и зрелым, то есть в возрасте около 45 лет. Говорил он энергично и долго, но его монолог вдруг прервала мадам Жоффрен:

— Довольно, Дени. Из Вашей речи понятно, что в ближайшее время пятого тома нам не видать. И повинны в том господа Гольбах и д, Аламбер, не способные найти консенсус. Что Вы по этому поводу можете сказать, Анри?

— Мсье д, Аламбер — человек добрый по натуре и не желает обижать церковных

пиявок, паразитирующих на давнем заблуждении человечества, называемом религией. Но истина, Жан, одна: Бог либо есть, либо его нет. Пора бы Вам уже выбрать одно из двух и тогда продолжить нашу энциклопедию или уйти в раковину "чистой" науки.

— Что Вы можете сказать в свою защиту, Жан?

— Моя доброта здесь не причем. Мсье Гольбах не желает понимать, в каком мире мы живем, кто этим миром правит. Правят же короли и клерикалы, которые способны прекратить издание Энциклопедии в любой момент. Не понимаю, как Анри этого не понимает.

— Да, противоречие трудно разрешимое: истину сказать нельзя, хотя она, как сказал Дон Кихот, дороже.

— Позвольте мне высказаться на этот счет, — вдруг встрял неожиданно для всех Сашка.

Мадам Жоффрен с невыразимым любопытством посмотрела на "новика" и кивнула без слов.

— Я хочу возразить герру Гольбаху в связи с его утверждением о том, что Бога нет и не было. Вы на этой формулировке настаиваете? Хорошо. Так вот, я готов согласиться с тем, что Бога в настоящее время в мире нет. И все завывания церковников и мольбы людей обращены в пустоту. Но вполне вероятно, что давным-давно наш мир был все-таки сотворен Богом. Или каким-то предшествующим человечеством, которое в процессе своего развития зашло так далеко, что смогло управлять процессами созидания звезд, Солнца, планет и жизни на этих планетах. Иначе без управляемого вмешательства такого Разума трудно объяснить некоторые природные явления.

— Какие именно? — взвился Гольбах.

— Например, существование возле Земли Луны. Этот спутник, если посмотреть на него в телескоп, сплошь изъязвлен огромными кратерами, но никакой вулканической активности на нем не видно. Похоже, что все кратеры Луны имеют метеоритное, то есть ударное происхождение. Значит, если бы Луны-защитницы не было, все эти каменно-железные глыбы падали бы на Землю и тогда о цветущей жизни здесь можно было бы забыть. Случайно ли Луна оказалась возле Земли? Все может быть, но мне хочется думать, что ее поместили здесь когда-то всемогущие разумные существа.

— Но куда они подевались, — спросила мадам Жоффрен.

— Кто знает. Вселенная велика: может быть, помогают сейчас выжить какой-то другой, внеземной цивилизации?

— Что значит велика? — встряла молодая дама с мелкими чертами лица, сидевшая возле хозяйки. — Разве не Солнце является ее центром?

Вышел Сашка от мадам Жоффрен в окружении нескольких его новых почитателей, в числе которых оказалась и Жюли де Леспинас (та самая задира). Сначала компания проводила мадемуазель к ее квартире в стенах монастыря Сен-Жозеф (где другой известный салон держала мадам дю Деффан, ее тетья), а затем поехали к Гольбаху — ужинать и продолжать интересные дебаты. "Как я вам завидую, мужчины! — сетовала Жюли. — Вы вправе продолжать вечер, а я нет". Что касается Гольбаха, то он хоть и был узколобый немецкий атеист, но своих друзей привечал как истый француз, чем они, признаться, и злоупотребляли — но ведь ни у кого из них не было такого наследства, как у Анри....

Уже поздно вечером Сашка повез д, Аламбера на улицу Сент-Антуан, и по дороге подвыпивший ученый поведал новообретенному другу Алексу про свою влюбленность в

мадемаузель де Леспинас. Только из-за нее он часто бывает в салоне мадам дю Деффан и там любуется ее грацией и наслаждается ее остроумием. "Что там за грация и какое остроумие, — недоумевал Сашка. — А уж верность в ее добродетели точно не входит: я-то знаю, что означает, когда эти бэби начинают смотреть снизу вверх воловьими глазами....". Впрочем, Жан пока в число ее возлюбленных не входил. "И не надо, все равно она его бросит: ботан во все времена ботан. С другой стороны он так ведь и не отведаст, что это за штука такая: любовь....".

Глава пятая. Артистический салон

В пятницу Сашка вновь засобирался в салон мадам Жоффрен: она пригласила его на этот раз на свой ужин, проходивший в артистическом кругу. "Отчего Вы не идете?", — спросил Алекс у друга Жана. "Я иду сегодня к мадам дю Деффан, где будет и мадемуазель де Леспинас. Вы — другое дело: мне кажется, что и в Версале Вы бы не спасовали". В итоге Алекс оказался на ужине без знакомцев — если не считать мадам Жоффрен. Но тем эта мадам и была хороша, что если бралась патронировать очередного любимца, то делала это от всей души.

Таких любимцев на данный момент оказалось два: новоявленный мсье Чихачев и уже постоянный Станислав Понятовский — молодой красавец среднего роста (около 170) с выразительными карими глазами и породистым носом с горбинкой. Всем он был хорош, но рядом с Алексом становиться избегал — сразу было заметно, что он мельче нового фаворита. Прочие господа были постарше: от 30 до 50 лет, а двое уже сильно за 60. Во время ужина Сашка пронаблюдал за каждым присутствующим и стал их различать. Присутствовало также 6 дам, одна из которых (лет за 30) была похожа на мадам Жоффрен. Позже выяснилось, что это ее замужняя дочь, маркиза Ля Ферте-Эмбо, которая тоже держала в Париже салон, причем исключительно для аристократов. "Эффектна, что там говорить, — признал Сашка. — В моем вкусе. Чего я так тащусь на этих теток? Видимо, зацепил меня Эдипов комплекс...."

Тем временем все переместились в гостиную, где мадам Жоффрен вновь стала назначать выступающих:

— Мсье Мармонтель, не расскажете ли обществу, что нас ожидает в Гранд-опера в ближайшее время?

С кресла ловко встал человек лет 30 с улыбочивым лицом и начал рассказ о закулисной жизни театра, где он, оказываясь, был почти штатным либреттистом. Выяснилось, что война буффионов в Гранд-опера продолжается: сторонники аристократизма не желают пускать в театр комические оперы, а их противники указывают на то, что времена переменились, и оперы на мифологические темы всем приелись. В итоге ничего нового в ближайший год ожидать не стоит, будут пока идти старые постановки итальянских опер и балетов.

— Что ж, мадам и мсье, кто желает на эту тему высказаться? Нет желающих? Тогда я буду назначать. Начни, Станислав.

Понятовский тоже встал ("Они на уроках что ли?" — удивился Сашка), помялся и признал, что с удовольствием посмотрел бы снова "Служанку-госпожу".

— Устами младенца глаголет истина, — удовлетворенно кивнула Жоффрен. — Но у нас есть новый гость, мсье Чихачев: что-то он нам скажет?

— "Служанку" и я посмотрел с удовольствием, хоть и в Берлинской опере, — сказал Сашка. — В отличие от "Цезаря и Клеопатры" композитора Грауна. Но вообще-то я мало опер видел — значит, и судить мне рано.

— Речь не мальчика, но мужа, — опять "штампанула" Жоффрен. — Думаю, тему можно закрыть. Жаль только, что Гранд-опера в этом году не будет представлять для нас интереса. А что ожидает публику в "Комеди Франсез"? Вам слово, Анри.

Со стула вскочил и всем с шутливой улыбкой поклонился невысокий шустрый

человечек, обладатель чрезвычайно подвижной мимики:

— У нас совсем, совсем не то. Каскад спектаклей, на любой вкус. Но первым номером пойдет трагедия великого, не побоюсь этого слова, Вольтера под названием "Китайский сирота". Это будет бомба! Экзотические декорации, актеры играют в китайских и монгольских одеждах, сюжет очень замысловатый, но с трогательным финалом.... В общем, милые дамы и унылые господа, приходите к нам и уйдете потрясенными!

— Да Вы уже нас потрясли, — улыбнулась гранд-дама. — А Вы что на это скажете, Ипполи?

С места чуть улыбнулась милая молодая женщина и заговорила с отчетливой, привычной дикцией:

— Боюсь, я не смогу быть объективной, ведь я играю в спектакле одну из двух главных ролей: моя Идамея противостоит в нем великому и ужасному Чингис-хану, которого играет как раз Анри. Он меня там чуть до обморока не доводит, но мое добро победит его зло. Обещаю.

— А в каких спектаклях задействована наша молодая чета Белькур? — обратилась Жоффрен к сидящим вместе симпатичным актерам.

— Пока в комедиях Мольера и Гольдони, а также в "Гувернантке" де ла Шосса. Еще репетируем в его посмертной пьесе "Возвращение" — сказал с места Белькур-муж.

— Да, жаль Пьера. Умел он нас растрогать, хоть и писал вроде бы комедии. А афоризмы его? "Когда все неправы, то все правы". И точка. Ладно, теперь Шарль: что будет идти в "Комеди-Итальянн"?

Ответил полненький господин лет 45:

— Мы сейчас репетируем "Трактирщицу" Гольдони и, конечно, на французском языке. Готовим премьеру комической оперы "Обманутая кокетка" Антуана д, Овернь, которую он представлял полтора года назад в Фонтенбло. Ну и удачные оперы прошлых сезонов: "Бастьенн и Бастьенна", "Праздник любви", "Менялы"... Заходите, не соскучитесь....

— Прекрасно. А что наш мэтр, Жан Поль Рамо, не готовит ли новый сюрприз? Ваши балеты "Анакреон" и "Рождение Осириса" были представлены минувшей осенью королю в Фонтенбло. Быть может, их пора увидеть и парижской публике?

Ответил седой старик с длинным костистым носом, сидевший по правую руку от Жоффрен:

— Мои одноактные балеты? Это просто пустячки, созданные мной, чтобы развлечь двор короля и его маркизы. Взыскательной парижской публике они могут показаться скучноватыми. Но сюрприз я все-таки задумал: это будет 3-актная лирическая опера по сказке-басне Лафонтена "Два паладина". Ее я предназначаю именно для Гранд-опера. Но от завершения ее я пока далек.

— Все бы так творили, как мсье Рамо, — с некоторым пылом сказала мадам Жоффрен. — А то начинаешь считать новинки — пальцев на одной руке вполне хватает. А что у нас нового в области инструментальной или танцевальной музыки? Кто подскажет?

— Позвольте опять мне, мадам? — встал Мармонталь.

— Если новость "горячая", то говорите, Жан....

— До меня дошли сведения, что в Берлине и Вене композиторы активно сочиняют мелодии для совершенно нового танца под названием "вальс". Все там словно помешались и о менюэтах, англезах и гавотах слушать не хотят....

— Новость, в самом деле, нерядовая. И что это за танец? В чем его отличие?

— Увы, мадам, этого я не знаю.

Сашка поколебался пару секунд и тоже встал:

— Я недавно приехал из Вены и могу рассказать об этом танце, а также сыграть и показать, как его танцуют.

— Ах, мсье Алекс! Кругом хорош! — воскликнула мадам Жоффрен. — Покажите, конечно, а мсье Рамо, самый искусный наш игрок на клавесине, Вам подыграет.

— Этому танцу более подойдет сопровождение скрипки и клавикорда....

Глава шестая. Изысканная маркиза

С того артистического салона темп жизни Алекса Чихачева в Париже резко ускорился. С утра его тянул к себе Рамо, который загорелся созданием нового балета на основе вальса, к обеду он спешил в "Комеди Итальянн", где д, Овернь стал писать комическую оперу-буфф с теми же вальсовыми мелодиями, вечером — в тот или иной салон. Впрочем, чаще всего это был салон мадам де Лаферте-Эмбо, куда Сашка шел как бычок на веревочке.... Увы, тянуло его (как мы уже знаем) "на передок", и в городе Париже этот магнит принадлежал Марии-Терезии, обворожительной дочери мадам Жоффрен и неверной жене маркиза Лаферте.

Несколько вечеров Мария-Терезия просто наслаждалась притоком в ее салон самых аристократических горожан Парижа (включая герцога Орлеанского и его супругу!), привлеченных, конечно же, известием, что среди гостей они увидят самого экзотического иностранца сезона, Алекса Чихачева.... Но когда она заметила, что герцогиня, уже скандально известная тягой к brutальным мужчинам, "вешается" на высоченного "русского князя", то отбросила свою рассудочность и, пользуясь правом хозяйки, отозвала Алекса в смежную комнату для частного разговора.

— Мсье Чихачев.... Вы в Париже человек новый и его высшее общество плохо знает. Меж тем контакты с его некоторыми представителями могут Вас необратимо скомпрометировать....

— Вы имеете в виду герцогиню Орлеанскую?

— Да. Ее очень легко увлечь, чем многие мужчины уже воспользовались. Но эти мужчины либо весьма высокопоставлены, либо из самых низов общества — в обоих случаях компрометация им не грозит. Не то с обычными дворянами — их общество отлучит моментально. Тоже может случиться и с Вами....

— Гран мерси за предупреждение, мадам. Но у меня теперь вопрос: если мой адюльтер случится с дамой менее высокопоставленной — графиней или маркизой — я тоже буду отлучен от парижских салонов?

— Что Вы, мсье.... В этом случае в Париже замерла бы всякая интимная жизнь, чего мы, женщины, допустить никак не можем.

— Уф, от сердца отлегло! Я высмотрел как раз одну очень милую маркизу, адюльтер с которой мог бы сделать меня (а может и ее) счастливым....

— О-о! Как же зовут эту даму?

— Ее первое имя начинается на "М", второе на "Т", а в середине фамилии есть буква "Ф".

— Странно: в моих именах и фамилии есть как раз эти буквы....

— Ничего странного, мадам Лаферте, это Вы и есть. В тот вечер у мадам Жоффрен Вашей матери, я пленился Вами.... Мои пальцы затрепетали в желании коснуться Вашей кожи, взгляд утонул в глубине Ваших прекрасных глаз, Ваш дивный голос проникал в самые фибры моей души.... И вот Вы рядом: такая доброжелательная, нежная, женственная....

Тут Сашка решил, что звуковую обработку фемины пора заканчивать (можно переборщить) и переходить к фазе тактильно-целовальной, что с полным успехом и сделал.

Попав в альков к маркизе, Сашка вскоре себя поздравил: мало того, что обладание прелестями мадам Лаферте вызвало в нем бурю чувств, что разговоры с ней в перерывах между изощренными соитиями были насыщены пикантностями, вновь и вновь бодрящими

его "эго". Оказалось еще, что в числе ее знакомых дам была Жанна д, Этиоль, которая ныне именуется "маркиза Помпадур"! Они, конечно, давно не виделись, но десять лет назад были очень дружны. "Значит, еще шаг — и я могу оказаться в центре политической жизни Франции"....

На интимную связь с Помпадур Сашка не рассчитывал. Он был достаточно начитан и знал, что знаменитая любовница вовсе не была эротоманкой (в отличие, скажем, от своей подруги Лаферте), а после смерти дочери в 1754 г вообще от интима с королем отказалась. Но к тому времени в ее руках сосредоточилась вся реальная власть (король о-очень не хотел заниматься делами государства и привык, что все решает за него умная любовница) и, чтобы ее не утратить, она стала в интимной сфере фигурой, называемой "мадам", то есть хозяйкой публичного дома. Дом этот имел название "Олений парк", находился в тихом квартале Версаля и жила там молоденькая любовница, которую и нежил какое-то время сластолюбивый король (пока она его возбуждала) — а потом ее сменяла другая девонька. Когда за дело эротических развлечений короля взялась Помпадур, она создала в этом квартале "пансион для воспитания благородных девиц" в возрасте от 9 до 17 лет, причем после 15 лет король самолично лишал их девственности — а далее как сложится. Подбирал девушек из дворянских отпрысков секретарь (родители письма писали с просьбой устроить доченьку, вполне отдавая себе отчет о ее судьбе!), но одобряла каждую сама Помпадур. Годом к 16–17 король отправлял любовниц в отставку, одаря приличной денежной суммой и пристраивая замуж — но более они в поле зрения Людовика не попадали. Впрочем, такой порядок был заведен, кажется, позже, году к 60-му....

Из того же Интернета Сашка почерпнул другую любопытную информацию (может и неверную, а вдруг?): будто бы преждевременная смерть маркизы (в 42 года!) была вызвана неумеренным увлечением клизмотерапией. Сначала ставила перед свиданиями с королем, потом при случавшихся от неправильной пищи запоров (трюфеля и устрицы вместо каш, хлеба и каш), а потом уже при всяком посещении туалета — прямая кишка отучилась сокращаться. "Как бы это проверить? — лениво думал Сашка, меж тем разминая ладонями гладкую кожу спины, ягодиц и ног постанывающей от неожиданного удовольствия маркизы Лаферте. — Ладно, рано заморачиваться, сначала в ее окружение надо попасть".

Тут самое время сказать, что в интимных отношениях с маркизой Лаферте Сашка использовал (впервые с момента попадания) визуальные впечатления от порносайтов 21 века: с предшествующими любимицами ему хватало простых, естественных объятий и совокуплений, но мадам де Лаферте была что-то с чем-то.... Каждый новый изыск экзотического любовника она воспринимала с такой готовностью и восторгом, что ему не хватало духу признаться в своей приверженности традиционному сексу. Поэтому он варьировал ласки, варьировал и варьировал — получая раз за разом взгляды и речи маркизы, полные удивления и признательности. "Этак и до приемов маркиза де Сада придется дойти, когда прочие кончатся: и что тогда? Нет, надо от нее в Версаль литься. Хоть и жаль будет с этакой секс-феминкой расставаться...."

Мысли о Версале были, но способ проникновения в него в голову никак не приходил. Вдруг оттуда приехал Кристиан — с готовым решением.

— Когда мадам Помпадур узнала, что я хорошо знаком с автором чудесного танца "вальс", то обязала поехать в Париж и Вас, Алекс, привезти.

— Что, даже не отдохнете здесь от дворцовых порядков?

— Ох, верно, Алекс, версальская жизнь регламентирована до мелочей. С Фридриха

Прусского, что ли пример берут? Поэтому дня два, думаю, здесь побудем. Но куда мы сегодня пойдём?

— Скажите, в Версале у Вас дама сердца появилась?

— Есть одна фрейлина, с которой мы друг на друга смотрим — этим все и ограничивается.

— Тогда едем к моей интимной подруге, маркизе де Лаферте: надеюсь, она Вам обрадуется....

— Мы будем у нее одни?

— Будем а ттуа. Только Кристиан, прошу Вас ничему не удивляться. Маркиза — ультрасовременная женщина и сейчас изучает древний индийский эпос под названием "Камасутра", причем на практике. Мы с ней дошли до раздела, практическое изучение которого возможно только втроем. Понимаете?

— Нет, Алекс. Я бываю туповат в том, что касается женщин, Вы же знаете.

— Ладно. Примите то, что, надеюсь, произойдет, как необходимый этап в развитии Ваших отношений с ними....

Глава седьмая. Заинтригованная Помпадур

Уехали они в Версаль через три дня, причем два последних Кристиан по просьбе маркизы Лаферте был с ней наедине. Сашка и подивился специфике женских эмоций и обрадовался: освободился от сладких пут сам и помог освоиться в интимной сфере Кристиану. Принц, и правда, высказал ему свою благодарность, хотя с виноватым выражением лица. Сашка поспешил заговорить об ином (про салон мадам Жоффрен) — на том они инцидент с маркизой и замяли.

Не все читатели, вероятно, знают, что Версаль находится в 20 км к юго-западу от Парижа, в начале водораздельного пространства между Сеной и Луарой. Это пространство и в наши дни изобилует лесными массивами, а 350 лет назад их было, конечно, больше. Версаль был создан на краю одного такого массива — сначала как относительно компактный двухэтажный дворец, а потом достраивался, достраивался и еще обстраивался малыми дворцами, а также домами для знати и разнообразной обслуги. К середине 18 века в Версале уже проживало около 50 тысяч человек! В одном из городских домов Кристиан смог снять для себя и Курта квартиру из 3 комнат — ну, а теперь Курта и Петера свели в одной комнате, а во второй (бывшей гостиной) поселился Алекс. Кристиан хлопотал при вселении больше всех, а потом распорядился заказать ужин из расположенного поблизости ресторана.

Вечером, после ужина, когда они уселись перед уютным огнем камина с бокалами горячего глинтвейна (шел март, но пока очень ветреный), Кристиан счастливо вздохнул:

— Я так рад, Алекс, что мы снова живем вместе. Мне было здесь одиноко, даже тоскливо. А теперь я знаю, что все пойдет по-другому: энергичнее, живее, радостнее....

— Поживем — увидим, Кристиан. Вдруг маркиза усмотрит во мне для себя опасность? Я ведь задумал ее власть ограничить....

— Но как, Алекс? Перед ней все здесь на цыпочках ходят....

— Пока не знаю как. Впрочем.... Не поможет ли наша милая искусница Лаферте, изучившая все тонкости индийской эротики? Если познакомить ее с королем нашим, Людовиком Озабоченным?

К мадам Помпадур их пригласили во второй половине дня. Сашка волновался как абитуриент перед первым экзаменом: такая знаменитая и проницательная женщина! Раскусит его как орех и скорлупки выплюнет на свалку истории....

Первым в гостиную мадам вошел Кристиан, Сашка же чуть сзади и левее. Посреди комнаты в кресле он увидел среднюю по всем параметрам женщину: возрасту, телосложению, миловидности и пышности одежек. Но тут их взгляды встретились, и Сашка затрепетал: столько было в ее глазах прелести, мудрости и затаенной грусти.... Меж тем они отвесили мадам (за креслом которой стояли две молодые фрейлины, а обочь — фронт лет 30, опиравшийся на трость) изысканно-учтивые поклоны и замерли в ожидании ее приветствия.

— Наконец-то, принц, Вы нашли время меня навестить, — ласково пожурела Кристиана фаворитка. — Признаться, я ожидала Вас двумя-тремя днями ранее. Впрочем, я давно не была в Париже: за это время он, наверно, отдалился от Версаля на значительное расстояние?

— Поймав сразу одного зайца, я решил было поймать другого, но потерпел афронт, —

неожиданно для Сашки решил пошутить Кристиан.

— Вероятно, это была зайчиха? Я угадала! — засмеялась Помпадур, и смех этот Сашке тоже понравился: залиvistый, милый, искренний....

Кристиан вместо ответа еще раз поклонился и заметно покраснел.

— Какой Вы еще мальчик, принц, — совсем развеселилась примадонна, и стало казаться, что она недалеко ушла от Кристиана по возрасту. — Но пора бы Вам представить своего спутника. На мой взгляд, на зайца этот молодец совсем не похож. Судя по шраму на его щеке, он куда ближе к хищникам....

— Представляю, миледи: Алекс Чихачев, дворянин из России, наделенный разнообразными талантами и умениями. Он успел проявить себя как инженер, математик, астроном, медикус, музыкант, композитор и сочинитель сказок.

— Ого! — удивленно-недоверчиво посмотрела мадам в глаза "русскому чуду", и Сашку вновь окатила трепетная волна. — А что Вы скажете, мсье, в ответ на этот панегирик?

Сашка внутренне подобрался и начал свою партию:

— Скажу, что он похож на все панегирики: в них похвальные слова всегда преувеличены. Впрочем, Кристиан мой друг, и потому его преувеличения сдвоены.

— Ловко сказано, — одобрила Помпадур. — Но крупницы истины в его похвалах есть?

— Единственное, с чем я могу себя поздравить — это с хорошей памятью. Я запоминаю достижения других людей и пытаюсь их при случае воспроизвести. Впрочем, некоторые мыслеформы приходят ко мне во сне.

— Как Вы сказали? Мыслеформы? Оригинальное слово. А как у Вас получилось создать вальс? Ведь это Вы придумали этот замечательный танец?

— Как раз во сне, Ваше сиятельство. Во сне большинству людей снится что-то необычное. Тут главное сразу повторить вслух или записать. Я же первый вальс, который "услышал" во сне, сразу проиграл, а потом по памяти записал нотами.

— Так значит, Вы учились все-таки музыке, раз знаете нотную грамоту?

— Только азам, мадам. Еще играю как школяр на флейте, клавинофордах и гитаре.

— Вы играете на испанской гитаре? — поразилась Помпадур. — Или все-таки на виоле?

— На гитаре, — упорствовал Сашка, уже кляня себя за эту машинальную оговорку. — Но повторяю, как школяр.

— Хотелось бы Вас послушать. Мне только рассказывали об этом средневековом инструменте, но слышать игру на нем не приходилось.

— Проще простого, — понесло Сашку. — Вы сводите меня с мастерами, которые делают скрипки или виолы, они изготавливают гитару по моему эскизу — и я Вам с удовольствием сыграю и спою. Только предупреждаю: тенорных трелей от меня не ждите.

— Вы очень меня заинтриговали. А откуда у Вас знания медикуса?

— Их не было и нет, миледи. Но я видел, как ставят прививку от оспы и убедил родственников Кристиана ее себе сделать. Надеюсь, что теперь принцы и принцессы Саксонские умирать от этой болезни не будут.

— Так значит, прививки от оспы действенны? Нам о них все уши прожужжал Луи-Филипп Орлеанский, но до реального дела у него так и не дошло. Я Вас с ним обязательно сведу. Ну, а где Вы проявили себя как инженер?

— В России, — решил не афишировать Сашка свое пребывание в недружественных Франции странах. — У нас очень холодные зимы, но приближенные императрицы стали

строить дворцы европейского типа. Обогреть их зимой, весной и осенью очень сложно. Я же услышал от кого-то, что в Версале проведены трубы с горячей водой для обогрева — и оборудовал один из дворцов системой центрального отопления. За это императрица премировала меня поездкой в Саксонию — видимо, в надежде, что я еще что-нибудь полезное перейму. В Дрездене мы с Кристианом познакомились, а потом подружились.

— Как же Вы к нам во Францию попали?

— Меня всегда манил Версаль — самый грандиозный дворец мира. Вот я и уговорил Кристиана сюда поехать — пока мы молоды и не обременены службой и семьей. А тут кроме версальских красот и системы его отопления судьбе угодно было преподнести еще один сюрприз — лицезреть Вас и беседовать с Вами, мадам....

Те, кому довелось в своей жизни общаться с сильными персонами нашего мира (боссом корпорации, губернатором, ментом, уголовным авторитетом), знают, как это непросто: и в пот бросает по ходу общения и в холод и ощущение щупальца во внутренностях — а дело, с которым ты к этому силовику пришел, надо протолкнуть.... Зато какое облегчение охватывает, когда закроешь за собой дверь его логова, выйдешь на свет божий, а там и солнышко ласково сияет и птички беззаботно поют! Похожее чувство появилось у Сашки, когда они с принцем покинули гостиную всесильной фаворитки: и ласкова она была и авансов выдала кучу, а вот поди ж ты.... "Причем, позади только первый раунд, а сколько их еще будет? И все время контролировать произносимое и подготавливать в уме сокровенное? Зачем мне все это надо?" — в который раз задавал себе вопрос Сашка Баснеплет, но знал, что вопрос этот риторический.

— Куда пойдём, Алекс? — спросил тоже оживший Кристиан.

— По адресам, мон принц, которые нам выдала мадам. Первый — скрипичного мастера, потом — медикуса Кенэ, потом архитектора Габриэля....

— Всех обойдем за сегодня? — ужаснулся Кристиан.

— Пойдемте, Кристиан, пойдемте. Решим первую задачу, на часы посмотрим — они нам дальнейший расклад и подскажут.

Глава восьмая. Версальская спевка

Жизнь в Версале шла давно заведенным порядком (преимущественно прогулки с распространением свежих сплетен и вечерние развлечения в виде ужина с вином и гризетками или более сложного флирта с замужними дамами), как вдруг общество единодушно возмутилось: эта неугомонная Помпадур придумала новое издевательство — заражение всех придворных оспой! Основными исполнителями стали Толстый Орлеан (рогоносец, давно с этим идиотизмом про оспу носившийся) и лекарь Кенэ, но мы-то знаем, кто стоит за их спинами. Надо отправить делегацию к королю! Пусть защитит нас от этой особы....

Но его Величество взял и первым прошел процедуру вакцинации! Стон прошел по рядам высокородных дворян — а куда деваться? Встали тоже в очередь и теперь уж старались друг друга опередить: королевские секретари зоркие, усердие или отлынивание каждого заметят. Впрочем, откуда-то явился слух, что подлинным инициатором прививки стал новый персонаж, вот уж с неделю мелькающий то тут, то там в коридорах Версаля: очень высокий молодой иностранец без парика и со шрамом на щеке — то ли немец, то ли даже русский! А в ассистентах у него саксонский принц, третий сын курфюрста Августа, которого до сей поры никто всерьез не воспринимал. И маркиза их вроде бы патронирует! Надо за ними проследить: вдруг еще какую-нибудь пакость маркизе и королю подсунут?

И точно: этот парвеню со шрамом стал теперь с архитектором Габриэлем и его секретарем что-то обмерять то в галереях, то в комнатах дворца. Спросили, разумеется, у Жак-Анжа (он хоть не дворянин, но архитектор потомственный, в пятом поколении, да и свой давно) и тот сказал удивительную вещь: во дворце будет создаваться полноценная система центрального отопления вместо редких труб с едва теплой водой. Это было бы хорошо, конечно (в иные зимы ведь невозможно зайти в Зеркальную галерею да и в другие просторные залы), но этот "инженер" как то не внушает доверия.... Покрутится, грязь кругом со своими трубами и батареями развезет да исчезнет.

Сашка, и правда, в иные дни готов был руки опустить: очень уж масштабным оказался этот объект. В расчетах его, сделанных на скорую руку, обнаружились ошибки, которые пришлось на ходу исправлять; поставщики, как всегда, подводили, рабочие не вполне понимали, что они делают, а мастера толкового в этот раз среди них не оказалось.... Очень помог Кристиан, ставший пробивным толкачом, деньги обеспечивала маркиза, помогал и Габриэль, спроектировавший и начавший строительство котельной (замаскированной под очередной "павильон") — дело в итоге со скрипом, но пошло. "К осени, возможно, справимся" — стал успокаиваться Сашка.

В разгар инженерных хлопот на квартиру к ним явился скрипичный мастер, принесший шикарную концертную гитару на 6 струн! Сашка взял осторожно это лакированное чудо, тронул струны и услышал густой, насыщенный звук. Он по-быстрому настроил ее под свой голос, пробежался пальцами по струнам (путаются, зараза!), напел свою контрольку (Чай-ка ле-ти-и-ит, ве-тер гу-дит, шторм на-дви-га-а-ется) и счастливо засмеялся: шик! Поклонился мастеру, дал ему двойную плату за уникальный пока инструмент и потом весь вечер пел песни в окружении Кристиана, Петера и Курта: на русском и английском языках, переходя иногда на ломаный немецкий, французский или итальянский. Отвел душу! А в следующий вечер сидел и кропотливо переводил наиболее трогательные песни на французский язык —

для показа мадам де Помпадур. (Среди песен, ему современных, трогательных, увя, не оказалось.... Но в детстве он помнил, как его дед — тогда пятидесятилетний сочный мужчина — пел под гитару шлягеры Адамо, Дассена и Азнавура, и они врезались ему в память).

На день другой Кристиан провел разведку в окружении маркизы и заверил Алекса, что мадам будет ждать его прихода с гитарой в районе Посольской лестницы дворца, где ее труппа заняла несколько комнат под нужды театра.

— Идем вместе, — безапелляционно сказал Сашка. — Ты вчера мне неплохо подпевал, да и вообще — мне моральная поддержка нужна. Компренэ?

— Уи, мсье. Яволь, майн херр. Только петь не заставляй, я сам подпою, когда захочу....

В указанном месте все артисты оказались в сборе, даже Помпадур. Сашка и Кристиан извинились за опоздание (хотя пришли к назначенному сроку) и были прощены улыбками. После нескольких переброшенных фраз маркиза еще раз улыбнулась русскому менестрелю и просила начать игру и пение. Сашка надел ремень гитары на шею, сел на ступень мраморной лестницы, встал и попросил какую-нибудь подстилку. Ему с извинениями выдали защиту от простатита, и он разразился беглыми переборами струн в испанском стиле — радуясь хорошей акустике этого места. По окончании игры все разразились аплодисментами и даже парой криков "браво".

— Замечательный инструмент и исполнение было прекрасным, — сказала мадам. — Его обязательно надо освоить нашим музыкантам. Но Вы говорили, мсье Чихачев, что поете под аккомпанемент гитары?

Сашка чуть поклонился и сказал:

— Для гитары очень подходят песни-монологи, причем романтического плана. Вот монолог несчастного влюбленного....

И запел: — *Tombait la neige, tu ne viendras pas ce soir....* (Падал снег, ты не придешь сегодня вечером....)

Когда затихла его последняя неистовая мольба, слушатели остались сидеть тихо, лишь одна из девушек хлюпнула носом. Мадам же сказала:

— Как красиво.... Совсем не похоже на наши песни, хотя Вы пели ее на французском языке. Это перевод с русского?

— С польского, миледи, — вынужденно соврал Сашка. — Русские песни совсем другие.

— А какие? Вы можете спеть нам русскую песню?

Сашка задумался на 5 секунд, потом снял с себя гитару, встал на ноги, набрал полную грудь воздуха и начал:

— Ой ты степь широ-о-о-ка-ая, степь при-и-во-о-льна-а-я....

— Боже мой! — восхитилась окончательно маркиза. — Какая песня, какой народ! Про что Вы пели?

— Про степь, миледи. Это вроде вашего луга, только грандиозного, необъятного. Когда-то гунны, а потом монголы прошли с неисчислимыми табунами лошадей из одного конца этой степи до другого, в Паннонию и достигли даже Италии. А сейчас эту степь заселяем мы, русские, покидая свои изначальные леса.

— Я поражена Вами, мсье Чихачев. Ваш друг, принц Кристиан, вовсе не преувеличивал когда представлял Вас мне. Думаю, что в Вас таятся еще многие сюрпризы.

Немного погодя она спросила: — А Вы можете подыграть моей песне на этой гитаре?

Через некоторое время народные французские песни пела уже Жанна Пуассон (ставшая

зачем-то маркизой Помпадур), а Сашка ей старательно аккомпанировал. Еще через полчаса пели все артисты и даже осмелевший принц Кристиан. Когда же этот певческий коллектив напелся досыта и стал расходиться на ночь, выяснилось, что вся верхняя часть лестницы и подходы к ней заполнены господами, дамами и затихарившимися слугами, которые стали певцам дружно аплодировать.

Глава девятая. Репетиция трагедии

После того вечера не проходило дня, чтобы Помпадур не вызывала к себе Алекса Чихачева. Поводы для встреч сначала были связаны с музыкой и танцами ("Покажите мне, как на самом деле танцуется вальс!" или "Что Вы скажете о новой балетной опере Рамо, где он использовал вальсовые мелодии?"), но по ходу общения возникали новые и новые темы для бесед. Она очень обрадовалась, узнав о близком знакомстве Алекса с энциклопедистами, а особенно о дружбе с ее любимчиком — д, Аламбером.

"А с парижскими дамами Вы успели познакомиться? С мадам Жоффрен и ее дочерью, а также с мадемуазель Леспинас? И что, Вам пришло по вкусу маркиза Лаферте? Не лгите Алекс, я живу недалеко от Парижа, и новости о жизни его примечательных обывателей мне представляют регулярно. Ах, изысканна и даже пикантна? Очень, очень интересно. Я, пожалуй, приглашу ее в ближайшие дни в Версаль — мы ведь были с ней дружны десять лет назад...."

"А в Дрездене что Вам понравилось? Опера, наверно? Не были ни на одном представлении? Какой Вы все-таки варвар! Лучшие теноры и сопрано Италии собраны в Дрезденской опере, а он даже не удосужил их своим вниманием. Не нравятся кастраты в ролях великих мужей? Вообще-то да, у настоящих мужчин голос баритональный или басовитый, да и толстяками они не бывают. Великолепный пример мужчины — наш король: высокий, статный, с прекрасным баритоном.... Вы тоже можете причислить себя к мужскому эталону, рост только великоват, более солдату подходит, гренадеру"

"А что там произошло с графом Брюлем? Самый хитрый был политик в Европе умудрялся лавировать между всеми враждующими странами. С Фридрихом Кристианом стало попроще.... Вы и с ним знакомы? Ну да, Вы же всех их вакцинировали. Согласна, Саксонию надо бы поддержать, иначе Фридрих Прусский ее поглотит. Но ее основным союзником сейчас является Австрия, с которой мы давно враждуем. Причина? Она, действительно, уже устранена с принятием странами Священной Римской империи Прагматической санкции и подтверждения права Марии-Терезии силой оружия. Подписать с Австрией пакт о ненападении? С тем, чтобы сосредоточиться на борьбе за мировое господство с Великобританией, которая зарится на наши колонии в Индии и Америке? А разве военный союз с Австрией будет хуже? Да, тогда придется отвлекать силы на войну с Пруссией.... А так пусть себе эти пауки германские бьются между собой! Вы гений, гений, Алекс! Я сегодня же поговорю об этом с королем! Не стоит торопиться? Верно, мой Людовик подвержен влиянию моих заклятых врагов и, в первую очередь, маршала Ришелье.... В самом деле, лучше все подготовить самой, а короля оповестить о договоре в последний момент. Какой Вы умница! Почему среди моих советников нет такого же умного человека? Жаль, что Вы во Франции птица перелетная.... А может быть, станете подданным нашего короля? Ну, какая измена? Вы ведь можете здесь жениться и стать графом? Ах да, вероисповедания разные.... Правы Дидро и Руссо: сколько глупостей в мире творится под сенью самой большой глупости — веры в Бога. А тем более разных богов.... Или веры в одного, но по разным канонам"

"Но хватит о грустном, поговорим об искусстве. С Вашим появлением мне вдруг захотелось возобновить мои театральные постановки. Но я в затруднении с выбором пьесы: хочется поразить короля и двор чем-то совершенно необычным, но то, что приходит в

голову, мне не нравится. Может быть Вы, мой гений, сможете что-то подсказать?"

Сашка задумался. Вернее, пьеса в его голове возникла сразу, но сможет ли он переработать "Юнону и Авось" во французскую трагедию? С другой стороны экзотичность пьесы будет несомненна.... Поэтому сначала он стал мямлить перед Помпадур: мол, да есть интересная русская музыкальная пьеса о романтической любви, только вряд ли он сможет.... Но маркиза потребовала рассказать ее в подробностях, потом настояла на пении Алексом отдельных партий, затем на проигрыше их на клавиноде — и восхитилась и загорелась и решила: быть по сему. Тотчас она отстранила его от монтажа системы отопления ("Габриэль сам должен справляться!"), выделила в помощь поэта и музыканта и усадила их в одну из театральных комнат. Сашка положил перед собой лист бумаги, поднял глаза к потолку и взял в пальцы дурацкое гушиное перо....

Через неделю новая балетная опера под названием "L'amour au travers l'océan" (Любовь через океан) была написана в тексте и нотах (многое Сашка, конечно, не вспомнил, но связную историю создал). Маркиза внимательно прочла, кое-что поправила ("королю может это не понравиться....") и утвердила к постановке. Назначила музыкантов, декораторов, костюмеров, артистов массовки, хор и себя в роли Кончиты. Потом обернулась к Сашке и сказала:

— Алекс! Побудьте в этой трагедии моим партнером? Никого другого в роли графа Николая де Резан я представить не могу....

Начались репетиции, причем вне Версаля — маркиза очень желала сделать сюрприз для Людовика. Для этой цели ею был использован временно пустующий павильон куртуазного "Оленьего парка" (Луиза О, Мэрфи, пустоголовая наложница 16 лет, со времени рождения дочери жила в прежних покоях мадам Помпадур, расположенных над королевскими), в котором была просторная гостиная с антресолями для музыкантов и несколько комнат. Ночевать в нем никто не оставался, но днем вся труппа пребывала здесь. Шли репетиции отнюдь не гладко: в пьесе было много массовых песнопений и танцев (включая азартную матросскую джигу, от которой маркиза пришла в восторг) и все это надо было точно срежиссировать — чем и занималась маркиза. Сама она точно попадала в образ юной, неискушенной и до смерти влюбленной девушки: правда, текста у нее было ведь немного. В этом отношении она была недовольна: вместо героини на сцене доминировал герой. Это был ее недосмотр, но переделывать из-за этого пьесу было, вроде, поздно.

Вдруг на генеральной репетиции в павильоне появились две маркизы: Помпадур привела с собой Лаферте! Мария-Терезия выглядела (признал знаток Сашка) как женщина-вамп: одетая в стильное шелковое темно-зеленое платье (облегающее, без кринолина — по рецепту того же Сашки), украшенное ожерельем из сапфиров, в небольшой сферической шляпке, расшитой перламутром и увенчанной перышком из хвоста павлина, с томным прищуром искусно покрашенных глаз, ироничной улыбкой, походкой от бедра и внезапными остановками с неестественно прогнутой спиной (сам, сам учил!).... Мадам Помпадур в белом платье, украшенном мелкими красными цветочками, выглядела рядом с ней как племянница из провинции — свежая, милая.... Впрочем, взглянув на Алекса, а потом на подружку, она враз построжела и стала подлинной мадам фавориткой: властной и знающей жизнь во всех ее выкрутасах.

После приветствий ("Вы очень здесь освоились, мсье Чихачев. Уже и в артисты попали?" "А Вы своим явлением произвели фурор: все мужчины поедают Вас глазами". "Вы, Кристиан, тоже артист? В массовке? Вот я сейчас на вас посмотрю....") мадам Лаферте

уселась у стены напротив сцены, а мадам Помпадур рассортировала труппу по мере выхода артистов на сцену, поставила на острие атаки Алекса, дала отмашку капельдинеру и скрипично-духовой оркестр начал играть мрачноватую увертюру. Сашка спустился по ступенькам на сцену и запел низким баритоном: — *Le Roi français etendit les mains déjà dans toutes les demeures de la Terre....* (Король французский простирает длани уже во все обители Земли)

После его арии последовала сцена борьбы моряков с бурей, потом радостная джига по случаю того, что все уцелели, потом расползание по кабакам в аргентинском порту:

"*Au lieu de flutes levez les gourdes....*" (Вместо флейт поднимем фляги....)

Но вот корабли причалили к пирсу Сан-Франциско, где их встретили губернатор с приближенными и дочерью Кончитой. Глаза Кончиты и Николая де Резан встречаются, знаменуя конец их спокойной жизни: ее без него, а его без нее.... Кончита выходит на сцену и танцует без слов под еле слышную музыку "Белого шиповника", Николай танцует так же в отдалении от нее.

Далее бал у губернатора, где Николай приглашает Кончиту на танец под ту же мелодию, но более громкую, а Федерико (граф де Мез) поет песню мстителя: — "*Blanc rose musquée, l'eglantier sauvage beau jardin de roses....*" (Белый шиповник, дикий шиповник краше садовых роз)

Той же ночью Николай проникает в спальню Кончиты, где она молится перед сном: — *Miserere mei Deus secundum magnam misericordiam tuam....*

Николай прерывает эту молитву и молит ее сам: "*L'ange deveins un home, ramassez-moi, ange, avec les genoux....*" (Ангел, стань человеком, подними меня, ангел с колен....)

Потом целует, целует, целует (Во время имитации поцелуев маркиза чуть повернула голову и подставила уголок губ — а поскольку Сашка должен был целовать мелко и часто, то таким манером и уже всласть он стал целовать этот уголок, думая: "Ай да маркиза!").

Потом дуэль с Федерико, который стал вдруг умолять его жениться на Кончите.

Помолвка и наутро — расставание. Танцуют грустный вальс и поют по очереди. Николай: "*Tu moi le aube se reveille, passe sans chaussures sortiras....*" (Ты меня на рассвете разбудишь, проводить необутая выйдешь....). Кончита: "*Je sais que tu es press d,aller, nous, nous pluted serons ensemble l'internite....*" (Я знаю, чем скорее уедешь ты, тем мы скорее будем вместе вечно....). Потом Николай: "*Ne clignent pas, larmojants de vent desesperes tes jeux de cerise; revenir un mauvais presage, je te ne jamais verrai....*" (Не мигают, слезятся от ветра безнадежные глаз твоих вишни; возвращаться — плохая примета, я тебя никогда не увижу....). Кончита: "*Je te jamais oublierai....*" (Я тебя никогда не забуду....). Николай: "*Je te ne jamais verrai....*" (Я тебя никогда не увижу....).

Во время этого пронзительно-грустного пения Сашка вдруг ощутил в себе рост жуткой тоски: будто в самом деле навсегда расставался с любимой женщиной, которую вот еще держит в своих руках, а завтра, послезавтра от нее останутся только тактильные воспоминания и этот ее взгляд — глубокий, отчаянный, завораживающий....

Далее одиночество Николая в Нанте, без денег. Танцует, опустив голову и чуть приподняв от бедер руки; потом стучит по груди: "*Je suis vide, je suis dans la charogne, moi, je l'ai perdu, mon Dieu, et voice, je frappe sur la poitrine, comme pin, comme pin, comme pin!*" (Я пуст, я нищая падаль, себя я утратил, Создатель, и вот я стучу по груди, как дятел, как дятел, как дятел!). Уходит.

Выходит Кончита и поет, глядя в горизонт: "*Dix ans, je m'attende a toi, tu es dans le*

chemin, tu es tout pres de moi...." (Десять лет в ожидании прошло, ты в пути, ты все ближе ко мне....)

Но вот закономерный конец. Хор поет: "Le paix, Dieu, l'ame de ta servente Conchita et l'ame de ton serviteur Nikola" (Упокой, господи, душу рабы твоей Кончиты и раба божьего, Николя)

Но хор продолжает (а на сцену вновь выходят Николя и Кончита и берутся за руки): "Ali amant de la paire, nous avons oublie de grappling et dinant pourquoi sommes-nous sur la Terre ont frappe — ali, l'amour, ali!" (Алилуйя возлюбленной паре, мы забыли, бранясь и пируя, для чего мы на Землю попали — аллилуйя, любовь, аллилуйя!).

Единственная зрительница встала и пошла к сцене, восторженно аплодируя и блестя повлажневшими глазами: — Жанна! Алекс! Вы — боги! Так спеть, так сыграть вы могли только через вселение в вас Полигимнии и Аполлона!

— Как ты думаешь, Мари, королю тоже понравится?

— Думаю, да. Только мадам, Вы опасно сближаетесь во время спектакля с Алексом. Со стороны вы кажетесь абсолютно влюбленной парой, да и целует он Вас, кажется, по-настоящему....

— Хорошо. Буду держаться от этого мужчины подальше. Жаль лишь, что накал страсти в спектакле станет ниже.

— Пусть будет пониже. Короля это вполне устроит.

Глава десятая. От обладания к истязанию

Артисты после репетиции, как всегда стали расходиться, но маркиза Лаферте вдруг остановила Алекса и Кристиана:

— Я так давно не была в вашей компании, мне хочется поболтать, попеть, потанцевать. Давайте останемся здесь: ведь в вашей квартире нет места для танцев? А может быть и ты, Жанна, останешься? Или король может прийти тебя сегодня навестить?

Мадам де Помпадур замерла, потом с горчинкой улыbnулась и осталась в "Оленьем парке". Послали, естественно, за ужином в ресторан, шампанским (для дам) и токайским (для мужчин). Перед ужином Мария-Тереза рассказала, что нового произошло в парижском свете и полусвете (имея в виду артистическую среду). Оказалось, что в ратуше состоялся бал, где основным танцем был вальс. Их разновидностей местные музыканты сочинили уже больше десятка, не считая трех родоначальных (в Европе Сашка показал лишь Амурские волны, Белый танец и Ласковый зверь). Маркиза была нарасхват, потому что призналась одной из подруг, что самый аристократический танец (Ласковый зверь) Алекс посвятил ей и сам учил ее танцевать. Помпадур с прищуром посмотрела на галанта, но Сашка ответил ей самым безмятежным взглядом. Наконец, принесли лакомства и у всех вдруг прорезался хороший аппетит — исключая Помпадур: так не ела пищу, а поклевывала.

Потом много танцевали (отпустив прислугу), и Сашка беззастенчиво пользовался своей интим-вертушкой (дамы восприняли его тесные объятия как должное); потом долго пели под гитару. Было уже поздно, пора было расходиться, но тут Сашка (попросив Кристиана выдавать ртом звук "пум-пум-пум-пум" и отбивать на тыльной стороне гитары ритм) стал показывать дамам совершенно пикантный аргентинский танец под названием "танго".... Для этого танца наряд Лаферте оказался весьма кстати: она ловко скользила вокруг торса кавалера, обвивая его бедра то одной ногой, то другой. Жанна смотрела-смотрела, вдруг вышла из комнаты и вскоре вернулась — уже без кринолина под юбкой, но зато на очень высоких каблуках. Сашка обнял ее за мягкую талию, вдвинул ногу меж бедер и дальше танцевал танго только с ней — чувствуя, как восхитительно она расплывается, охваченная совершенно новыми эротическими ощущениями. Когда они очнулись, Мари и Кристиана в комнате уже не было. Они нехотя выпустили друг друга из объятий, произнесли вежливые слова о спокойной ночи и отправились спать в комнаты, расположенные в разных крыльях дома.

Разобрав заранее приготовленную прислугой постель, Сашка лег в нее, но сон, конечно, не шел. Он вытащил из визуальной и осязательной памяти недавние ощущения от близости с Помпадур и стал их не спеша "просматривать". Доведя себя до понятного всем мужчинам градуса, он спрыгнул на пол, зажег свечу и стал ходить по комнате, пытаясь успокоиться. Вдруг в коридоре скрипнул пол. Он одним прыжком оказался у двери, распахнул ее и увидел женщину своей мечты, стоявшую безмолвно, со свечой в руке и в ночной рубашке до пят. Он присел, подхватил ее руками за бедра, прижал к себе и понес к кровати, повторяя: — Жанна! Какая ты умница, Жанна!

Уже раздев ее полностью и всю исцеловав, он вспомнил, что активный секс Кенэ ей запретил еще четыре года назад, отчего король и пустился в забег по малолеткам. Вот досада! Но не насиловать же отважную миледи? Придется обходиться наружными ласками, которых человеки придумали к 21 веку уже много.... Долгое время он несколькими

способами нежил мадам, (добившись от нее двух оргазмов), но вдруг она прошептала: — Не нужно обходиться со мной как с фарфоровой чашкой, Алекс. Мне Мари рассказала, что Вы обладаете значительно большим набором приемов — так примените их. Я желаю познать их все....

Она ушла от него под утро, едва держась на ногах от пережитых изнеможений, но запретив ему провожать до комнаты. Осталась в памяти лишь ее слабая теплая улыбка и скольжение нежной ладони по щеке. Когда через два часа Сашка вышел из "Оленьего парка" и направился пешком домой (Петера отпустили с вечера), его нагнала какая-то карета (вовсе не черная), с запяток которой соскочили два лакея и крепко схватили его за локти. Он попытался крутнуться, но вдруг получил сокрушительный удар по голове (видимо, от сидевшего высоко кучера) и потерял сознание. Через какое-то время очнулся уже в прыгающей по щебню карете (от каждого прыжка в голове вспыхивала боль!), привязанный ремнями к спинке сиденья. Напротив сидел мэн, похожий на дворянина, но в тройке из серого сукна — вероятно, полицейский. Мэн смотрел на него с усмешкой, но молчал. Сашка, преодолевая головокружение, боль и позывы к рвоте, приподнял голову и спросил, еле ворочая языком:

— Куда меня везут?

Мужик посмотрел еще усмешливее, но промолчал. Сашка уронил голову на грудь, вяло соображая: "Может, в Бастилию?". Вдруг мэн поднял ему голову, посмотрел прямо в глаза и сказал: — В Бастилию. Хотя можно было бы сразу на эшафот. С вырыванием гениталий и снятием кожи — как и положено было поступать с прелюбодеями во времена первых Людовиков.

Полностью в себя Сашка пришел на другой день. Голова болела, но уже не кружилась, не было и позывов к рвоте. Камера ему досталась одиночная и тоже, как в Вене, сухая. В двери было окошечко для подачи пищи. В углу из пола торчала труба высотой 20 см и диаметром 10 см — "это вместо ведра что ли?". Подошел, принялся — точно, канализация. "Как же устроен смыв?" Потом узнал: приходит все же мужик с ведром воды и смывает. Какой тогда смысл в такой канализации? Впрочем, о чем я думаю? Думать надо о судьбе своей дурацкой, когда бросают в тюрьму уже как рецидивиста: за повторное оскорбление его (ее) Величества.... Тогда за меня нашлось кому вступится, но теперь? Жанна.... Каково ей сейчас приходится, бедняге? Король сильно к ней благоволит, но простит ли прямую измену? Она может оказаться в тюрьме как графиня Козель у Августа Сильного. Впрочем, в реальной жизни он простил (или все же не узнал?), когда она завела себе миньона де Шуазеля, которого сделала министром иностранных дел.... Кристиан? Он здесь лишь принц чужой страны, то есть почти никто. Дилемма у меня, видимо, простая: либо казнят, либо оставят тут жить. И то и то хреново-о.... Начать что ли достижения науки и техники припоминать, чтобы было чем торговаться? А что, это мысль.... Но дадут ли мне перо, чернила и бумагу? А, на фик, не хочу больше дергаться, пусть будет, что будет. Жанна....

Пришли за ним на третий день: вывели во двор, где стояла телега(?) с запряженной в нее лошастью, посадили на нее и пристегнули руку цепью к станине. Рядом уселись два солдата(?) с ружьями, лошадью стал править третий. "Н-ну!" — крикнул возчик, и телега поехала прочь из Бастилии. "Что за кубрет судьбы? — озадачился Сашка. — Так у них на эшафот что ливозят? Ответят ли мне солдаты?" Солдаты охотно ответили, и Сашка даже

порадовался сначала: его всего лишь призвали в армию короля, хоть и простым солдатом! Полк Алансонский, рота гренадерская. "Жрать дают от пуза, но трюфелей в нашем рационе нет, мсье барон. Ха-ха-ха!"

Пехотный полк был размещен недалеко от Версаля, примерно в 20 км. Стандартное П-образное расположение одноэтажных казарм вокруг плаца, на котором занималось шагистикой какое-то подразделение. В стороне несколько обычных домов — там, вероятно, квартируют офицеры. В другой стороне еще домики, около которых копошатся детишки под присмотром простолюдинки — обиталище обслуги? Еще длинное приземистое здание — явная конюшня. Тут же стоят под навесом телеги и коляски (офицерские?). Еще колодец с воротом, длинные корыта рядом (поилка лошадей или солдатский умывальник?). А в лесочке за офицерскими домами мелькают в воздухе женские юбки — качели? Единственное тут развлечение для офицерских жен и дочерей? Вскоре оказалось, что не единственное....

Телега объехала плац и остановилась у конюшни. Солдаты отцепили пленника от телеги и повели к одному из домов. Навстречу вышел один офицер, поглядел на его изысканный (хоть и потрепанный уже) наряд и ушел в дом. Минут через пять вышел другой: постарше и весьма вальяжного вида. Он подошел ближе, на расстояние 2 м, откинул голову назад, чтобы иметь возможность говорить с "новобранцем" свысока и приглушенно рявкнул: — Имя!

Сашка решил, что в этой ситуации меряться понтами не стоит, и, подпустив во взгляд и голос простодушия, четко ответил: — Алекс Чихачев!

Вероятно, полковник(?), в самом деле, не знал его имени, так как непритворно удивился:

— Что за странное имя? Вы прибыли во Францию из колонии?

— Из России, ле колонель.

Тот еще более удивился, чуть подумал, но решил, видимо, что эта странность существа порученного ему дела не меняет, и продолжил:

— Решением королевского судьи ("Разве суд уже был?" — слабо удивился попаданец) за оскорбление его Величества Вы подлежите телесному наказанию в количестве ста плетей ("Сколько?!" — ахнул Сашка). Если это наказание Вы переживете ("Суки, гады, сволочи!!!"), то вступит в силу вторая часть наказания: Ваша служба в армии в качестве рядового гренадера. Вы сможете стать офицером, если отличитесь в боях. Вопросы есть?

— Сто плетей.... - сказал убитым голосом Сашка. — Разве можно их выдержать?

Полковник кинул на него чуть презрительный взгляд и вдруг спросил: — Ты выглядишь весьма здоровым парнем. Гранаты метал когда-нибудь?

"Это шанс, шанс!" — понял Сашка и торопливо сказал: — Еще не приходилось, но я уверен, что брошу дальше любого вашего солдата!

Полковник снова вытаращил глаза на странного дворянина: это он от испуга, что ли, чушь городит? Но нет, стоит и смотрит совершенно искренне....

— Это легко проверить, не так ли? — сказал, чуть усмехаясь, полковник. — Полигон для метания гранат у нас недалеко. Сейчас же и поедем.

— Только мне понадобится кусок веревки, — сказал Сашка. — И, может быть, фрагмент сетки.

— А Вы хитрец, — одобрительно улыбнулся полковник. — Может, и правда, дальше бросите.

Ехали на полигон в коляске полковника и уже без цепей. На полигоне Сашка осмотрел площадку для метания, одобрил ("ровная...") и поглядел в сторону луга, по которому должен наступать "противник". Потом покрутил в руках гранату (железное ядро диаметром меньше 10 см и весом чуть больше килограмма, с запальной фитильной трубкой, без ушек), спросил, сколько времени горит заряд, попросил вынуть трубку, поджег фитиль и отбросил ее, считая секунды — получилось пять. Ладно.... Потом сделал кулек из сети, положил в него гранату запальной трубкой вверх, отрезал кусок веревки длиной в 2 локтя, завязал один конец в узел, а другой расплел и стал сращивать с кульком. Полученный "молот" потряс, проверяя на прочность вязок, покрутил над головой, одобрил и стал готовиться к запалу фитиля и броску. Полковник смотрел на него уже с большим одобрением. Вот запал задымил, Сашка, стоя спиной к цели, мотнул один раз над головой гранату, потом крутнулся туловищем вокруг оси раз, другой и пустил снаряд вместе с веревкой по высокой дуге, выпрыгнув вслед за ним ("Хорошо, что в сектор намеченный попал" — облегченно вздохнул он). Граната полетела далеко-далеко (явно за 100 метров) и вдруг взорвалась в воздухе.

— Надо длиннее запал сделать! — в сердцах сказал Сашка.

— Отличный бросок и взрыв удачный, — не согласился с ним полковник. — Прямо над головами наступающих бы случился, с наибольшим поражающим эффектом. Вы молодец, не обманули. Долго тренировались?

— Бросал первый раз, но видел, как это делают гренадеры в одном из русских полков.

— Ваши гренадеры, значит, лучшие в Европе. Мои дальше 100 локтей гранату не кидают.

— Поражающий эффект гранаты можно сделать максимальным, — стал выдавать второй секрет Сашка, но вовремя осекся. — Я этот способ пока Вам не скажу. Если забьете плетью — умрет вместе со мной.

— Если бить мягкой плеткой, с умом и вполсилы, то не забьем, — выдал свой секрет полковник. — Но помучиться, конечно, придется....

Экзекуция преступника проходила на плацу, перед строем всего полка, выстроенного поротно по его периметру. В одном из проемов между ротами сел в кресло полковник, которого обступили дамы числом более десятка. На самом видном месте поставили козлы, покрытые щитом из оструганных досок. Сашку, еще в одежде, провели под барабанный бой мимо всех рот, поставили перед козлами и один из старших офицеров зачитал постановление суда (в котором так и не было сказано, каким образом он оскорбил короля). По окончании его речи к козлам вышел обнаженный по пояс страхолюдный палач в черной маске, покрутил в руке треххвостую плеть и изобразил ей в воздухе громкий щелчок. Потом бросил плеть на щит и стал срывать (именно разрывая на полотнища!) одежду с казнимого — вплоть до полной обнаженности. Позволив дамам полюбоваться на его причиндалы (которые от страха перед казнью уже съежились), палач ловко бросил Сашку ничком на щит и привязал к нему веревками, пропущенными через специальные пазы. Сашка напрягся в ожидании, и вот плеть в первый раз хлестнула его по спине. "Е-мое!! И это щадящий режим?! Су-уки-и!". Раз за разом плеть жалила его плечи, спину, ноги, руки и снова плечи. Он сначала считал удары, но после пятидесятого сбился, а еще через время потерял сознание....

Глава одиннадцатая. Сашка солдат

Очнулся Сашка уже к вечеру и сразу обрадовался: "Жив!". Потом чуть пошевелился, лежа на животе, и враз ощутил, как жутко болит все тело — хотя били же только по спине? Потом ему стало холодно, очень холодно, но вдруг кинуло в жар, и он вновь впал в забытие....

К исходу второго дня он осмелился встать (по интимному делу) и, держась за стенку, побрел вдоль нее — хотя совершенно не знал, где находится туалет. Впрочем, его заметили солдаты, перехватили и заставили использовать горшок. После чего он смог дойти обратно и вновь упасть животом на матрас. Третий день ходил уже осмысленно, одетый в какие-то порты и рубаху и опираясь на выданную сердобольными солдатами палку. К концу недели обрел почти прежние кондиции, хотя шрамы на своих плечах еще прощупывал.

Сержант Жерар, являвшийся основным командиром в пелотоне гренадеров (к которому оказался причислен рекрут Чиче — так его фамилию сократили с легкой руки полковника), осмотрел его досконально, заставил отжаться, поприседать, побегать и решил, что к прохождению службы он готов. После чего выдал ему форму гренадера: голубовато-синие колет, камзол и кафтан с красными бортами и полами, белые гамаша и конусовидную гренадерскую шапку. Полюбовался на новоиспеченного солдата и отвел к командиру роты, капитану Дюкло. Рослый, флегматичного вида капитан молча поиграл бровями и велел идти за ним. В итоге Сашка оказался вновь перед полковником де Рибери. Тот оглядел его в свою очередь и хохотнул:

— Как новенький! Поди, перетрусил под плетью? Думал, обманул полковник? Де Рибери всегда держат свое слово! Держи теперь и ты свое, солдат Чиче. Рассказывай, что за новое усовершенствование ты знаешь для гранаты?

— Их два: основное и вспомогательное. Основным является новая оболочка гранаты, которую следует делать рифленой, то есть разделенной на много табличек. При взрыве оболочка будет разрываться именно на эти таблички, которые станут основными поражающими элементами гранаты.

— Это ты так думаешь или видел где-то такие гранаты?

— Видел. Их начали делать в городе Туле, недалеко от Москвы, — как раз для российских гренадеров.

— Ты сможешь сделать образец такой гранаты, а потом испытать?

— Думаю, что смогу.

— Вот с завтрашнего дня этим и займешься вместе с нашим кузнецом.

— Тогда позвольте к гранатам приделать и вспомогательное усовершенствование?

— Какое?

— Две металлические ушки возле запальной трубки — к ним будет удобно привязывать метательную веревку, вместо сети....

— Хорошо. Сколько тебе понадобится времени?

— Все будет зависеть от квалификации вашего кузнеца....

Кузнец оказался достаточно толковым, хотя рубашку к гранате пришлось делать сборную и облекать ей оболочку из обожженной глины. В итоге граната оказалась раза в 1,5 больше по диаметру и весу — при том же заряде. Но когда Сашка ее испытал на полигоне (присутствовал лишь сержант Жерар и пара солдат, изначально сочувствовавших и

помогавших Чиче), эффект оказался невероятным: расставленные ими дощатые мишени (типа солдаты) оказались все поражены осколками! Соответственно, новые гранаты были поставлены на поток, и через две недели их набралось двадцать — достаточно для проведения показательного выступления, которое и состоялось в присутствии полковника и всех наличных офицеров полка.

Для этих офицеров все было внове: и вид гранат и метатель Чиче и поразительный эффект от разрывов. Мнение их было единодушным: направить задокументированные материалы испытаний маршалу Ришелье. Представить эти материалы и сами гранаты взялся, конечно, полковник де Ривери, который прихватил с собой и рядового Чиче: для метания гранат и на случай необходимых консультаций. Впрочем, на переписку с канцелярией маршала и согласование времени новых испытаний понадобилось время, в течение которого кузнец клепал новые экземпляры гранат под присмотром шустрого гренадера.

В Версаль де Рибери и Чиче прибыли утром 20 мая (спустя месяц после ареста Сашки) причем по дороге Сашка рассказывал полковнику о новом роде войск Российской империи: егерях. Полковник постепенно этими рассказами воодушевлялся. Оставив рядового ожидать в кордегардии, он отправился к Ришелье. Сашка же подольстился к начальнику караула, сержанту, который сообщил ему основные новости дворца. Нет, никаких перестановок в верхах в течение месяца не случилось: король каждый день разговаривает подолгу с Помпадур и похаживает вечерами к О,Мэрфи, королева не покидает Трианон, дофин и дофина преимущественно музицируют и клепают детей, министры все на месте.... Новые спектакли? Маркиза вроде бы представила недавно королю какую-то трагедию, но мы, само собой, на эти спектакли не ходим: рылом не вышли. Да и чего хорошего в этих торжественных завываниях? Вот на комедию я бы сходил, но их можно посмотреть только в Париже.... Не знает ли он Кристиана, принца Саксонского? Нет, тут ведь много всяких принцев и герцогов, всех не упомнишь.... Вот и полковник твой идет.... И тебе всего хорошего.

Испытания гранаты, проведенные в оцепленном участке лесо-парковой зоны Версаля, тоже оказались успешными. Маршал долго осматривал бумажные мишени, нашел в каждой дырочки и разулыбался. Это ж какие перспективы вырисовываются! Можно поражать врагов за пределами прицельной точности ружейного огня и как поражать — прямо косо! Но, может быть, этот метатель один такой уродился, а другие не смогут? Ну-ка, молодец, иди сюда и рассказывай.... Смогут и другие? Тут важен сам метод метания? Это да, метод кажется простым, даже странно, что никто до тебя этому не догадался. А сможешь обучить пару моих офицеров, вот сейчас? Только без заряда? Ладно, они действительно могут по неопытности либо себя, либо нас подорвать. Ну-ка, ну-ка.... О, полетела, только совсем не туда и низко.... Зато этот так запулил, что из виду гранату потеряли.... Нашли? Еще по разу.... Теперь лучше, гораздо лучше. Ну, бог Троицу любит.... Опять неплохо, хотя с точностью Чиче пока не сравнить.... Ясно, что важны тренировки. И ясно, что это ручное оружие может явиться нашей козырной картой в сражениях с англичанами.

— Ваше сиятельство, — обратился к маршалу де Рибери, решивший ковать горячее железо. — Позвольте немного расширить эти перспективы? Получается, что такое метание гранат могут освоить любые солдаты: не сильные, но ловкие. А если их вооружить кроме гранат еще нарезными штуцерами с прицельной дальностью в 300 м и позволить им действовать врассыпную из леса или из засад, то каждый такой егеря сможет убить 3–5 и

больше солдат противника — в итоге их армия буквально растает.

— Как Вы назвали этих одиночек: егер? Почему?

Де Рибери замялся, не желая делиться славой, но почувствовал, что может загубить хорошую идею на корню и сказал:

— Отдельные полки егерей уже есть в армии императрицы России.

— Откуда у Вас такие сведения? Мне об этом ничего не докладывали....

— Мой солдат Чиче родом из России. Это он мне о них сообщил

— Простой солдат? И Вы поверили?

— Он был там дворянином и офицером. В нашу армию его завербовали.

— Но почему солдатом?

— При нем не оказалось бумаг, подтверждающих дворянство. А Вы знаете, как трудно во Франции мещанину стать офицером.

— Эй, солдат! Чиче! Иди сюда....

Глава двенадцатая. Сашка лейтенант

Долго разговаривали маршал Франции и солдат Чиче: и на месте испытаний, и по дороге в Версаль в коляске маршала, а потом и в кабинете Ришелье, наедине. В итоге в канцелярии маршала были рождены два приказа: о присвоении рядовому Алансонского полка Чиче звания сержанта, причем задним числом (две недели назад) и о производстве сержанта Алекс Чиче де Мож в офицеры (20 мая) с присвоением ему звания лейтенант — за особые заслуги.

Вечером Сашка нагрязнул на квартиру, где жил месяц назад с Кристианом (боясь, что нет уже в природе единственного симпатичного принца) и возликовал: вот он, Карл Кристиан, сидит в своем кресле и цедит токайское! Впрочем, уже не цедит, а летит к нему с крепкими объятьями и откуда-то взявшимися слезами! Будет, будет, Кристиан, я еще жив, вполне здоров и даже полный теперь лейтенант. Налей-ка, брат, и мне бокал этого божественного напитка да расскажи, как вы тут жили без меня....

Кристиан, конечно, сбился с ног, пытаясь разыскать пропавшего товарища, но безуспешно. Первую весть о сути случившегося принесла маркиза Лаферте, которая сумела встретиться с Помпадур в ее комнатах, хотя доступ в них был некоторое время строго ограничен. Да, король вознегодовал, пришел объяснить, но Жанна давно научилась с ним разговаривать. Слово за слово, внезапные слезы, водопад чувств, падение в обморок — и вот уже король хлопчет над тельцем возлюбленной, снимает губами с ее век слезы, вот уже целует ее, целует, сильно возбуждается и овладевает ею как встарь! Какое счастье! Оба лепечут какие-то слова и улыбаются, улыбаются.... А конечный результат? Глупая гусыня О,Мэрфи удалена из дворца вместе с дочерью и не родившемся еще вторым ребенком, а Жанну пылкий король навещает вновь каждую ночь. Очень похоже на повторный брак, который случается меж некоторыми глупыми супругами....

Дерзкого соблазнителя, то есть тебя, Алекс, король собирался жестоко казнить, но колебался между способами казни. Жанна как-то сумела его уговорить: мол, а не домогательству ли наивного иностранца, дорогой, обязано наше нынешнее счастье? Накажите его, конечно, но не лишайте жизни: пусть лучше послужит Вам где-то вдали — например, в армии, солдатом.... Я вижу, так и получилось. А тому, что ты стал уже лейтенантом, я не удивлен — на то ты и Алекс Чихачев, самый умный человек на свете!

— Не преувеличивай, Кристиан. Умных людей на свете много, чему порукой наша цивилизация, которую они и создали. Вот благами ее пользуются почему-то совсем другие люди: вряд ли умные, но хитрые — демагоги, в услужении у которых полно словесных эквилибристов меньшего калибра. Сети, которыми они опутали народ, не столь крепки, как густы. Но я предсказываю: уже в следующем поколении Франция порвет их и провозгласит *Rex public*, то есть народное правление! Твое беспечное житье, принц, будущий герцог Курляндии, мне будет, конечно, жаль — Впрочем, где Франция и где Курляндия? Лиг 250 набежит? Авось и сохранятся там феодальные порядки....

— Далась тебе, Алекс, эта Курляндия.... Поедем в Италию, а? Подберем герцогство посимпатичнее, ты проведешь там переворот, а я, так и быть, соглашусь побыть при тебе номинальным правителем....

— Увы, Кристиан. Я пока нахожусь в лапах маршала Ришелье и дал ему обязательство, что создам в ближайшее время подразделение нового рода войск: роту егерей. Ты сейчас

имеешь звание капитана французской армии: пойдешь ко мне номинальным командиром этой роты?

— Без тени сомнения, Алекс. А что это за звери такие будут — егеря?

— Именно что звери, Кристиан, лесные воины. Скоро, надеюсь, мы с тобой их создадим.

Формировать отдельную роту егерей маршал решил на базе Алансонского полка — так что с утра Сашка и Кристиан, побывав в канцелярии маршала и оформив должным образом Кристиана, перехватили де Рибери, отъезжающего в полк, и составили ему компанию: правда, в своей коляске, с неизменными Петером и Куртом. Вскоре де Рибери пригласил Кристиана в свой экипаж — для знакомства с новым офицером. Приехали в полк, перетасовали офицеров в одном из домов и заняли каждый по комнате, подселив Петера и Курта пока в казармы. После чего Сашка развил бурную деятельность.

Роту за ротой он стал прогонять (с благословения полковника, разумеется) по плацу, заставляя солдат бежать, прыгать, приседать, отжиматься и попарно бороться — и отделял, отделял в сторону наиболее ловких и физически крепких кандидатов в егеря. Наконец набрал 120 человек (с запасом), выстроил их, поздравил с блистательным будущим ("каждый из вас может стать в итоге офицером, каждый!"), потом представил им Кристиана как командира роты и разместил в отдельной казарме (перетасовав прочие). С утра Кристиан, получив от Алекса, подробные инструкции, стал подтягивать "физику" личному составу роты, а Сашка пошел по службам полка: к портным, башмачникам, кузнецу....

У портных он заказал по эскизам форму для егерей — разумеется, российский камуфляж, причем с длинными брюками, чем поверг в изумление бывалых кутюрье. Еще заказал брезентовые палатки (шестиместки и четырехместки), а также спальники из одеял и вкладыши. Башмачникам заказал, конечно, берцы — опять по эскизам, причем долго выбирал образцы кож и подметок. Кузнецу — саперные и обычные штыковые лопаты (по 100 штук), а также метательные ножи (с утяжеленным клинком и без деревянных накладок на рукояти — этих 400), "финки", а также "кошки" (для лазания по деревьям). Дополнительно — жестяные печки и трубы к ним. Подумав, попросил изготовить 100 кольчужных перчаток на левую руку. Ну и рифленые гранаты, гранаты, много гранат. Кузнец посмотрел на бывшего Чиче изумленно и заявил, что такое количество новоделов его кузница "не потянет". На вопрос, возможно ли ее расширение, ответил "да" — если полковник расширит штат и добудет новые наковальни, горны, меха и т. д. Сашка пошел к де Рибери, бурно с ним потолковал и уверил кузнеца, что все скоро ему будет: начинай давай! Тот пожал плечами и начал, а Сашка пошел к плотникам: заказывать мишени, черенки для лопат и лопаток, колья и перекладины для палаток (а вдруг под рукой не будет подходящего прямостоя?)....

Потом поехал в Париж: заказывать 100 штуцеров, а также специальные пули к ним, разработанные Минье (спустя 100 лет, конечно!) — конические, чуть меньшего диаметра, чем диаметр ствола, зато с выемкой в тыльной части пули и тремя желобками вокруг нее. Заряжание штуцера с дула оказывалось столь же быстрым, как и в гладкоствольном ружье (получалось 6–7 выстрелов в минуту), а при выстреле пороховые газы расширяли заднюю часть пули, обеспечивая ее мощный выброс и большую дальность полета (до 1 км!). Ствол решил делать один — точность будет выше, а скорострельность уже достаточна для боя. Длину ствола сделать короче (60 см), что обеспечит точную стрельбу до 500 м, зато вес

шпуцера облегчит, а если и приклад полым сделать (из твердого дерева, с окантовкой), то можно дойти до 3 кг. "Штык нам, надеюсь, не понадобится, в рукопашной лопатками и ножами отобьемся...."

Глава тринадцатая. Некоторые виды парижского досуга

Сделав заказ и стимулировав мастеров значительным авансом (выпросил у Ришелье) для обеспечения первоочередности, Сашка оказался уже к обеду свободен. Куда пойти? К д, Аламберу, конечно! Но забыл, что обедает тот обычно уже не дома, а у светских знакомых.

— Может быть, он у мадам Жоффрен?" — спросил Сашка у его молочной матери.

— Нет, мсье, сейчас мой глупый Жан ходит только к мадемуазель Леспинас. И теряет там остатки разума.

— Но он приходит оттуда счастливым?

— Говорит, что да. Только я знаю, что скоро это счастье обернется для моего мальчика горем!

— Как Вы можете быть уверены в таком исходе, мадам?

— Она приходила к нам однажды и я все про нее поняла: и сама счастья не найдет и Жана погубит....

В итоге Сашка оказался вечером в салоне маркизы Лаферте.

— Алекс! — непритворно обрадовалась Мария-Тереза. — Ты вновь на свободе, также прекрасен и уже офицер! В каком звании?

— В звании под-под-под-подмаршала, — сдохмил Сашка, озирая гостей маркизы в количестве чуть более десяти, в том числе лишь две дамы. — Но уже пообещал Ришелье, что скоро два "под-под" ликвидирую.

— Перед вами, мадам и мсье, русский вельможа Алекс...

— ...де Мож, маркиза, — резво скорректировал ее представление Сашка. — Маршал решил засекретить меня от русской императрицы, с которой в прошлый раз горячо поругался, и велел называться теперь по моему поместью — как и принято во Франции.

— Алекс де Мож? Мне нравится, так звучнее. Когда начнется какая-нибудь война, Алекс, в результате которой Вы станете маршалом?

— Она уже началась, Мари, — с легкой улыбкой, но скорбным голосом произнес Сашка. — На границе Новой Франции и Новой Англии, на р. Огайо, британские колонисты напали в прошлом году на колонистов французских и сколько-то убили. В этом году наши им отомстили, разрушив форт. В году следующем там должны развернуться основные сражения, которые мы поддержим здесь, напав на Ганновер. Тогда и посыплются на офицеров награды и звания....

— А почему такой заунывный тон, Алекс?

— А вдруг меня убьет пуля или, хуже того, ядро? И я не увижу больше ни Вас, Мари, ни Парижа, ни свой Можайск? К тому же в мирное время стать фельдмаршалом значительно проще — тому примером мои соотечественники Разумовский и Шувалов, которые за одну ночь стали ими, поднявшись один из бандуристов, другой из поручиков.

— Ваша Московия непонятна всей Европе, что о ней говорить.

— Осмелюсь напомнить присутствующим о трех фаворитах английской королевы Элизабет (Дадли, Рейли и Эссексе), каждого из которых она разом возносила до маршал-адмиральского уровня.

— Англия тоже нам не указ, — сухо отрезал пожилой вельможа. — Мы сударь, живем во Франции.

— А что Вы скажете о временах Анри 2-го, когда Диана де Пуатье легко возносила в

коннетабли одних и отправляла в опалу других?

— Это что, в Московии так усердно изучают теперь историю Европы, вплоть до имен фавориток?

— Нет, это я один такой любознательный, — примиряющее улыбнулся Сашка, но добавил: — Пока....

— Мадам и мсье, — обратилась вдруг к гостям хозяйка. — Сегодня я приготовила для вас сюрприз. Меня на днях познакомили с интересной китайской игрой. Это как бы кости, но их не бросают на кон, а выставляют в виде пластинок. Впрочем, мне подарили один комплект, который я вам сейчас покажу....

И выложила на стол коробочку с костяшками домино!

— Я научилась в них играть и, поверьте, это очень увлекательно, не уступит картам. Но, может быть, кто-то из вас уже играл в домино?

Аристократические друзья маркизы стали недоуменно покачивать головами. Сашка подождал еще немного и сказал:

— Вы мне, может быть, не поверите, но в России эта игра уже популярна. Я тоже умею в нее играть. Так что на пару с маркизой мы вас играть в домино быстро научим. Она весьма азартная, хотя несложная. Не так ли, Мари?

Наконец этот долгий салонный вечер закончился, и гости стали прощаться с хозяйкой. Когда к ней подошел Сашка, маркиза улучила момент и шепнула: — Вернитесь через полчаса....

Он выждал у своей коляски оговоренный интервал, сказал Петеру, чтобы тот его не ждал больше и вернулся на постоянный двор, и двинулся к знакомому крыльцу. Вдруг ему наперерез из тени дома вышел мужчина, в котором Сашка опознал вроде бы одного из присутствовавших гостей.

— Вы не войдете в этот дом, мсье московит, — дерзко заявил "гость" и выхватил из ножен шпагу. Сашка резко пожалел, что не успел приобрести трость взамен утраченной, вынул свою казенную шпажонку, но тотчас спросил:

— Сударь, Вам не нравится моя национальность или имеете для схватки более серьезные причины? Напоминаю, что дуэль без секундантов приравнивается законом к убийству — стоит ли оно того?

— Вы трус, мсье! — выкрикнул самоубийца и провел грамотную и очень опасную атаку, которую Сашка парировал с большим трудом, остановившись только возле своей коляски. Тотчас он сообразил, что коляска весьма удобна для обороны и встал за ней.

— Трус! — продолжал злбиться парень (теперь было видно, что ему не более 20 лет). — Думаешь, тебе удастся спрятаться за свой тарантас?

— Уверен, — сказал Сашка. — А еще я уверен в том, что скоро сюда явится ночная стража и Вас схватят как бандита, напавшего на королевского офицера.

— А-а! — закричал снова вьюнош, сделал попытку догнать Сашку, кинувшись вокруг коляски, и вдруг упал ничком.

— Это ты, Петер, — констатировал Сашка. — Спасибо тебе. Вот же дурак влюбленный, всю охоту мне перебил. Давай его загрузим в коляску да отвезем в сторонку. Очухается, сам домой дойдет....

Глава четырнадцатая. Егерский экзамен

В начале сентября 1755 г. на полигоне Алансонского полка состоялся смотр отдельной егерской роты "Фонтенбло", на котором присутствовало несколько членов генерального штаба французской армии во главе с маршалом Ришелье. Когда они прибыли на полигон в сопровождении полковника де Рибери, то никакой роты не увидели, хотя ее командир, капитан фон Веттин и его помощник, лейтенант де Мож стояли в начале стрельбища.

— Где ваша рота?! — с надрывом спросил полковник.

— Р-рота! На построение... марш! — скомандовал капитан и тотчас с земли, покрытой пестрой травой и отдельными опавшими листьями, дружно встали и мигом построились в две шеренги солдаты с ружьями, одетые в самую необычную форму на свете: пятнистый зеленовато-бурый камуфляж.

— Как вы смогли их так спрятать? — спросил Ришелье.

— Рота, лечь и замаскироваться! — прозвучала новая команда Кристиана.

Солдаты слаженно вернулись на свои исходные позиции, накрылись маскировочными сетками и вновь стали практически не видны (хитрый Сашка заставил каждого загодя отрыть мелкие канавки, в которых туловища солдат умещались целиком, а сетки получались вровень с землей).

— Bravo! — рявкнул Ришелье. — Что дальше по расписанию, стрельба? Приступайте.

Лейтенант де Мож повернулся лицом к дальнему концу полигона, поднял к губам жестяной раструб и зычно скомандовал: — Мишени задней линии..... вперед!

В 500 м на полигоне возникла шеренга "солдат" и стала медленно приближаться.

— Рота, по неприятелю прицельно россыпью..... огонь!

Со стороны залегших егерей началась стрельба: вразнобой, но практически непрерывная. Мишени же начали падать — сначала единичные, потом чаще, а метрах в 300 от стрелков легли все.

— Противник уничтожен, — бодро рапортовал Кристиан маршалу.

— Не доходя до рубежа ответной стрельбы? — поразился Ришелье. И оборотился к своей свите: — Господа, проверьте попадания.

Генштабисты дружно ринулись к мишеням, перебрали их все, вернулись и подтвердили, что все они пробиты пулями, причем некоторые дважды-трижды.

— Феноменально! — разулыбался Ришелье. — То есть с этими штуцерами и новыми пулями мы сможем почти без потерь бить любого врага! Или в этой роте собраны исключительные стрелки?

— Еще четыре месяца назад это были обычные солдаты, — заявил, тоже улыбаясь, де Рибери. — Их сумел так подготовить лейтенант Алекс де Мож. Ну и капитан фон Веттин разумеется.

— Ладно, итоги подведем позже. Вы ведь хотели нам еще что-то показать? — спросил маршал Кристиана.

— Метание гранат, сир.

— Так показывайте.

Сашка вновь повернулся у полигону и крикнул в рупор: — Мишени передней линии..... вперед!

В 200 метрах от продолжавших лежать егерей поднялась цепь "солдат" и двинулась

вперед.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Гранаты к бою! — скомандовал Кристиан. — Метать прицельно, без команды!

Егери выскочили из канавок почти все, держа гранаты за веревки, продетые в ушки, стали зажигать фитили, раскручивать и метать "молоты" в сторону цепи. Летели они преимущественно по крутой траектории и взрывались либо перед мишенями, либо сзади них, но некоторые над ними. В итоге эти мишени тоже были поражены и часто в щепки. Ришелье видел уже похожее представление в исполнении Алекса и лишь удовлетворенно кивнул. Генштабисты же о-очень впечатлились и опять побежали к мишеням.

— Что еще умеют ваши молодцы? — спросил маршал.

— Лазать по деревьям с ружьями и оттуда стрелять! — отрапортовал принц.

— Что уж тут такого особенного? — спросил маршал.

— Быстрота, сир. И нам годятся любые деревья.

— Даже вон те мачтовые сосны? — ехидно сощурился маршал.

— Сосны особенно, — обрадовался Кристиан и скомандовал: — Первое отделение первого плутонга! К группе сосен бегом марш! Оборудовать на них стрелковые позиции!

Десять егерей, закинув ружья на ремнях за плечи, побежали к соснам, а наблюдатели споро пошли. На их глазах солдаты надели на ботинки какие-то железные крючья, прихватили себя к стволам ремнем с пряжкой и резво полезли вверх по ним, обнимая руками. Добравшись до нижних мощных сучьев, они закрепились основательнее и, спрятавшись за стволом, стали по очереди докладывать о готовности к стрельбе.

— Пусть стреляют вон в ту лежащую березу, — указал маршал. Через минуту загремели выстрелы и пули стали вышибать из старой березы труху и клочки бересты. Генштабисты насчитали 6 попаданий и решили, что на 200 метрах, с деревьев это хороший результат.

Егери слезли с деревьев и присоединились к образовавшейся цепи роте. По сигналу полковника де Рибери на них скорым шагом двинулись три шеренги обычных солдат со штыками, примкнутыми к ружьям. Егери ринулись им навстречу (один на одного, с ружьями за спиной!) и с дистанции 5 м метнули ножи (деревянные муляжи), целя в грудь. Первая цепь вся легла им под ноги. В солдат второй цепи полетели маскировочные сети и пока те в них путались, каждому в бок "воткнулась" финка. Третья цепь бросилась на егерей, тыча штыками. Егери ловко поймали штыки левой рукой в растроб-ловушку и, отведя их в сторону, "врубились" саперными лопатками в шеи солдат. Вся рукопашная схватка заняла не более двух минут.

— Я не сплю? — спросил маршал у генштабистов. — Они действительно без поддавок мгновенно расправились с втрое превосходящим противником?

Те ответили рукоплесканиями.

— А против конного егеря может устоять? — спросил вдруг вредный маршал.

Кристиан переглянулся с Алексом, взял ружье, подвесил лопатку и надел на левую руку кольчужную перчатку (обшитую сукном и имеющую войлочный подклад). Потом отошел на свободную часть луга, повернулся к маршалу и сказал:

— Я готов.

Маршал кивнул одному из своих офицеров, опоясанному саблей, тот побежал к дороге, где стояла маршальская коляска и кучковались кони штабистов, и вскоре вернулся обратно, но уже в седле.

— Атакуйте капитана, — скомандовал Ришелье, — только без травм.

Офицер дал коню шпоры, тот сорвался с места и помчал в сторону мелкого пешего. Вот сабля уже покинула ножны, но пока держится острием вниз, за стремянем. Осталось десять метров, пять.... Вдруг раздался громкий выстрел и выброс огня с дымом (принц стрелял специально подготовленным для этого случая беспулевым зарядом) прямо в морду коня! Конь вздыбился, офицер с великим трудом усидел на нем, поднял было саблю, но вдруг упал на землю вместе с седлом — это Кристиан кинулся навстречу с левой стороны коня (неудобной для удара саблей), просунул остро заточенную финку между боком коня и подпругой, перерезал ее и подкинул ногу со стремянем. Изрыгая проклятья, офицер вскочил с земли, поднял саблю и бросился на капитана. Тот выбросил навстречу сабле левую руку и успел поймать ее кольчужной перчаткой в начальной фазе удара. Ну, а правой рукой вновь применил финку....

Маршал фыркнул и велел провести несколько конных атак, причем на рядовых егерей. Сашка смотрел на это безобразие с замиранием сердца — однако его питомцы встречали конников бесстрашно, раз за разом пугая их лошадей выстрелами или факелами (их тоже приготовили загодя, пропитав льняную тряпку сосновой смолой и воском и присыпав чуток порошу для мгновенного возгорания от искры, зажигая в последний момент), принимая удары сабель на ствол ружья, реже на кольчужные перчатки, иногда запутывали сабли теми же маскировочными сетками, а один из егерей выдергивал их, ловко используя плеть. Наконец маршал махнул рукой и велел прекратить бесплодные атаки.

Глава пятнадцатая. Ночные свидания с Жанной

Последствия эта демонстрация егерского искусства имела ожидаемые: маршал постановил создать новый род пехоты, егерский, и для начала организовать полк "Фонтенбло" под командованием полковника де Мож. Почему не де Веттина, спросите вы? Но у Кристиана вдруг вспыхнули в груди патриотические чувства — он решил срочно ехать в Саксонию и организовать полк егерей в составе ее вооруженных сил. Он звал с собой, конечно, и Алекса, но тот решил пока из Франции не уезжать — до подписания королем и Помпадур пакта о ненападении со Священной Римской империей. Мария-Терезия была им уже оповещена о благоприятном восприятии маркизой этой идеи и вскоре должна была прислать для переговоров опытного дипломата — но негласные контакты Алекса с Жанной могли очень помочь делу.

Да, он сумел-таки увидеться с этой строго охраняемой дамой. Как? А чем Версальский дворец так уж отличается от дворца графа Брюля? Вход в опочивальню фаворитки через окно со стороны крыши темной осенней ночью столь же удобен для ниндзя. Жанна, конечно, была уведомлена о его визите через маркизу Лаферте и дала на него согласие. Когда Сашка впрыгнул через загодя приоткрытую форточку, она бросилась к нему и, убедившись, что это ее несравненный Алекс, стала сразу его зацеловывать. Лишь через два часа пыл маркизы сменился нежным мурлыканьем, и тогда она стала рассказывать, как испереживалась за него, как умоляла короля умерить первоначальный гнев и чем это для нее обернулось:

— Думаете, он со мной так же нежен? Нет, он по-прежнему лишь пылок и настойчив в своем эгоистическом желании насладиться женской плотью — я же боюсь что-то ему подсказывать, так как он может понять, кто меня научил новым приемам любви. В итоге мне вновь стали в тягость его так называемые "ласки"... Но ты, мон ами! Ты совсем, совсем другой..... Но расскажи, чем ты сейчас так занят с этим противным Ришелье? О ваших затеях во дворце ходят противоречивые слухи....

Последующий час Сашка расписывал мадам де Помпадур блестящее будущее французской армии под его патронажем, но умолял оставить все пока в секрете, особенно от короля.

— Но Ришелье ему про этих егерей обязательно расскажет....

— Пусть расскажет, но о том, что Вы о них что-то знаете, лучше умолчать.... Теперь о Марии-Терезии: она пыталась с Вами связаться?

— Да. Написала очень милое письмо, в котором назвала меня "кузиной" и просила принять для приватного разговора ее посланца. Мне нравится, когда правители других государств со мной милы и ответила учтивым согласием на его приезд. Теперь жду. Но твоя озабоченность нашими политическими дрызгами мне все же не совсем понятна....

Сашка подумал чуть и решился:

— Я приехал во Францию тоже в качестве посланца к Вам, мадам — но уже от императрицы российской и, конечно, нелегально.

— Что? Так Вы все-таки шпион? Мне говорил об этом Шуазель, но я над ним посмеялась.... Шпион! И решили, что лучшим способом втереться ко мне в доверие будет через спальню?

— Нет, мадам, нет. Если Вы вспомните, я рассказал Вам об идее ненападения еще на

ранней стадии нашего знакомства, и Вы уже тогда сочли ее наиболее приемлемой. А вспышка чувств произошла потом, хотя она не могла не произойти — в Вас и статуя Давида могла бы влюбиться. Но....

— Что "но"?

— Я мог бы продолжать утаивать от Вас свое предназначение, но не могу: Ваше счастье стало для меня превыше всех других обязательств. Я мог бы уехать с моим другом, принцем Кристианом, в Саксонию, но остался, полагая, что буду Вам необходим. Если же Вы решите, что русский соглядатай в Версале слишком опасен для Франции и для Вас лично, я готов умереть.

— Ах, Алекс! В самом деле, кто тянул Вас за язык? С другой стороны все вокруг так лживы, а Вы так искренни.... Забудем об этом Вашем признании. Лучше вновь обнимемся и представим себя единственными людьми на пустынном острове....

— ...который мы должны населить своими детьми, — подхватил Сашка. — А как это можно сделать без соединения в одно трепетное существо?

Пояснение для тугодумного читателя: честному человеку тяжело носить в себе ложь или даже недомолвки. Отсюда взялись сказки про то, как Петер (Жан, Джон....) уходили в заросли камыша и рассказывали ему свои сокровенные тайны, а потом Ганс (Жак, Джим....) вырезали из этого камыша дудочки и те выбалтывали тайны людям. Вот и Сашка: признался Жанне в своей тайне, и на душе стало легко. Также сложно человеку лживому не врать: иной и знает, что его ложь выйдет ему боком, но с наслаждением врет и врет — но это не про нашего героя.

В другой свой приезд в Версаль Сашка тем же макаром проник к Жанне и после долгих нежных истязаний своей подружки осмелился спросить:

— Мадам.... Мне очень неловко Вас спрашивать, но, боюсь, Ваш ответ будет жизненно важен — для Вас.

— О чем ты, Алекс? К чему эта преамбула? Ну, спрашивай....

— Скажите, Вы пользуетесь клизмой? Не ругайте меня за переступанье границ интимности, это крайне важно!

— Это не такой большой секрет. Все приличные дамы с некоторых пор ими пользуются.

— Пользуетесь всякий раз при посещении туалета?

— А-алекс! Вы, в самом деле, переступили ту самую границу!

— Мадам, Вы ведь слышали, что я в некотором роде тоже медикус. И мне точно известно, что постоянное пользование клизмой смертельно опасно для человека. Может произойти воспаление кишечника. Умоляю, используйте не чаще раза в неделю!

— Какой ты умник.... А если у меня постоянный запор?

— Тому виной пища, которую Вы едите: соусы, устрицы, трюфеля.... Включите в ежедневный рацион кашу, орехи, курагу, чернослив, яблоки, тыкву, а также обязательно простоквашу, которую надо пить помногу — и запоры понемногу прекратятся. Это и есть самая здоровая пища — посмотрите на зажиточных крестьян: здоровяк к здоровяку, в том числе и женщины. Умоляю, Жанна, доверьтесь в этом вопросе мне....

— Это так трогательно — твоя забота о чужеземной женщине, которую ты скоро покинешь....

— О чем Вы говорите, мадам? Я с головой ушел в дело подготовки французских солдат к войне....

— Вот на эту войну ты и уйдешь — забыв, что в Версале еще живет какая-то Жанна....

— Никогда! Никогда я Вас не забуду и не разлюблю! Даже если меня убьют на войне, мой дух будет заглядывать к Вам в окна: как там поживает красавица и умница Жанна де Помпадур? Соблюдает ли она предписанную мной диету?

— Ах, Алекс.... Твои переходы от серьезности к шутливости так меня обескураживают.... Впрочем, без них ты был бы не ты — самый уникальный человек среди моих многочисленных знакомых!

— Все люди уникальны, Жанна. Но одни оказываются со знаком минус (уникальный зануда, ханжа, скряга, негодяй....), а другие пытаются быть в плюсе (уникальный весельчак, любовник, умелец, добряк....). Я тоже тянусь к свету, да и ты, наша уникальная служница....

— Ваша служница? Это чья?

— Конкретно: короля Людовика и моя. В широком же плане — народа Франции. Я не прав?

Жанна взгляделась в лукавые глаза любовника, прильнула к нему и нежно поцеловала в веки.

Глава шестнадцатая. Репетиция штурма

Наступил грозный 1756 год — год начала Великой Семилетней войны. Из писем, получаемых Сашкой от Бестужева и Марии-Терезии, он знал, что задуманные им коалиции успешно складываются: ни Великобритания, ни Франция не будут в союзе с Пруссией и отгородятся от восточно-европейского театра пактами о ненападении. В то же время Великобритания согласилась пропустить через Ганновер в Саксонию (баржами по Эльбе) русский корпус под командованием генерал-аншефа Фермора — по просьбе ее курфюрста Августа. Из района Риги в Курляндию (принадлежащую формально Польше, то есть тому же Августу) готовилась двинуться и русская армия под командованием фельдмаршала Апраксина. (Сашка пытался убедить Бестужева в непригодности Апраксина для возглавления решительного наступления, но добился лишь окрика: всяк сверчок знай свой шесток!). Мария-Терезия подготовила армию для вторжения в Силезию из Богемии и еще корпус для поддержки Саксонии — если таковая появится. О численности этих корпусов и армий Сашке, конечно, не сообщили.

Принц Карл Кристиан тоже прислал письмо, в котором рассказал о более активной подготовке к войне вооруженных сил Саксонии (под руководством все того же Рутовского) и особо — про свой егерский полк, который сумел за 4 месяца худо-бедно подготовить. Рутовский, по крайней мере, был егерями очень впечатлен и теперь намеревается использовать их в Саксонской Швейцарии, для жалящих ударов по левобланговой колонне пруссаков — "если Фридрих двинется в Саксонию теми путями, что предсказал ты, Алекс".

Франция меж тем (по сценарию прошлой Семилетней войны) предъявила ультиматум Великобритании с требованием вернуть захваченных в прошлом году близ берегов Америки моряков и их корабли. Лорды Адмиралтейства затеяли в связи с этим бумажную волокиту. Тогда Ришелье предложил Людовику наказать англов и захватить остров Менорку (в составе Балеарского архипелага Западного Средиземноморья), который они отняли ранее у Испании (вместе с Гибралтаром в 1713 г). Начались приготовления в Тулонской эскадре и скрытная переброска 12-тысячного пехотного корпуса и осадной артиллерии в разные пункты побережья Прованса. В авангард десанта маршал решил пустить егерский полк "Фонтенбло".

Получив приказ на выдвижение в Марсель, Сашка (помнивший про эту авантюру Ришелье) скривился: проку от занятия Менорки не оказалось для Франции никакого — король Испании Фердинанд 6-ой Бурбон вступать в коалицию с Людовиком пока не захотел (потом, в 1761 г. другой король, Карлос 3-ий, вступит, и тут же англы отнимут у него и Манилу и Гавану и ряд других территорий), остров же английский флот вскоре заберет обратно. Вот если бы захватить Гибралтар, базу всего английского флота в Средиземноморье....

Тем не менее, 1 марта полк "Фонтенбло" покинул свой лагерь и начал марш-бросок на Марсель: по грунтовым дорогам через Немур-Куртене-Осер-Со-Пуйи-Бон-Шелон-Макон-Лион-Руссильон-Валанс-Монтелимар-Авиньон. Бросок проходил классически, путем чередования бега с быстрой ходьбой, с завтрака до ужина и 2-часовым перерывом на обед. Впереди ехали, конечно, полевые кухни "советского" образца (по одной на роту численностью 100 чел.) с поварами, которые и обеспечивали полноценные обед и ужин, а наутро завтрак. В арьергарде полка на телегах двигалось полковое имущество: палатки, спальники, шанцевый инструмент, боеприпасы, запас продуктов и т. д. Офицеры,

назначенные Сашкой из сержантов первой (базовой) роты, бежали вместе с подчиненными, сам же он, его заместитель и пара сержантов ехали на конях впереди полка, немного опережая полевые кухни — с целью определения маршрута движения полка, мест привала и ночной стоянки. В итоге через 12 дней они разбили последний полевой лагерь на окраине Марселя, преодолев более 700 км.

Алекс де Мож наутро съездил в своей коляске к губернатору Марселя для представления и вернулся в полк вполне удовлетворенный: место для стоянки полка было сочтено приемлемым, а окрестности города были предоставлены для тренировок егерей в полное распоряжение. Сашка с пристрастием поехал и побродил вдоль прибрежных известняковых скал и выбрал обрывы высотой от 5 до 50 м, подходящие, по его понятиям, для скалолазания. Понятия же у него кое-какие были: на первых курсах он увлекался вполне пацанскими развлечениями, в число которых входили спелеология и скалолазание....

Потому он навел своих кузнецов и озадачил их изготовлением многочисленных клиньев, а также страховочных крючьев с проушинами (прямых, лепестковых, якорных), трапецевидных закладок разного размера с петлями из тросиков и, конечно, карабинов (с защелками, без муфт). Еще понадобятся десятки молотков, причем нужны бесшумные, а из чего их делать? Может быть, обернуть сам молоток толстым войлоком, а сверху кожей? Надо пробовать.... Веревки же сгодятся пеньковые, которых много на кораблях....

Через пару дней первая партия скалолазного инвентаря была готова, и Сашка повел своих офицеров и сержантов к облюбованному полигону, где рассказал, а потом показал основы скалолазной техники. За другие два дня методом проб и ошибок в ротах были выявлены наиболее пригодные к скалолазанию бойцы, после чего скальные полигоны были утыканы клиньями и крючьями и увешаны веревками, по которым стали безостановочно лазать все егеря полка. А еще через неделю Сашка (договорившись с губернатором) повел полк учиться штурмовать стены форта Сен-Николя совокупной высотой до 30 м. Здесь была, конечно, сплошная долбежка дыр, в которые пришлось вставлять преимущественно козырные якорные крючья. Впрочем, нижние стены высотой менее 10 м неплохо взяли посредством закидывания "кошек"....

Наконец в Марсель стали прибывать другие части экспедиционного корпуса, появился и генералитет во главе с Ришелье. Он был сильно удивлен, узнав, что егерский полк совершил переход за 12 дней, но еще больше удивил его губернатор, описавший свои впечатления от вчерашнего контрольного штурма егерями форта Сен-Николя. "15 минут! — говорил потрясенный губернатор. — И весь полк был уже внутри цитадели! Никому бы не поверил — но я видел это сам!" "Не весь, форт штурмовала половина полка, — уточнил Алекс де Мож. — Надобности в участии второй половины не было....". "Тем более!" — не сдавался губернатор.

Ришелье, естественно, пожелал это представление увидеть. Сашка выстроил полк, любезно проводил маршала и свитских на верхнюю площадку форта, вышел из их толпы на передний план, поднял руку с платком, махнул им — и через 20 минут уже весь полк оказался в крепости.

— Я потрясен и озадачен! — сказал маршал. — Получается, что собранный мной корпус может при захвате Менорки и не понадобится? Достаточно будет Вашего полка?

Глава семнадцатая. Штурм форта Ла Мола

Французская флотилия (13 линкоров, 5 фрегатов и 180 транспортников с 12 тысячами солдат и несколькими десятками осадных орудий) прибыла к Менорке по сценарию: 18 апреля, к ее западной оконечности, где раскинулся город Сьютаделла — бывшая столица, прикрытая слабой по нынешним временам крепостью. Оказалось достаточно одного залпа флагманского линкора, чтобы над крепостью показался белый флаг. Тогда транспортники подошли к причалам города и высадка десанта началась.

Сашке осторожная стратегия Ришелье сразу не понравилась: понятно, что по суше армия может добраться до восточной части острова (где находится его теперешняя столица Порт Магон) без риска оказаться под ударом английской эскадры. Но это приведет к большой потере времени: протащить осадные пушки по низкогорью на протяжении 60 км — та еще задача. Куда проще было бы обогнуть всей флотилией остров и высадиться вблизи Порт-Магона, хотя и за пределами дальности пушек защищающих его двух фортов: Ла Мола и Сен-Фелипе. И флот бриттов напасть не успеет, так как находится (Сашка-то знал) еще в Гибралтаре. Но не скажешь ведь об этом маршалу....

Впрочем, маршал вызвал де Можу к себе уже вечером 18 апреля и поставил задачу его полку: овладеть в ближайшие дни фортом Ла Мола. Для этого высадиться в бухте Эс Грау, что находится в 3 милях от форта, совершить к нему марш-бросок и с ходу на стены — авось и получится. А потом удерживать форт до подхода еще двух полков. Сашка прикинул расчет времени и сделал встречное предложение:

— Сир! Пусть эти два полка выступают уже завтра по дороге на Порт-Магон. Они подойдут к нему в конце третьего дня — исходя из средней скорости движения 5 миль в сутки. В начале второго дня мой полк погрузится на корабли и будет в указанной бухте тоже к концу дня. Марш к форту мы совершим ночью, днем переждем, маскируясь и разведывая окрестности, а ночью следующей захватим этот форт. Утром же соединим силы с другими полками и, может быть, атакуем форт Сан-Фелипе. В любом случае мы свяжем бриттов боем, и оказать сопротивление основным силам корпуса они не смогут.

— Хорошо, полковник, — согласился Ришелье. — Ваши коррективы приняты.

Человек предполагает, а бог располагает, — гласит известная поговорка. — Что в переводе на язык 21 века означает: расписал что-то заранее — жди подляны. В случае с Сашкой подляну преподнес ветер, вернее, его отсутствие в течение почти целого дня — очень редкое явление в апреле на Балеарах. В итоге в круглой бухте, где ютилась рыбацкая деревня Эс Грау, его полк оказался только к середине третьего дня. Высадку полк провел образцово и выстроился на берегу со всем хозяйством. Сашка скомандовал, и вскоре к нему привели молодого испанского рыбака по имени Маноло. Знатоки испанского языка в его полку были, и через них Сашка добился от Маноло согласия (за n-ную сумму) на проводку его полка скрытно, лесами к форту Ла Мола.

— Орлы! — гаркнул перед строем Сашка. — Мы долго готовились к этому дню! Настала пора реальных дел. Я верю, знаю: вы не подведете ни меня, ни себя, ни Францию. Вперед же, друзья! Выгоним наглых бриттов из Mare Nostrum, то есть нашего моря!

Рыбак не подвел: тропа, по которой он провел полк, так и не вышла за пределы соснового бора. К эстуарию, разделяющему форты Ла Мола и Сан-Фелипе, авангардная рот

полка вышла почти одновременно с началом черной южной ночи. Враз краски мира потухли, и все окружающие объекты изменились, потеряли привычные очертания, а потом почти совсем исчезли. Сашка решил было объявить ночевку, но вдруг в небольшом отдалении, на высоте вспыхнули факелы, осветив фрагменты стен и башен форта Ла Мола. "Вперед и вверх, а там...." — решился Сашка и отдал необходимые команды. Десяток штатных стенолазов во главе с сержантом Калло растворились в ночи, а прочие бойцы замерли на месте, боясь услышать ненужные звуки. Сашка же велел Петеру (ставшему денщиком) достать из рюкзака ратьер, зажечь в нем свечу и стал периодически подносить к узкому лучу света (обращенному в сторону от форта) свои часы. Пять минут.... десять.... пятнадцать.... Вдруг его тронул за плечо капитан Вобан и шепнул:

— Есть сигнал! Караулы сняты!

Сашка поднял голову и точно: на башне, в стороне от факела мерцал, появляясь и исчезая, огонек свечи — такой же ратьер.

— Слава богу, — сказал он. — Веди своих бойцов на стены, а я останусь встречать остальных.

— Но мсье, вторая рота уже здесь....

— Бери тогда и их с собой....

В следующие полчаса Сашка встречал и встречал подходившие роты, но на стены пока не отправлял: будут звуки боя — отправлю, иначе получится лишняя толкотня. Со стороны крепости доносился периодически какой-то ропот, но звуков выстрелов не было. Вдруг свет ратьера стал описывать большие круги, что по их договоренности означало: все под контролем, можно идти к воротам.

— Веди ко входу в форт — скомандовал Сашка рыбаку Маноло и оборотился к командирам подошедших рот: — Форт Ла Мола наш. Следуйте за мной, сохраняя режим тишины. Она нам еще пригодится.

В распахнутых настезь арочных воротах их встретил радостно оживленный капитан Вобан и стал делиться подробностями "дела":

— Все прошло, как Вы учили, мсье полковник: один из караульных провел нас под страхом смерти к казарме, Калло со своими ловкачами в нее тихо зашел, блокировал подступы к пирамиде с ружьями и стал "гасить" по очереди спящих. Правда, один вывернулся, заорал и разбудил остальных. Те кинулись было к выходу, но Калло бросил им под ноги боло — они и повалились друг на друга. Тут по его приказу зажгли ратьеры, которыми стали слепить солдатиков, а Калло показал гранаты и объяснил, что если они тотчас не сдадутся, то вся казарма взлетит на воздух. Англы все поняли и повязали себя сами!

— Как "гасить"? — спросил упавшим голосом Сашка. — Я же велел всех вязать, а колоть в ухо в крайних случаях?

— Все висело на волоске, мсье полковник. Я считаю, что только благодаря Калло мы обошлись без потерь и ненужного шума!

— Наверное, так, — согласился студиозус в роли полковника. — Ладно, Вобан, распорядитесь выслать разведку к форту Сан-Фелипе и группу в сторону Порт-Магона, для встречи полков Ришелье. Остальным прибраться тут и отдыхать — но по-прежнему без шума!

— Мсье.... - затоптался с ноги на ногу бывший сержант. — Среди пленных мы захватили и женщин: обслугу местную и жен офицеров....

— Не смей! — гневно закричал Сашка. — Мало того, что перекололи людей как свиней, так вам еще и женской плоти захотелось? Запорю любого насильника! Так и передайте егерям: любого! Не взирая на заслуги во взятии форта!

Чуть погодя он распорядился:

— Всех женщин тотчас привести ко мне. Вы определили, где будут мои апартаменты?

— Наверное, в доме коменданта форта?

— Хорошо. Вот туда и приведите.

Глава восемнадцатая. Как говорить с жертвой насилия?

Оставшись один (не считая Петера, который сновал из комнаты в комнату в доме коменданта и устранял последствия солдатского вторжения), Сашка сел в кресло перед камином и глубоко задумался. Всеми силами он пытался избежать в этом суровом времени ненужных жертв (часовые, увы, во все времена — расходный материал) и вот такое варварское массовое убийство под его командованием.... "Эх, Калло, ловкач, каких мало.... Но есть золотое правило: хочешь сделать по-своему — делай сам. Так что блокаду следующей казармы (например, в Сан-Фелипе) возглавь сам, господин чистоплюй. При этом неизвестно, будет ли у тебя положительный результат".

"Будет, непременно будет! — уперлось рогом второе "я". — Без никаких ловких убийств. Только через давление на психику. Используй мегафон, свето-шумовые эффекты, псевдоубийства — но без реальной крови! Они же здесь еще все как дети...."

Тут в дверях появился Петер:

— Герр Чихачев, к Вам женщин привели....

— Ну, пусть заходят, — сказал вяло Сашка. — Только задерни шторы и добавь в комнату света.

Через пару минут гостиную коменданта заполнила немалая толпа (человек 30?) женщин всех возрастов — впрочем, совсем ветхих среди них не было. "Одежда большинства порвана, — отметил, вставая с кресла, Сашка, — Успели, видать, ухватить свое, некоторые солдатики.... И что мне теперь с этими насильниками делать?"

Он прошелся с задумчивым видом вдоль фронта женщин, выхватил автоматически взглядом трех-четыре эффектных дам благородного вида (одна в платье, разорванном до пола, с гневным блеском в глазах), потом остановился и сказал:

— Медамес, леди.... Меня зовут полковник Алекс де Мож. Я вижу, вы успели побывать в лапах моих солдат.... Я сожалею о случившемся. Заверяю, что более ничего подобного с вами не произойдет. Вы останетесь жить в этом доме, под моей защитой. Но.... Завтра с утра прошу каждую из вас описать на бумаге своего насильника и передать описания мне. Постарайтесь вспомнить звание этого негодяя — если вы разбираетесь в званиях военнослужащих французской армии. А пока я предлагаю вам выпить с помощью моего Петера чаю или поужинать, а потом постараться уснуть. Комнаты и соседок можете выбрать себе сами. Я с денщиком размещусь здесь. У вас может быть много вопросов, но я прошу — задайте мне их завтра поутру.

— Я не могу ждать до утра! — ожидаемо вспыхнула красавица в разорванном платье. — У меня все трясется внутри от унижения!

— Хорошо, — согласился вдруг Сашка. — С Вами я могу поговорить сегодня. Остальных прошу меня простить — все завтра, завтра.

Оставшись наедине с дамой (лет двадцать пять, наверное, и очень хороша!), Сашка усадил ее в кресло перед камином (подавив попытку заговорить выставленной ладонью) и ловко его разжег — благо, дрова рядом лежали. Потом крикнул все-таки Петера и тот принес из рюкзака заветную бутылку коньяка (затарились в Марселе парой бочек брэндвайн, предназначенных для Голландии, а разлил в бутылки "для сэбе" сам). Когда он ловко открыл и разлил коньяк по бокалам, дама возмутилась:

— Вы думаете, что я осталась здесь пить с Вами вино?! Враг, негодяй, хам!

— Сейчас Вам необходимо немного успокоиться, — твердо сказал Сашка, глядя в глаза прекрасной женщине. — Коньяк для этого успокоения незаменим. Успокойтесь — поговорим. Нет — тогда все завтра.

Потом сунул бокал в руку дамы, продолжая гипнотизировать ее взглядом, отпил из своего и поцокал языком:

— Изумительный коньяк! Вряд ли Вы пробовали что-то подобное. Я недавно его обнаружил в Провансе....

— God knows waht.... (Черт знает что) — сказала дама и отпила из бокала порядочный глоток. Тотчас она поперхнулась, и Сашка в момент положил на нее руки: одну на горло, другую на спину — для сугрева. Дама гневно отбросила одну руку и вперилась ему в глаза, все еще не в силах говорить.

— Все хорошо, — сказал Сашка и улыбнулся. — Это крепкий напиток. Но он Вас сейчас расслабит. Так как Вас зовут?

— Я — миссис Бартон, жена майора и коменданта этого форта, а кресло, в которое Вы меня так по-хозяйски усадили — это мое кресло!

— Бартон! — воскликнул Сашка, широко открыв глаза. — Я знал одного Бартона в этой жизни. Вы, случайно, не из Ланкашира?

— Мы из Бристоля, — высокомерно сказала жена майора. И добавила: — Не сбивайте меня с мысли.... О чем я хотела сказать.... Ах, да. Ваш солдат грубо меня изнасиловал. У меня до сих пор....

—все внутри трясется? Выпейте еще, милая леди, и эта тряска прекратится. Выпейте, выпейте.... Вот так. Вас кусала когда-нибудь собака?

— Собака? Да, однажды, в девичестве. Но укус быстро зажил.

— Так вот представьте, что Вас снова укусила собака. Это больно, неприятно, но скоро пройдет.

— Пройдет?! Это была Ваша собака, мсье!

— Моя, — быстро согласился Сашка с целью прервать поток ее красноречия. — У меня их много и обычно они меня слушаются. Но сегодня нам предстояло завалить английского льва, и я спустил своих собак с поводка. Лев был повержен, но и львицам, вижу, в этом бою досталось.

— Я — львица? Впрочем, да! Но Вы ошибаетесь, думая, что "завалили" моего льва. Майор Бартон сейчас находится в Порт-Магоне, скоро вернется сюда с подкреплением и Вашу собачью свору выкинут отсюда вон!

— Вряд ли, — серьезно сказал Сашка, продолжая утопать взглядом в глубине карих глаз прекрасной "львицы". — Я хочу спросить: разве Ваш муж не был извещен о высадке французского десанта на западе Менорки? И о том, что такая высадка с часу на час может произойти здесь, на востоке, возле форта Ла Мола?

Красавица внезапно смутилась, потупила голову и глухо произнесла: — Нас известили....

"Ага.... - смекнул Сашка. — Муж-то, похоже, находится в самоволке.... А какой может быть причина самоволки у молодого офицера? Очень может быть, что другая фемина, о которой его миссис кто-то донес....". И сделал ход конем:

— Для Вашей семьи было бы лучше, если бы майор Бартон оказался сейчас в моем плену. Иначе его могут обвинить в преступном оставлении своего поста по неуважительной причине....

— Почему неуважительной? Он уехал на совещание к начальнику гарнизона.... - сбивчиво возразила миссис Бартон, но глаз поднять на проницательного врага не посмела.

— По тому, как дрожат Ваши губы и ресницы, я понял, что его отлучки из форта и раньше регулярно случались.... Вероятно, она испанка? Дочь местного гранда? Или все же богатого купца?

— Да замолчите Вы, молокосос! — вскинула голову яростная "львица". — Что Вы можете понимать в супружеских отношениях, не будучи еще женатым! Да, да, я ведь не слепая и обручальное кольцо на пальце могу углядеть с 10 метров!

— Может потому я еще и не женат, — мягко сказал Сашка. — Понагляделся на современные брачные пары. Куда лучше недолгие связи, когда женщина еще повернута к любовнику своей прекрасной стороной, а он тоже смотрит только на нее, любит, вдохновляется ее прелестями, трепещет, взяв ее за руку, вдыхает ее запахи, лучше которых и представить себе ничего не может. А голос! Как ему нравится слушать ее воркующий голос и все, что она ему говорит, кажется исполненным глубокого, сокровенного смысла....

Дама удивленно и с большим интересом взгляделась в молодого французского полковника, а потом произнесла вразяжку:

— Да Вы рома-антик, мсье де Мож. Поди и очень влюбчивы?

— Простите, миссис Бартон, — сказал с притворной строгостью Сашка. — Дальше я не буду с Вами разговаривать, пока не узнаю Ваше имя.

— Имя Вам необходимо? А для чего? Неужели у Вас на языке готовы для меня комплименты?

— Я никогда не готовлю комплименты для прекрасных женщин, — доверительным тоном молвил Баснеплет Крылов. — Они рождаются в моей голове мгновенно, от одного лицезрения. Но адресовать комплимент миссис Бартон или Эмили Бартон — для меня почему-то большая разница.

— Вы что, успели обо мне расспросить кого-то? — непритворно удивилась жена майора.

— Нет, — встречно удивился Сашка и вдруг до него дошло: — Вас зовут Эмили? Правда? Как это хорошо! Это имя, на мой взгляд, очень Вам подходит....

— Почему? — спросила, улыбаясь, недавняя жертва изнасилования.

— В спокойном состоянии Вы очень милы, дорогая леди — просто Эмили!

Глава девятнадцатая. Бой под стенами Сан-Фелипе

Утром Сашку разбудил капитан Вобан с вестями от разведгрупп. Вести эти были весьма благоприятны: два полка фузилеров (стрелков) намеревались идти к форту Ла Мола, но были остановлены за ненадобностью и теперь охватывают полукольцом город Порт-Магон, но не с запада, а с юго-востока (!) — чтобы воспрепятствовать соединению городского гарнизона с крепостным. А в крепости Сан-Фелипе еще не знают ни о взятии форта Ла Мола, ни о блокаде Порт-Магона и потому ведут себя беспечно — ворота крепости пока стоят открытыми. "А когда узнают, могут ринуться на фузилеров, — враз сообразил Сашка. — Тем придется биться на два фронта, и они проклянут твою инициативу. Надо срочно переправляться на тот берег"

Что-что, а тянуть с реализацией принятых решений Сашка не умел. Потому через полчаса первая рота стала переправляться на противоположный берег неширокого (600–700 м) эстуария, используя разрозненные лодки, собранные со всего восточного берега, и в одной из них сидел командир полка. Причалив к берегу в километре от крепости, передовые егеря сделали бросок к грунтовой дороге, ведущей в Порт-Магон, и залегли по обе ее стороны, а остальные образовали цепь между дорогой и берегом длиной метров 300; все, конечно, накрылись маскировочными сетями и исчезли с глаз неприятеля. Лодки же гребцы погнали обратно, за свежей порцией десанта. На стенах крепости и возле нее началась суета, а вскоре из ее ворот выскочил кавалерийский отряд в 50 человек и порысил по дороге с целью поисков непонятных комбатантов.

— Готовсь! — обратился в рупор к цепи егерей Сашка. Те приготовили кресала и огниво, а штуцеры ориентировали в направлении обреченных на смерть всадников.

— Приготовить боло! — вдруг сменил команду полковник, увидев в трубу, что всадники вооружены лишь саблями и их можно просто взять в плен вместе с конями, без неприятного ему кровопролития. — Левый фланг! Ползком к дороге цепью!

(Что еще за боло? — вправе спросить дотошный читатель. — О них в романе еще ничего не говорилось.... Вот теперь говорю: Сашка недавно вспомнил об этом замечательном средстве спутывания лошадей и других ногастых тварей и тотчас велел занять каждому егерю)

Слабо приметные холмики задвигались от берега, но если ближние вскоре образовали цепь вдоль дороги, то дальние явно не успевали. "Ладно, без них, пожалуй, обойдемся, — решил Сашка.

Тем временем конники сблизилась с поперечным кордоном метров до 50, и вдруг их командир что-то заподозрил или увидел и остановил отряд.

— Боло! — крикнул в рупор Сашка, вскочил с места первым и бросился на сближение с конными, раскручивая над головой трехшаровое длинное боло. Вдоль левой обочины дороги стали подниматься рядовые егеря и, крутнув пару раз боло, прицельно захлестывать ими ноги коней. Сашка, нацелившийся на командирского коня, был еще далеко от него, но командир решил, видимо, ему помочь и бросил своего скакуна навстречу, в карьер — выхватив одновременно саблю из ножен. Сашка метнул боло и замер на миг, замороженный летящей навстречу смертью. Но тут конь, которому боло захлестнуло сразу три ноги, рухнул с грохотом на дорогу, а командир полетел через его голову, чуть не угодив саблей в Сашку, увернувшегося в последний момент. В обратном развороте он прыгнул с лопаткой к врагу, но

тот лежал на дороге, раскрывая рот как рыба, а вздохнуть, видимо, не мог. Сашка оглядел поле скоротечного боя и успокоился: все кони были стреножены, а бывших всадников егеря ловко вязали или вытаскивали из-под лошадей.

Через полчаса ворота крепости вновь открылись и оттуда стали выходить колонна за колонной пехотные роты бриттов. Первая из колонн скоро пошла к месту прошлой битвы, за ней другая. Впрочем, к первой роте егерей успела присоединиться и замаскироваться вторая, а сейчас к берегу подходили лодки с третьей ротой. Из крепости по ним выстрелило несколько пушек, но ядра не долетели метров 100 до цели.

— Третья рота! — крикнул Сашка в рупор, увидев на берегу ее капитана. Тот выпрямился и помахал рукой в знак того, что услышал. — Остаться в резерве на берегу! Замаскироваться!

Капитан вновь помахал рукой.

— Снайперы! — отдал команду полковник де Мож. — Можно начинать!

Почти сразу в цепи егерей началась разрозненная стрельба, а из колонны британцев, успевшей пройти половину расстояния до цепи, стали один за другим выпадать офицеры, сержанты и обычные солдатики. Колонна приостановилась, но тут стрельба егерей стала гуще и солдаты, оставшиеся без командиров, бросились в стороны или на землю. Когда первая колонна и клубы дыма рассеялись, стала видна вторая колонна противника, которую офицеры и сержанты начали спешно разворачивать в две шеренги (одна стреляет, другая заряжает). Вот эти шеренги двинулись вперед, но, конечно, без стрельбы — куда им, безшутцерным да с круглыми пулями.... Когда они стали перешагивать через тела бойцов первой колонны, Сашка вновь отдал популярную команду:

— Снайперы!

Выстрелы егерей загремели с прежним успехом, но среди наступавших уцелел какой-то отчаянный командир, который скомандовал атаку бегом. Британские фузилеры рванули очень резво, и если бы до егерей было метров 200 или хотя бы 300, их сильно поредевшие шеренги могли, быть может, прибежать под удары егерских саперных лопаток, но с расстояния 500 метров — исключено. Последний атакующий упал в 100 м от цепи, но еще раньше многие повернули обратно. В трубу Сашка увидел, что третья и прочие колонны бриттов тоже развернулись и быстро зашли в ворота крепости.

— Поздравляю с победой, егеря! — крикнул в рупор Сашка. — Ур-ра!

— Ура-а! Ура-а! Ура-а! — раздался троекратный ответ его бойцов.

Сашка только что отправил разъезд (на тех самых, отбитых у англов конях) в сторону Порт-Магона, как вдруг из ворот крепости вышла под белым флагом группа безоружных людей человек в 20 в сопровождении нескольких телег, запряженных мулами (?).

— Похоронная команда? — обратился Сашка с вопросом к бывалому Вобану.

— Похоже на нее....

— Но в трубу я вижу среди них офицера. Может, это парламентар?

— Шпион это, — усмехнулся Вобан. — Хочет посмотреть, кто их войско сумел так разгромить....

— Ну, встретить его, порадуй своим бравым видом. Только давай мы тебя переоденем — ни к чему им разглядывать наш камуфляж.

— Но у меня нет здесь другой одежды....

— Я как раз собрался в форт Ла Мола, пришлю тебе и твоим сержантам несколько

комплектов.

— А если он подойдет раньше?

— Подержи его под дулами ружей сколько надо, а потом снизойди....

Глава двадцатая. Может ли откушенный нос способствовать любви?

Едва Сашка переступил порог комендантского дома, как его обступили женщины.

— Вы живы, мсье де Мож? — спросила одна из женщин попроще. — Мы очень боялись, что Вас убьют!

— Почему? — разулыбался Сашка.

— Вы здесь наш единственный защитник. Эти Ваши егеря так и ходят вокруг, так и ходят. И среди них есть тот самый коротышка, который обидел нескольких из нас.

— Калло?! — первым пришел на ум Сашке кровавый сержант. Но тотчас он вспомнил, что видел Калло на том берегу, в рядах первой роты.

— Покажите мне его, — потребовал полковник. — Но не все скопом, а вот Вы, мадам. И пальцем прошу не тыкать, достаточно будет взгляда.

Он вышел во двор форта, любезно разговаривая с женщиной, она невпопад отвечала и вдруг вцепилась ему в локоть. Сашка поднял на нее глаза, прикинул направление ее взгляда и увидел заворачивающего за угол невысокого широкоплечего егеря. Стремглав он кинулся к углу, выскочил за него и вдруг оказался сбит с ног. Тотчас его шею сжали невероятно жесткие пальцы того самого коротышки, чьи бешеные глаза светились сейчас торжеством, а ноздри клювастого носа хищно раздувались. В этот нос Сашка и вцепился в отчаянном рывке зубами!

— А-а-а! — заорал негодяй, ослабил хватку, а потом вовсе рванулся в сторону, оставив во рту Сашки кончик носа. Содрогаясь от брезгливости, Сашка выплюнул отвратительный комок плоти, а потом на него накатила отходняк. Он сел на землю и стал, раскачиваясь, истерически смеяться.

— Что, что с Вами? — теребила его та женщина, а он продолжал истерить — правда все тише и тише. Наконец он поднял вверх голову, увидел своих бойцов и протянул им руку. Оказавшись на ногах, Сашка повернул голову в одну сторону, потом в другую, обнаружил коротышку в руках егерей, уже связанного, и кивнул головой. Потом повернулся к женщине и сказал:

— Проводите меня в дом. Я хочу умыться. Нет, вымыться целиком, дочиста....

Через час Сашка залез, наконец, в лохань, наполненную горячей водой, и погрузился в нее с головой. А когда вынырнул на воздух и протер глаза, то увидел перед собой не Петера, а Эмили Бартон — в белой исподней рубашке, с мочалкой в руке и нежной улыбкой на лице.

— Миссис Бартон! — оторопело воскликнул Сашка.

— Эмили, Алекс, — возразила ему банная фея. — Для Вас, мой герой, только Эмили.

— Этот коротыш был и Вашим осквернителем? — спросил на автомате Сашка.

— Нет, — качнула головой Эмили. — Но я почему-то чувствую себя отомщенной.

Сашка пристально взгляделся в ее лучащиеся глаза и сказал проникновенно: — Эмили....

— А-алекс.... - склонилась к нему фея и стала часто-часто целовать в губы.

Постельные ласки Алекса и Эмили были в самом разгаре, как вдруг в дверь его комнаты раздался стук и следом донесся голос Петера:

— Герр Чихачев, тревога! К нам идут корабли!

Сашка спрыгнул на пол и стал стремительно одеваться, говоря:

— Эмили, никуда не уходи, я вернусь, я скоро вернусь!

Бегом он пересек двор и взбежал на стену форта, где уже толпились его подчиненные, разглядывая спускающиеся по эстуарию линейные корабли англичан: один, два, три, четыре, пять.... Шли они осторожно, медленно, под кливерами и бизанями. Следом из-за поворота выдвигались еще корабли, поменьше размерами и других обводов — вероятно, торговцы. Сашка вдруг вспомнил, что при взятии Менорки из порта бежала в Гибралтар небольшая эскадра англичан, прихватив с собой ранее захваченные призовые суда. Он резко повернулся к одному из своих капитанов, остававшихся в форте в резерве:

— Гастон, Вы осматривали орудия форта?

— Да, мсье полковник. Они в порядке и боезапас есть. Но Вы еще не учили нас стрелять из пушек....

— Да-а, — признал свой косяк Сашка. — Ведите роту в бастион и тащите туда же английских пушкарей. А Вы, Жерар, разместите своих егерей вдоль стены и начинайте отстреливать палубных моряков на головном корабле — когда он приблизится на расстояние шпуцерного выстрела. Вы же, Рене, берите свою роту, переправьтесь на тот остров, что находится в 1 км выше нашего форта, и ведите стрельбу оттуда. Да посигнальте Вобану, чтобы он поддержал Вас с того берега. Авось уберем с палубы и с мачт личный состав этих страшных на вид линкоров....

Основные пушечные бастионы хитромудрые англичане устроили в скальном основании форта Ла Мола, прорезав наружу сквозь известняковые пласты узкие длинные порты. В рукотворном нижнем этаже тоже стояли пушки, но калибром поменьше, для стрельбы по рангоутам. Сашка оглядел группу приведенных пушкарей и выхватил взглядом смуглого брюнета:

— Ваше имя?

— Майкл Сантон.

"Что-то не похож он на Майкла...." — подумал Сашка, отвел брюнета в другое помещение и спросил наугад:

— Вы сказали Мигель Санти? Испанец? Habla espanol?

— Я сказал Майкл, — вздернул голову брюнет. — Вы же — проклятый лягушатник!

— Открою Вам тайну, Мигель — я вовсе не француз. Но сейчас воюю в рядах французской армии, причем в данный момент мы бьемся за освобождение Менорки от ее захватчиков, англичан, а для чего? Для передачи острова испанскому королю, нашему будущему союзнику против гегемонии Великобритании. Поэтому прошу Вас: войдите в наши ряды и помогите отбить у этих морских зазнаек захваченные ими торговые корабли — большей частью испанские.

— Вы говорите об эскадре адмирала Эджкамба? Он пытается выйти сейчас из эстуария?

— Да, дон Санти.

— Я вовсе не дон, хотя род мореходов Санти широко известен между Валенсией и Картахой. И я согласен Вам помочь.

— Можно ли привлечь к стрельбе других пушкарей?

— Я бы не стал — почти все они ярые патриоты и могут устроить какую-нибудь диверсию. Думаю, что Ваши странные солдаты под моим руководством справятся сами.

— Заранее благодарен, сеньор Санти. Когда я сведу короткое знакомство с королем Испании, то непременно выпрошу у него для Вас графский титул.

— Вы большой шутник, мсье де Мож.

— Ничуть. Утопите флагман между фортами Ла Мола и Сан-Фелипе — и титул будет Ваш.

— Увы, глубина эстуария очень велика, для того, чтобы его закупорить, надо положить друг на друга два корабля.

— Их в эскадре пять. Дерзайте, сеньор Санти.

Глава двадцать первая. Попытка к бегству

Спустя час форт Ла Мола превратился в филиал ада. В недрах этого ада раздавался почти непрерывный грохот с извержением из них клубов белого дыма, а также ядер, книппелей и брандскугелей. А поверхностную часть пронизывали летящие с залива ядра, попадание которых в стены форта вызывало лишь сотрясение, но попадание в дома имело разрушительные последствия. Вскоре во дворе форта и на его стенах можно было увидеть тела убитых или раненых егерей. Местные жители, впрочем, среди поверженных почти не встречались — сказывался, вероятно, опыт предыдущих сражений. Сашка, устроивший свой НП в массивной башне с узкими амбразурами, сначала периодически поглядывал на комендантский дом, но потом горячка боя захватила его целиком.

К этому времени флагманский корабль поравнялся с фортом и попал под огонь всех его пушек. Парусов он так и не поставил, потому что ставить их было уже некому; к тому же рангоут его был изрядно нарушен книппелями. Даже удерживать корабль на фарватере с помощью руля было очень сложно: рулевых пытались закрыть от пуль егерей толстыми досками, но время от времени они все же получали раны или погибали. Пушки левого борта продолжали изрыгать ядра в сторону форта Ла Мола, но ответным огнем по наводке канонира Санти треть из них была уже "погашена". Вдруг защитники форта дружно закричали: кормовую надстройку флагмана (с кают-компанией) удалось поджечь брандскугелями. Пожар, сначала ленивый, стал разрастаться, моряки выскочили его тушить и тут же погибли от огня егерей. В итоге через 10 минут корма флагмана превратилась в огромный костер; его при этом развернуло поперек эстуария и моряки стали выбрасываться в воду через порты и иллюминаторы. А еще через пару минут взорвалась кормовая крьюйт-камера, и корабль быстро ушел на дно залива.

"По заказу работает Мигель Санти, — усмехнулся Сашка. — Теперь еще одного поросенка тут уложить и хрен Вам, англы, не Порт-Магон. Но что-то другие корабли не спешат к нам, в остров тычаться и стрелять из пушек бросили....". Тут он повернулся для контрольного взгляда на комендантский дом и похолодел: окно его комнаты зияло провалом!

— Эмили! — закричал Сашка и бросился к выходу из башни. Вот он спрыгнул во двор форта, вот вбежал в дом, наполненный взвешенной пылью, и вверх по лестнице к заветной двери. Комната его тоже вся была в пыли, кровать разметана, но ни тела, ни крови он не обнаружил. Выбежав обратно на первый этаж, Сашка снова закричал: — Эмили! Эмили!

— Здесь они, герр Чихачев, — вынырнул перед ним из пылевого облака Петер. — В подвале сидят.

— А Эмили жива?

— Живехонька, только измаялась вся в переживаниях за Вас.

— Веди!

В дверях подвала ему на грудь кинулась со слезами, поцелуями и вскриками ("Ты жив, жив!") Эмили.

— Все хорошо, дорогая, все хорошо! — оглаживал ее плечи и зацеловывал щеки Сашка. — Мы утопили их флагманский корабль, а другие стрелять прекратили. Дай бог, сдадутся нам, и убийства эти поганые прекратятся....

— Я так боялась, что тебя убьют! Что бы я потом делала, как жила без тебя?

— Миссис Бартон! — раздался вдруг из подвала женский голос. — Побойтесь Бога, веде

Вы замужняя женщина....

— Нет, уже нет! — резко оборвала ее бывшая жена майора. — Джон Бартон бросил свой пост и меня впридачу ради какой-то католички! Меня могли здесь растерзать и растерзали бы вместе с вами, если бы не этот герой, Алекс де Мож. Я заявляю перед Богом и людьми, что отныне не являюсь женой предателя. Я теперь свободная женщина и могу сама выбирать себе мужскую опору. Я выбрала Алекса — до тех пор, пока он будет рад видеть меня возле себя. Ты не прогонишь меня, Алекс?

— Ни за что! — твердо пообещал Сашка.

"Только в походы военные брать поостерегусь", — хотел добавить он, но глянув в сияющие глаза Эмили, слова эти ненужные проглотил.

Вернувшись на стены форта, Сашка осмотрел окрестности и удовлетворенно хмыкнул: боевые корабли английской эскадры подняли белые флаги и на них уже хозяйничали его егеря. Крепость Сан-Фелипе наглухо закрыла входы и выглядела почти безлюдной. Вдруг его тронул за локоть капитан Жерар и кивнул встревоженно в сторону открытого моря: там белели всеми парусами многочисленные линейные корабли и фрегаты. Сашка поднял подзорную трубу в поисках флага и облегченно улыбнулся, увидев полностью белое полотнище — официальный военно-морской флаг Франции.

— Это эскадра Галиссоньера, — пояснил он. — Вот им и сдадим наши корабельные трофеи. Кстати, я не вижу над фортом лилейно-синего флага Франции....

— Его сбило во время перестрелки, мсье полковник.

— Надо срочно поднять, иначе нас могут обстрелять свои корабли. Распорядитесь, Жерар.

В последующие несколько часов Сашка занимался встречей морских офицеров во главе с низкорослым горбатым адмиралом, бывшим однако в большом авторитете у своего эскорта. Адмирал выпросил у полковника де Можы все подробности боя с адмиралом Эджкамбом, одобрил стрельбу Мигеля Санти и тотчас предложил ему должность канонира в своей эскадре, подивился меткости егерских штуцеров и отбыл на трофейные корабли для их осмотра. Вскоре на них прибыли временные экипажи, и корабли медленно двинулись к устью эстуария, прижимаясь на всякий случай к левому берегу. Впрочем, из форта Сан-Фелипе так и не донеслось ни одного выстрела.

Возле полуразрушенного дома коменданта Сашку перехватил Петер и повел к новому его обиталищу — не столь обширному, но уютному домику в три комнаты плюс кухня. Когда Сашка в него вошел, то сразу увидел Эмили в паре с простоватой женщиной, оказавшейся ее служанкой. Они занимались, конечно, наведением уюта — в данном случае на кухне.

— Эмили, — заулыбался Сашка. — Так ли нужна нам в ближайшее время кухня? Куда важнее порядок в спальне....

— Не волнуйся, дорогой, — лучезарно засветилась его новая фемина. — Там я уже побывала. Но ты войдешь туда не скоро: только после очередного мытья в лохани. Удивительно, какой ты грязнуля: дважды в день тебя мыть приходится....

— Эмили, может только голову?

— Нет, милый, все. Но ты разве не рад? В прошлый раз, помню, радовался....

— Н-ну, пожалуй.... Но где пройдет эта процедура? Комнат у нас всего три....

— Петер будет жить отдельно от нас, зато как султан — исключительно в женской компании. Ты ведь не против, дорогой?

Глава двадцать вторая. Падение Сан-Фелипе

Утро молодой влюбленной пары (Сашка разрешил Вобану будить себя лишь при получении тревожных вестей) было наполнено только прелестными занятиями, в число которых вошел и завтрак в постели. Наконец полковник решил, что манкировать своими служебными обязанностями больше не вправе, сделал попытку покинуть постель, но был пойман за руку.

— Алекс, — сказала Эмили, взглядываясь в него удивленно и серьезно. — Я полагала, что ты просто восхитительный и пылкий молодой человек. Но ты оказался в любовных играх куда опытнее меня. Я таяла под твоими необыкновенными ласками и снова их желала. Где, с кем ты всему этому научился? Эта женщина должна быть исключительной любовницей. Вроде мадам Помпадур....

У Сашки чуть с языка не сорвался утвердительный ответ, но он схватил себя мысленно за горло. Чуть погодя ответил, утрированно рисуясь:

— Эмили, ты не поверишь, но это — государственная тайна. Даже не скажу тебе тайна какого это государства. Скажу лишь, что я не француз де Мож и не герр Чихачев. Ласки же мне приходят в голову при малейшем твоём движении. Вот сейчас ты повела плечиком и приоткрыла краешек подмышки, которую мне тотчас захотелось поцеловать.... А сейчас ты им дернула и нечаянно колыхнула грудью — и я страстно возжелал прильнуть к твоему подгрудю....

— А-алекс! Что ты со мной делаешь, Алекс....

Выйдя, наконец, из дома, Сашка отправился к Вобану, и тот сообщил, что гарнизон Порт-Магона сдался прибывшему к авангарду маршалу Ришелье. Теперь осталось убедить к сдаче гарнизон Сан-Фелипе и остров Менорка станет принадлежать Франции.

— Мне казалось, что мы передадим его Испании, — сказал Сашка.

— Чтобы они снова отдали его без боя Англии?

— Ну, оставить здесь на первое время французский гарнизон, дополнив его испанским — но все-таки передать. Уверен, что король Испании такой подарок оценит и оплатит в трехкратном размере....

— Изложите свои соображения маршалу, мсье де Мож — может, они его и убедят. Он, кстати, прислал сообщение о скором своем появлении в форте Ла Мола....

Ришелье в окружении генералов и подхалимов прибыл на корабле, часам к четверем. Полковник де Мож встретил его на берегу перед строем своего полка.

— Трэ бьен, егеря! — молодежато гаркнул маршал.

— Вив ле марешаль! — рявкнул в ответ тысячеголосый строй.

— Поздравляю вас с победой! — продолжил закливание маршал.

— Ур-ра, ур-ра, ур-ра-а! — раздался грозный рев.

— Что это за ур-ра? — оборотился Ришелье к де Можу.

— Это клич римских легионеров, — пояснил Сашка. — Я заимствовал его из трудов Тацита. Теперь будет клич французских егерей.

— Н-да? Вы весьма начитаны, мсье де Мож. Особенно для москвитя. Но пусть будет у вас такой клич. А теперь расскажите о подробностях захвата форта Ла Мола и разгроме адмирала Эджкамба....

— Подробности ночного штурма форта маршалу весьма понравились.

— А Вы сможете повторить свою атаку — только теперь на форт Сан-Фелипе?

— Отчего не смочь? Сможем. А если предложить им просто сдаться? Мне кажется, в форте укрылось не больше полка....

— Мой парламентар к ним уже ходил, но этот Блейкни уперся: заявил, что запасов пороха, ядер и пуль у него хватит на каждого лягушатника из кодла Ришелье. Наглец!

— Наглец, — согласился Сашка. — Будем брать его груды камней, которая кажется ему неприступной. Ваши полки уже приблизились к крепости?

— Вот-вот подойдут.

— Отмените, сир. Пусть держатся в отдалении, примерно в миле. Чтобы не нервировать раньше времени осажденных.

Егерский полк форсировал эстуарий через остров, в 2 км от крепости, во второй половине ночи. Верные тактике стремительного броска, егери первой роты сразу двинулись, крадучись, к стенам крепости и взяли их в полукольцо, от залива до берега открытого моря. Сашка был в этот раз с ними, хотя в постановке клиньев и крючьев, навешивании веревок и последующем снятии часовых участия не принимал, а возглавил первую волну наступающих. Он был еще на середине стены, как вдруг где-то в крепости прозвучал выстрел.

"Быстрее вверх!" — хотел скомандовать он, но осекся: всем и так стало понятно, что подъем надо ускорить, а выдавать наступающих голосом пока не стоит.

Наконец, Сашка достиг бойницы между крепостными зубцами, выскочил на стену и сразу подался к ее внутренней стороне. Двор крепости уже заполнялся выбегающими с факелами солдатами, гомонящими как растревоженные пчелы. Сашка достал со спины рупор и скомандовал вдоль стены:

— Бойцы! Гасить факельщиков!

Тотчас защелкали выстрелы, и через пару минут в крепостном дворе стало темнее, хотя и не совсем: часть упавших факелов продолжила гореть. Это, впрочем, было на руку нападавшим: до стен свет не доходил, а двор худо-бедно освещал. Осажденные тоже открыли пальбу, но вслепую. А роты егерей все прибывали и прибывали на стены, усаживаясь и укладываясь вдоль них, за пределами зоны поражения пулями со стороны двора.

— Командиры рот, ко мне! — скомандовал Сашка. Вскоре все десять капитанов собрались возле него.

— Провести переключку своих бойцов, развести роты по ранее согласованным участкам, разместить бойцов вдоль стен, выявить слабые места ваших позиций и укрепить их, отстреливать инициативных бриттов и ждать рассвета. Гастон, Вы должны выбить пороховыми зарядами внешние и внутренние ворота, но не враз — по моим сигналам. Пока все. Исполнять.

Наконец, восточная сторона небосклона стала слабо сумеречной, сигнализируя о подъеме через час веселого как всегда солнышка (которому по хрену все кровавые сопли придурокшных людишек). Двор и стены форта Сан-Фелипе стали вполне различимы.

— Attention, Britta! — направил Сашка рупор в сторону двора. — I-Colonel de Mog, whose soldiers killed yesterday your two companies. (Я — полковник де Мож, чьи солдаты перебили вчера две ваши роты). I assure that I am able to kill all of you! (Уверяю, что я способен перебить всех вас).

Тут он повернулся в сторону ворот, которые обложила по стенам рота Гастона, и крикнул в рупор:

— Гастон, внутренние ворота!

Через несколько секунд грохнул взрыв, и окованные железом внутренние ворота крепости выпали во двор.

Сашка вновь повернул рупор во двор и провозгласил:

— Offer you honorable captivity — without internment, leaving the officers personal weapon (Предлагаю вам почетный плен — без интернирования, с оставлением офицерам личного оружия).

Он подождал минуту, повернулся к воротам и вновь скомандовал:

— Гастон, внешние ворота!

Вновь взрыв, после которого внешние ворота повисли на одной петле.

— Five minutes later I change my offer to unconditional surrender! (Через пять минут я изменю свое предложение на безоговорочную капитуляцию!) — грозно произнес Сашка.

Почти сразу на двор из внутреннего каземата вышла группка британских офицеров при шпагах и остановилась, глядя в сторону громкоголосого невидимки. А за ними повалили сержанты и рядовые и стали складывать свои ружья на землю — все более, более, более.

— Сержанты, принять оружие и рассортировать пленных! — скомандовал Сашка. — Офицеров закрыть в комендантском доме — до прихода маршала Ришелье.

Маршал был очень оживлен, принимая капитуляцию, а при взглядах на полковника де Можу каждый раз улыбался. Когда же он ознакомился с подземными и цокольными казематами крепости, то воскликнул:

— В этих стенах и с таким арсеналом я мог бы держаться целый год! Алекс, Вы со своими егерями сэкономили мне время и уйму солдатских жизней! Я буду рекомендовать Вас перед королем к награде кавалерским орденом святого Людовика! Вы ведь католик?

— Увы, нет, сир. Меня распропагандировали ваши ученые умы, и теперь я причисляю себя к атеистам.

— Вы не верите в Бога? О времена, о нравы! Но Вас же крестили? В какой же вере?

— В лютеранской, сир, — с покаянной рожей развел руками Сашка.

— Это меняет дело.... Впрочем, я слышал, что в канцелярии короля лежит законопроект о введении военного ордена для офицеров-протестантов. Так что через несколько лет награда Вас все равно найдет.

— Благодарю Вас, мсье маршал. К этой награде не полагается приложение в виде поместья?

— Фи, де Мож. Разве можно быть таким меркантильным? Вам повесит орден на грудь сам король — это высшее счастье для дворянина! Впрочем, Вы ведь пока беспоместный? Так и быть, похлопочу и о поместье для Вас и о титуле — пока баронском, конечно. Теперь довольны?

— Бесконечно, сир.

— А в Вас проглядывает фигляр, мсье. "Бесконечно...."

Сашка посмотрел маршалу в глаза, улыбнулся и сказал: — Нет, правда, спасибо, сир. А скажите, если мои егеря возьмут Гибралтар, я смогу претендовать на орден святого Михаила?

— Вы это серьезно говорите? — оторопел Ришелье. — 30 лет назад испанцы пытались его вернуть, обложив большими силами, потеряли за полгода много солдат убитыми и ранеными и отступились.

— Вы ведь знаете, что девиз егерей совсем другой: "Не числом, а умением". А также внезапностью посредством быстроты и скрытности.

— Не зна-аю.... - задумался Ришелье. — Все подходы к Гибралтару просматриваются издалека. Западный, северный и южный склоны его усеяны мощными батареями по всему периметру, а восточный склон — это сплошная крутая скала высотой от 200 до 400 метров....

— Но ни батарей, ни дозоров на нем нет?

— Батарей нет, только на самом гребне парочка, а насчет дозоров не уверен....

— На самых крутых частях их не устроишь — вот там мы и пройдем. Если Вы решитесь повести туда флот.... Или договоритесь с испанцами о нашем проходе через их побережье близ Гибралтара....

— Флот вести очень опасно — ведь Гибралтарская эскадра британцев сильна и мобильна. Идея насчет испанцев могла бы быть плодотворной, но Фердинанд 6-ой упорно придерживается нейтралитета в споре Франции и Великобритании — в основном потому, что, будучи двоюродным братом нашему королю, женат на дочери короля Португалии, рьяной союзнице британцев. И министр иностранных дел сейчас у него с Британских островов — ирландец Рикардо Уолл, сторонник нейтралитета....

— Но эскадра Галиссоньера только что пополнилась 4-мя линкорами и численно превосходит, наверно, эскадру британцев?

— Может и превосходит, только на практике английские моряки почти всегда бьют наших — как ни больно мне об этом говорить.... Забудьте пока об этой своей мечте, Алекс. Но если обстоятельства сложатся для нас когда-нибудь хорошо, мы тотчас о ней вспомним. Обещаю.

Глава двадцать третья. Спасительный островок

В детстве Сашка, как многие пацаны, мечтал о морских приключениях. Но в четырнадцать лет он упросил родителей совершить круиз на теплоходе по Черному морю по маршруту Сочи-Ялта- Севастополь-Одесса-Сочи и физиологически ощутил, что не создан для моря. На переходе Сочи-Ялта со стороны Новороссийска налетел ветер и создал на море 4-х балльное волнение, которого хватило для того, чтобы Сашку вышвырнуло от и до — при том, что многие пассажиры даже рады были ощутить себя этакими "морскими волками". Круиз пришлось прервать и отдохнуть далее на крымских камнях бесправными дикарями.

В 18 веке 24-х летний Сашка пережил переход от Тулона до Менорки сносно в связи со слабым ветром и спокойным морем. Однако на обратном пути на французские корабли налетел сильный западный ветер, который быстро образовал штормовые волны высотой до 3 метров. В совокупности волны и ветер погнали корабли к берегам Сардинии. Шторм укачал многих, но Сашка просто превратился в подобие бледной спирохеты. Напрасны были старания Эмили его напоить лекарствами, согреть теплом, убаюкать: его рвало, рвало и рвало; случался и понос, хотя есть он совсем перестал. "А если бы мой полк послали воевать в Америку?" — задавал он иногда вопрос, но тотчас махал рукой, отгоняя эту вероятность.

Перед рассветом шторм улегся, а Сашка ощутил позыв на посещение гальюна. Эмили запретила ему в него ходить, так как переход по палубе был сопряжен с риском (гальюн, к сведению несведущих, устраивался под бушпритом, где приходилось держать равновесие) и припасла ночной горшок — но опорожняться в присутствии своей Лорелеи, хоть и спящей — не комильфо, согласитесь.... И Сашка пошел, крадучись (в рубашке, портах и босиком) на все еще качающуюся палубу. Шел, хватаясь за такелаж, фальшборт, леера и достиг уже бушприта с кливером, который вдруг предательски хлестнул "сапога" по лицу, а палуба поехала из-под ног (доворот к курсу рулевой сделал?) — и Сашка, всплеснув руками, перевалился через борт. Он, конечно, вскрикнул, потом врезался в воду (холодная, зараза!), вынырнул, снова закричал, но сам поразился слабости своего голоса. Корабль же продолжил ход и вот уже показал полковнику егерей корму! Сашка в отчаянии повернул голову в надежде увидеть следующий корабль и ничего, кроме волн не увидел.

— Я же потону! — закричал он, глядя в слабо сумеречное, облачное небо. — Ты что делаешь, всемогущий? Спасай меня, я не закончил свою миссию!

В разрыве облаков показалась одинокая звезда, подмигнула погибающему попаданцу и скрылась.

"Что же, тонуть? Или все же подергаться — как известная лягушка в кувшине с молоком? Где тут восток? Там, где чуть светлеет горизонт? И там же находится Сардиния — значит, плыву в ту сторону. Вода, вроде бы уже не такая холодная.... Помогите, боженька!"

Рассвет застал его все еще барахтающимся среди волн — уже невысоких, но все равно заплескивающих в его жадно дышащий рот порции соленой воды. Сашкины руки и ноги еле шевелились от усталости и холода, но он упрямылся, изображая что-то вроде брасса. Внезапно его поволокло вперед, потом сильно потянуло назад, он высунул голову из воды как можно выше и увидел скальный берег. Откуда-то в организме взялся адреналин, вливший силы в мышцы и Сашка стал грести, грести руками, пока не зацепился ногами за песчаный грунт. Еще немного телодвижений — и он вполз на галечно-песчаный пляж небольшой бухточки в обрамлении зализанных прибоем известковых скал. "Спасибо, боже!".

Когда солнце поднялось почти в зенит, Сашка успел приободриться, подсушиться, напиться пресной воды из лужицы в скальном углублении (вчерашний ветер сопровождался дождем) и определить, что забросило его, как водится на остров, — вернее скальный островок размером 300x100 м при высоте до 10 м. Растительность на острове была — в виде хвойных и мелколиственных кустарников, а животный мир ограничивался какими-то пичужками. Были, вероятно, и морские твари в виде рыб, крабов, морских лилий, ежей и т. д., но их еще предстояло найти и поймать. Осталась надежда и на людей: на востоке километрах в пяти виднелась сплошная береговая линия. Плыть туда Сашка пока не собирался (хотя припрет и поплыву!), но, может быть, местные рыбаки близ этого островка бывают?

Остаток дня он пытался добыть в море пищу: отваливал валуны в надежде на крабов (трех нашел, но один убежал), плавал с открытыми глазами под водой и выкинул в итоге на берег с десятков морских звезд, один "морской огурец" и двух "ежей", а также надрал ламинарий — для салата. Потом дробил панцири иглокожих и высасывал из них содержимое — но очень выборочно, потому толком не насытился. Хорошо, что ламинарий было в достатке — заполнил ими пустоту в желудке. Потом искал и оборудовал место для ночлега: наломал веток, постелил на них штаны и лег калачиком, а рубашкой укрылся. Как ни странно, пригрелся и уснул.

Через пять дней он стал всерьез думать о форсировании пролива вплавь. Погода установилась тихая, теплая, море чуть шевелилось под лучами жаркого солнца — чего ж не плыть? Устану — отдохну на спине, слава богу, умею. А то ведь на острове этом и сдохнуть недолго: вода в одной тенистой лужице еще есть, но рано или поздно кончится, да и жратвы добыть много не получается. К тому же огонь так и не разжег (ну нет среди известняков кремня и железок, стекла тоже нигде не валяются!), а еще от этой специфической пищи ему стали сниться яркие эротические сны, в которых первой являлась Эмили, превращавшаяся в Жанну, та в Анну-Марию, а на пике сновидения возникала почему-то Ксения, которой и доставалось все мужское семя... Нет, надо плыть, плыть отсюда! С этим твердым намерением Сашка и уснул.

С утра не поплыл, надо было плотнее позавтракать. А когда вернулся с добычей на скальную вершину (где предпочитал есть и одновременно обозревать горизонт в поисках транспортов), то увидел вдруг плывущую к острову лодку под косым парусом. "Господи, ты опять меня услышал? Надо, бросать, видимо, свой атеизм и молиться тебе каждодневно. Или тебя и теперешний мой типаж устраивает?" Сам же встал на скалу, снял рубашку и стал ей махать над головой, понимая уже, что замечен.

Оказалось, что этот островок давно облюбован местными рыбаками как скопище гранчио, олотурио и риччио ди маре. Так, по крайней мере, понял Сашка после многословных объяснений с двумя "рыбаками": пожилым (лет под 70?) Гвидо и молодой (лет 20–22?) Паолой. Мгновенный обмен взглядами меж Сашкой и Паолой, разумеется, состоялся, и Сашка усек, что его щетина и всклокоченная голова не столь ужасны для черноглазой итальянки. В итоге он предложил свою помощь в поисках морской продукции, которая оказалась весомой, поскольку ни Гвидо, ни Паола плавать под водой (а может и на воде?) не умели. Наконец, аппетиты Гвидо были удовлетворены, и лодка отправилась в обратный путь вместе с усталым, но веселым Сашкой.

Глава двадцать четвертая. Жизнь рыбацкая

Рыбацкое поселение Анчио состояло из трех десятков одно-двухэтажных плоскокрыших белых домиков, сложенных из неотесанных плит известняка, скрепленных известковым же раствором. Напротив домиков у берега стояли на приколе лодки (хотя большинство мест еще пустовало), а поперек берега сушились на распорках сети, меж которыми тут и там затевали свои игры дети. Гвидо причалил возле незавидного одноэтажного дома, принес из него корзины и велел Паоле и Алексу грузить в них добычу — отдельно. Сашка, исколовший ладони и пальцы о проклятых ежей еще возле острова, поднял руки вверх и показал их мужику. Тот презрительно скривился, но принес из дома брезентовые рукавицы. В рукавицах сортировка пошла у Сашки споро, но тут он заметил, что кожаные перчатки Паолы совсем тонкие и она тоже морщится от укулов. Тотчас он снял правую рукавицу и протянул ей. Она взглянула на него в упор и качнула в знак отрицания головой, но Сашка сунул рукавицу ей в руку и утрированно грозно сдвинул брови. Рыбачка беззвучно оскалила в улыбке зубы и надела рукавицу.

Улов Гвидо тотчас понес на продажу — вернее, две корзины понес Сашка и одну Паола. Покупателем же оказался самый зажиточный селянин (обитал аж в трехэтажном доме!), который, вероятно, являлся перекупщиком, а собственно потребители ежей, голотурий и крабов пребывали где-то в аристократических высях. Сашка и Паола при торге, конечно, не присутствовали, а сели на лавку во дворе дома и, не имея возможности поговорить, стали смотреть друг на друга. Долго смотреть у них не получалось (то один отводил в смущении взгляд, то другая), но через одну-две минуты их взгляды снова встречались.

Стоит пояснить, что сексуальный аппетит Сашки от купанья в море несколько не убавился, и потому взгляд его, обращенный на молодую донну, быстро эволюционировал от игривого любопытства до едва завуалированного вожделения. Паола вожделения была достойна: помимо ярких черных очей ее овальное смуглое лицо имело все достоинства итальянской красоты, то есть прямой изящный нос, полные губы, белейшие зубы, маленькие уши, круто очерченные соболиные брови и чистый невысокий лоб, обрамленный гривой густых черных волос, обрезанных почему-то до плеч. А шея... А груди, свободно шевелящиеся под рубашкой... Гибкий стан, вмятые ягодицы, стройные ноги с босыми изящными ступнями... Столь же изящные кисти рук... И взгляд ее: сначала изучающий, держащий на дистанции, но не отталкивающий, равно готовый к улыбке или негодованию, и все-таки понемногу наполняющийся влечением в ответ на Сашкины все более нескромные взгляды...

Читателю вправе, кажется, поморщиться: у этого сочинялы и принцессы и рыбацки — все красавицы... Он, вероятно, не бывал в Италии и, тем более, на Сардинии. Здесь за тысячелетия селились многие, очень многие нации: греки, римляне, кафагеняне, вандалы, готы, норманны, арабы, испанцы... И все, первым делом, "покоряли" местных женщин, а те рожали детишек... С каждой волной "покорителей" все более и более красивых детишек. В итоге даже рыбацки Сардинии имели очень замысловатую родословную, восходящую к цезарям и эмирам.

Вдруг Паола, успевшая еще на острове узнать, что француз не понимает итальянского, а тем более сардов, заговорила:

— Che, ranocchio, in filare in me tuo cazzo? (Что, лягушонок, хочешь воткнуть в меня свой

хрен?). Invano lo hai nascosto, ho avuto il tempo di vedere (Напрасно ты его прячешь, я успела увидеть). Questo, forse, ci sarrebbe stato bene (Это, может быть, было бы и неплохо). Come ho avuto abbastanza di questo Guido! (Как мне осточертел этот Гвидо!). Che stupido che sono, che ha ceduto in momento di debolezza! (Какая я дура, что поддалась ему в минуту слабости!) La Vergine Maria! Mi dispiace per I brutti pensieri! (Дева Мария! Прости меня за дурные помыслы!).

И стала часто креститься.

Сашка напряженно вслушивался в речь Паолы, выхватывал отдельные слова, но не понимал. Впрочем, общий смысл уловил: сначала она в чем-то его упрекнула (в том, что пожирает ее глазами?), а потом стала жаловаться на свою жизнь. Давай, птичка, давай, а я потом тебя пожалею....

Тут из дома вышел Гвидо, крутя головой: объегорил его, вероятно, ушлый перекупщик. Оба стратотерпца поднялись с лавки и поплелись за ним по жаре обратно.

В доме Гвидо оказалось всего две комнаты, не считая кухни: в одной спал Гвидо со своей женой (старой вешалкой с пронизательным взглядом, имя которой Сашка не расслышал), в другой обитала Паола с двумя детишками (девочкой лет 7 и пацаненком 4 лет). "Куда же определяют на ночь меня? — озадачился Сашка. — Или поблагодарят сейчас за помощь да отпустят восвояси?". Оказалось, что с улицы к дому пристроен сарайчик длиной 2 метра, беспорядочно заваленный колотыми дровами из плавника. Но если их сложить вдоль стены в поленницу, то вдоль другой стены можно будет лечь.... Так, во всяком случае, понял Сашка слова и жестикуляцию Гвидо. "Приступлю тогда к укладке поленницы. Надеюсь, ночью она на меня не свалится?"

Преобразованием сарайчика в жилье Сашка занимался до вечера. Когда Паола пришла звать его на ужин, то удивилась: вдоль стены стояли на забитых в землю кольях крепкие нары (из нескольких плавниковых стволов, обнаруженных под дровами), противоположную стену закрывала до крыши ровная поленница, в головном торце сарайчика, между поленницей и нарами, высился столик из плахи на высоких кольях, а в ногах (напротив входа) был устроен круглый очаг из камней. Она покачала головой из стороны в сторону в знак снисходительного одобрения и повела лягушатника в дом.

После небогатого ужина (паста из мелких шариков теста вперемешку с сыром, луком и мелкими жареными рыбешками, которую запивали кислым слабеньким вином) та же Паола выдала Сашке обширную накидку, сшитую из двух овечьих шкур, и подушку, набитую каким-то мягким мехом, и отправила в сарайчик, объяснив на смеси итальянских и французских слов, что завтра их вновь ждет сбор иглокожих и крабов. Сама же занялась, видимо, вязанием при свете рыбацкого фонаря. Сашка побрел спать, размышляя меж тем, не "сделать ли ноги". Но без знания языка тут легко огрести нехилые неприятности, вплоть до попадания в рабство — нет, лучше попахать пока на Гвидо, попутно изучая лингуа итальяно....

Впрочем, времени на изучение языка у него назавтра почти не было: пришлось нырять, нырять и нырять, собирая колючие дары моря. Наступил момент, когда его глаза стало немилосердно щипать и он пошел в отказ. Гвидо было нахмурился, но приглядевшись к слезящимся глазам найденыша, вернулся к прежней методике лова, наощупь. Улов стал прибывать значительно медленнее. Сашка пожалел об отсутствии маски и вдруг вспомнил, что в доме перекупщика окна стеклянные (у Гвидо и у других окна были в частых переплетах, ячейки которых затянуты бычьими пузырями) — значит, стекло раздобыть

можно, а если найдется также гипс.... Он попытался объяснить свою задумку Гвидо, потом подключил Паолу, стал рисовать на песке маску и убедил их бросить скудный промысел и плыть в поселок для изготовления маски.

Стекло и гипс Гвидо купил в том же доме, причем нашелся и корундовый стеклорез. Сашка сумел обрезать прямоугольную пластинку стекла до овала, потом заготовил гипсовый бинтик и окантовал им этот овал. На следующем этапе он прилепил к пластинке гипсовую трубу и стал ее понемногу обпиливать, подгоняя к рельефам своего лица. Наконец, привязал к гипсовой маске завязки и пошел опробовать ее у берега моря. Пока "труба" не погружалась целиком в воду, обзор дна был прекрасным, но при полном заныревании вода в маску неизбежно проникала и все портила. "Значит, буду плавать поверху и примечать добычу на дистанции". Гвидо тоже полежал на воде в маске и выбрался обратно удивленным и довольным. Паола смотрела завистливо, но лезть в воду и мочить платье не захотела. Сашка, воспользовавшись моментом, попросил Гвидо, чтоб Паола поучила его языку — тот поворчал, но разрешил.

На другой день сбор иглокожих походил на сборку авто на конвейере: Сашка плыл рядом с лодкой, погрузив лицо в воду, примечал добычу, снимал маску и передавал Паоле, нырял, возвращался на поверхность моря с крабом, ежом, голотурией или лангустом, отдавал их Паоле, забирая и надевая маску, и вновь плыл.... Лодка была наполнена еще до обеда, и им пришлось плыть в поселок. Гвидо, бывший на руле, просто сиял всю дорогу. Паола же посматривала на лягушатника, пожалуй, с почтением. После обеда Сашка с полным основанием подсел к Паоле и стал донимать ее вопросами.

Потом был следующий день, похожий на предыдущий, потом другой, третий.... Их удачный лов был, конечно, замечен другими рыбаками и на третий день возле островка плавало более 10 лодок, но с хорошей добычей оказались опять одни они. Гвидо просто распирало от самодовольства.... На берегу его обступили рыбаки с целью узнать его секрет, но он только задирали вверх подбородок, ухмылялся и охлопывал соседей по спинам: мол, уметь надо рыбачить-то....

В тот вечер Сашке не спалось, и он стал слоняться возле дома без цели. Проходя мимо окна комнаты Паолы он вдруг услышал приглушенные мужской и женский голоса, причем в женском присутствовала яростная интонация. Среди незнакомых слов его ухо выхватило знакомые: "бамбини" и "дева Мария".... Потом послышалось яростное мужское ругательство и финальное хлопанье дверью. "Гвидо приходил, видимо, за "любовью" и получил отлуп" — рассудил Сашка. То, что этот старый козел "теребит" свою вдовую сноху, он успел понять — не желая понимать Паолу, уступившую этим домогательствам. Узнав эту постыдную тайну, Сашка как-то подувал в своем эротическом стремлении к Паоле — что, в принципе, было и хорошо (для его жизни в этом доме), но и горьковато. Теперь же он разулыбался и пошел спать с легкой душой. А под утро ему был презент: эротический сон с участием Паолы.

Глава двадцать пятая. Розовая пасха в городке Боза

Наутро Гвидо был в явном раздражении, что проявлялось в виде мрачных взглядов, бросаемых им как на Паолу, так и на приبلудного лягушатника ("Вот истинный виновник вчерашнего бунта ранее покладистой снохи!"), а также швырков, рывков, сопения, молчания и т. д. Лишь находка Сашкой подводного рифа, густо заселенного иглокожими, вновь оживила одержимого наживой рыбака, который попытался сделать к рифу и второй рейс за день — но Алекс проявил строптивость и потыкал пальцами в свои красные глаза: нельзя, устали осші... (Конечно, было можно, но на фиг, на фиг!). Тогда Гвидо придумал другую работу (починку старых, давно не использующихся сетей) — лишь бы не дать этой сладкой парочке ворковать на пару под видом изучения языка.

Сашка же обурел и стал совмещать приятное с бесполезным, то есть в процессе починки сетей продолжать расспросы Паолы на темы "что есть что" и "как это что употреблять". Гвидо оборвал их раз, другой, Сашка же продолжал борзеть (полагая, что основной добытчик вправе вести себя самостоятельно); в итоге Гвидо бросил сеть и ушел в дом. Ну и слава богу — не так ли, Паола? У Паолы было, видимо, другое мнение, но Сашка лопотал итальяноподобную галиматью, улыбался, корчил рожи, жестикулировал, рисовал на песке фигурки в разных позах и говорил "sei tu" и "ancora tu" ("это ты" и "опять ты"). Молодая женщина смотрела на него вопросительно или недоуменно, потом скептически, саркастически, иронически, снисходительно и, наконец, заулыбалась и даже засмеялась однажды. После чего стала учить забавного раноччио уже с энтузиазмом. К вечеру сеть была починена наполовину, а общение Сашки с Паолой стало похоже на примитивную, но беседу. Ужинать их позвала дочка Паолы, Розина — самая старательная помощница бабушки Марии.

Прошло еще несколько дней (Паола совсем сдружилась с Алексом), как вдруг настал день Пасхи роз, в связи с которой почти все население поселка отправилось в соседний городок, Бозу, — естественно, на лодках с парусом. Паола взяла с собой Розину и настояла, чтобы поехал Алекс. "Там нахальные парни, — напомнила она Гвидо. — При виде Алекса они будут поскромнее". Старая Мария осталась дома вместе с шустриком Джованни.

Отправились ранним утром, чтобы успеть к обеденной мессе, и караван лодок из Анчио растянулся на целый километр. Через несколько часов вошли в устье реки Темо и, поднявшись по ней километров на 5, завидели город, вытянувшийся по обоим берегам реки. В центре города реку пересекал каменный мост, выходящий как раз к собору. У моста и приткнули лодки анчийцы. Городок состоял из разноцветных, но однотипных каменных домиков высотой в 3–4 этажа, накрытых уплощенными крышами из красной черепицы. "Немецкие городки повеселее будут — констатировал привередливый Сашка. — А собор вообще низенький и простенький — как туда такая прорва людей войдет?"

По улицам к собору, действительно, шли непрерывные вереницы принаряженных горожан, а также окрестных селян. Присоединились к ним и анчийцы, которых теперь показалось совсем немного. Однако собор города Боза имел секрет: невеликий снаружи, он оказался внутри довольно просторным, вместив всех своих прихожан. Сесть анчийцам на скамьи, конечно, не удалось, но места стоячие им достались не у самого выхода. Гвидо встал рядом с Паолой, которая была одета в праздничный сардинский наряд: темная юбка в сборку до пят, белая рубашка с длинными рукавами, красный вязаный жилетик символических

размеров, белый платок на голове, а на ногах — деревянные башмачки. Наряд вполне стандартный, но выглядела она как пава, так что многие мужчины и парни на нее поглядывали. Сашка встал сзади хозяев, а Розину (наряд которой копировал одежду матери) поставили впереди Паолы. Она тотчас стала вертеться, пытаясь разглядеть, что делается у алтаря, и Сашка проявил инициативу: взял ее на руки. Девочка, получившая великолепный обзор да еще мягкое место, совершенно успокоилась и прикорнула к груди добросердечного великана. От Паолы Сашка тоже удостоился благодарного взгляда, а от Гвидо опять мрачного.

О мессе распространяться вряд ли стоит: попы лицедействуют везде одинаково. Единственной неожиданностью для Сашки оказалось осыпанье прихожан из-под купола лепестками роз. Наконец, отзвучали последние торжественные речи и завывания, и ревностные католики потянулись к выходу, кропя себя и своих близких святой водой из стоящей перед выходом чаши. Вдруг руки Сашки коснулись мокрые пальцы — то Паола явила ему свою приязнь. Он растерялся и, вместо ответного кропления, ей поклонился. Она улыбнулась и тоже чуть склонила голову.

После мессы анчийцы дружно поспешили в давно облюбованную тратторию: выпить вина и смачно пообедать. Гвидо вдруг оставил общество Паолы и подсел к компании, состоявшей из одних рыбаков. Паола же скорешилась с деревенскими товарками, но Алекса не забыла, потянув за собой. Сашка покосился на анчийских мужичков, с которыми ему уже доводилось перемолвливаться, но никто места за своим столом ему не предложил. "Горите вы синим пламенем! — обозлился Сашка. — Придется идти к бабам, по местным понятиям позориться".

В женской компании он, как мы знаем, никогда не терялся: в этот раз ему не хватало слов, но он успешно компенсировал их жестами, ужимками и смехом. Бабенки стали все чаще шутить именно с ним, а потом потрагивать, поглаживать, ухватывать — так что Паола начала всерьез сердиться на его излишнюю веселость. (Когда пришла пора расчета с хозяевами, Сашка осознал, что денег-то у него нет, но Паола за него заплатила).

Вдруг компания, где сидел Гвидо, начала дружно петь какую-то протяжную песню ("в грузинском стиле" — оценил Сашка). Песня была, видимо, любимой, так как у некоторых певцов из глаз показались слезы. Женщины слушали молча и бесстрастно. Закончив одну песню, мужички запели вторую, столь же заунывную. Потом третью.... Хозяин шепнул что-то своему пареньку, тот исчез, но вскоре появился в зале вместе с высоким усачем, в руках которого была гитара! Подождав, когда рыбаки закончат песню, он сделал беглый перебор и запел высоким голосом:

— *Il sola splende sopra il mare di sardegna* (Солнце сияет над морем сардинским)
E la mia anima vola verso te (А моя душа летит к тебе)....

Женщины при первых звуках песни оживились и тоже дружно стали подпевать; мужички же посмурились ("Ну, бляха муха, матриархат попер на патриархат! Что-то будет?" — улыбнулся в душе Сашка). А усач пел, нанизывая одну высокую ноту на другую и проливая, видимо, бальзам на души угнетенных женщин. Закончив одну песню, он сразу запел "*O sole mio*", которую женщины тоже с удовольствием подпевали. Потом пришел черед третьей, столь же сладкой.... "А не похулиганить ли мне? — загорелась вдруг душа у Сашки. — Сбавать про калмыка, Челентано? В школе на выпускном мы с пацанами ее лихо исполнили! И слова я еще вполне помню.... Тем более, что они в ней нейтральные и подойдут даже для этого времени. Попробую — если усач даст гитару".

Улучив момент, он подошел к певцу и на примитивном итальяно попросил дать сыграть одну песню. "Уно, понимаешь? Уно!". Тот посмотрел на него с сомнением, помялся, но все же дал. Сашка прошелся по струнам ("Слава богу, перестраивать не надо!") и ударил по ним всеми пальцами, порождая неведомый здесь пока бодрый ритм. Закончив играть квадрат, он запел, глядя прямо на Паолу:

— Mi sembra la figlia (Ты будто бы доча)
Di un capo cosaco (Козаков атамана)
Con quegli stivali (В таких сапогах)
E quell nero Colbacco (И в черной ушанке)
Ай-яй-яй, ая-яй-яй-яй, ая-я-яй!
Chi un que ti guarda (Тебя кто рассмотрит)
Rimane di stucco (Как стукнутый будет)
Ed ogni ragazzo (И каждый подросток)
Si sente un calmusso (Калмыком себя видит)
Ай-яй-яй, ая-яй-яй-яй, ая-я-яй!
Tutta la gente si gira, si gira (Люди к тебе повернутся, вернутся)
Quando ti vede passar, passar (Когда ты меж ними идешь, идешь)
Non sente piu che ce freddo, ce freddo (Не чувствуют холода, холода)
E resta ferma a guardar (И замирают, глядя на тебя)
Sei alta sei bruna (Ты высока, ты брюнетка)
Sei proprio uno spracco (Ты просто взрыв)
Con quegli stivali (В этих сапогах)
E quell nero colbacco! (И в этой черной шапке!)
Ай-яй-яй, ая-яй-яй-яй, ая-я-яй

И вновь заиграл залихватский проигрыш, сначала притопывая ногами, а потом изобразив натуральную пляску с криками и свистом, под которую все в таверне стали ему хлопать.

Закончив номер, он подал с поклоном гитару хозяину, но женщины вдруг запротестовали и стали просить исполнить что-нибудь еще. Сашка посмотрел вопросительно на певца и тот нехотя кивнул. Тогда он запел вторую песню из репертуара Челентано, "Соно Италияно", которую обычно исполнял в паре с "Калмыцкой": — Лашате ми кантаре, кон ла гитарра н, мано.... Запел и пожалел, вспомнив, что там полно понятий, в этом веке не существующих. Может, спишут на его плохое произношение и акцент? Слушали ее тоже хорошо (а где, когда слушали плохо?), тем более что раздумчивая ткань песни хорошо ложилась на меланхоличный нрав местных жителей. Потом долго хлопали и просили новых песен, но тут Сашка уперся твердо, отдал инструмент и уселся рядом с Паолой. Она посмотрела на него вдохновенными, блестящими глазами и тайком пожала запястье.

Вернулись жители Анцио в свой поселок уже в густых сумерках. От ужина Сашка отказался и пошел спать. Некоторое время ворочался, мечтая о Паоле, но потом уверил себя, что она ему вновь приснится и, как по приказу, заснул. Через некоторое время вожденная женщина скользнула в его объятья.

— Паола.... - нежно произнес Сашка. — Ты появилась, как я просил. Жаль, что только во сне....

— Perche durante il sonno? — произнес рядом еще более нежный женский голос. — Io dal

vivo, tocca a te (Почему во сне? Я живая, потрогай меня).

— Ты здесь? Мамма мия, божественная донна, ты здесь! Дай мне твои labbra (губы)....
Мамма мия! Дай collo (шею).... И petto (груди).... И.... Che felicità!

Глава двадцать шестая. Снова новобранец

Как ни хоронились Паола и Сашка от взглядов Гвидо утром следующего дня, многоопытный мэн быстро распознал их тайну и набычился. Внезапно он прекратил сборы на очередной лов и целенаправленно пошел к дому перекупщика. Потом вернулся, сел молча в лодку и поплыл в сторону Бозы. Прелюбодеи посидели некоторое время в тревоге, но потом их взгляды вновь потеплели, руки сплелись, и они пошли бок о бок в такой уютный сарайчик....

Гвидо вернулся после обеда и не один: в лодке сидели два вояки с ружьями, причем один с какими-то знаками отличия. Сашка и Паола сидели в это время на берегу и продолжали чинить сеть, попутно разговаривая. Сержант(?) ловко выпрыгнул из лодки на берег, наставил на Сашку ружье и сказал:

— Ты — дезертир! Бруно, вяжи его!

Второй вояка вылез из лодки неловко, положил ружье на банку лодки и почапал к "дезертиру", снимая с пояса моток веревки.

— "Повязать их что ли? — стал лихорадочно соображать Сашка. — Ухватить увальня, крутнуть и бросить в ловкача-сержанта, затем вырвать ружье, ткнуть того и другого стволом в мошонки, повязать, добавить к ним в компанию Гвидо и валить на лодке в море.... Взять с собой Паолу? А дети? Вот беда.... Черт с ними, пусть забирают, авось, выслужусь. Вот только Паола: измордует ее без меня этот Гвидо....

Через полчаса лодка вновь отплыла к Бозе, увозя связанного Алекса от безутешной Паолы.

В Бозе, оказывается, заканчивалось формирование батальона гренадеров, в который набирали самых рослых рекрутов из сел и городков Западной Сардинии. В него-то и сдал нежеланного работника предприимчивый рыбак, получив за него горстку скудо (а может всего лишь сольди?), а также вернув в крепостную зависимость Паолу. Если только она не пошлет его, наконец, в края далекие: маску-то волшебную Сашка ей оставил....

Казармы батальона располагались на северо-восточной окраине города, у подножья горы, на которой стоял древний замок Серравалле — ныне разваленный, пустой. Вокруг казарм и плаца был возведен каменный забор высотой в 2,5 м — чтоб не убегли рекруты.... Сашку в батальонном дворе, наконец, развязали, и он стал разминать затекшие больничные мышцы, поглядывая на забор. "Фигня делов, преодолим на раз: разбег, напрыгивание одной ногой на стену и толчок ею же, тело по инерции летит вперед и вверх, руки хватаются за край стены, выходят в положение упора, а вторая нога перебрасывается на верх забора — далее прыжок вниз, можно с переворотом". Потом поглядел на входные ворота с караулом из двух солдатиков ("Тоже не преграда...."), двухэтажные здания казарм с деревянными ставнями на окнах и вышагивающие по плацу под барабанный бой и звуки флейт роты ("Натуральный гусиный шаг: бьют по земле всей подошвой — и это в занюханной Сардинии?").

Тут "ловкий" унтер подвел у нему офицера (капитана?) — на вид натурального пруссака: высокого (но пониже Сашки), костистого, светловолосого, голубоглазого, с длинным прямым носом.

— Ecco questo recluta, signor capitano, — сказал унтер. — Ma non e italiano, un francese

(Вот этот рекрут. Но он не итальянец, а француз).

Офицер пристально взгляделся в бравого молодца и спросил:

— Quel est ton nom?

— Алекс де Мож, герр офицер, — четко ответил Сашка.

Офицер вскинул ко лбу брови и спросил еще:

— Sie Edelman und sprechen Deutsch? (Вы дворянин и говорите по-немецки?)

— Genau so, Herr Offizier. (Именно так, господин офицер)

Офицер подумал еще чуть и снова спросил:

— Sie dienten in der Armee und in welcher dienstgrad? (Вы служили в армии и в каком чине?)

— Im Rang eines Oberst, unter dem Kommand Marchall Richelieu (В ранге полковника, под командой маршала Ришелье).

Офицер снова вскинул брови, потом нахмурился и спросил:

— Sie dass, der Prinz des Blutes? Oder Bastard? Wie alt sind Sie? (Вы что, принц крови? Или бастард? Сколько Вам лет?)

— Ich bin 24 Jahre alt und ich war der Kommandant eines Regiments Jager (Мне 24 года и я был командиром полка егерей)

— Regiment Jager? Etwas neues, vor allem fur die französische Armee. Und was können Ihre Jaegers? (Полк егерей? Что-то новое, особенно для французской армии. И что умеют Ваши егеря?)

— Lassen Sie demonstrieren? (Позвольте продемонстрировать?) — спросил Сашка. Офицер пожал плечами и чуть кивнул. Сашка встряхнул руками и ногами ("Вроде в норме...."), повернулся к забору, прикинул разбег и побежал и прыгнул и перекинулся через забор, успев в последний момент от него оттолкнуться, завидев развал камней с той стороны забора. Потом выбрал удобное место для нового разбега и проделал тот же номер, оказавшись вновь в батальонном дворе. Совершил бегом 50-метровый рывок, но за 10 метров до офицера перешел на строевой шаг и отрапортовал по-немецки:

— Подобные препятствия умеют брать все егеря, а также метко стрелять, бросать гранаты дальше любого гренадера, выстоять против любого бойца и даже против всадника, вздыматься на крепостные стены и еще многое другое — но со специальными приспособлениями.

— Могут выстоять против любого бойца? И даже всадника? Интересно было бы посмотреть, — сказал с ноткой почтения офицер. — Но какие приспособления Вам для этого надо?

— Очень простые, которые я могу изготовить сам.

— То есть завтра Вы сможете нам показать другие свои умения?

— Вероятно, да, смогу. К кому мне обратиться за необходимыми материалами?

— К фенриху Брателли — он является квартирмейстером батальона — завершил разговор офицер. Потом повернулся к унтеру и сказал на итальянском:

— Поместите синьора де Мож где-нибудь отдельно от солдат. Сможете?

— Да, синьор капитан.

Глава двадцать седьмая. В поисках счастья

Демонстрация Сашке, слава богу, удалась (хотя нервишки у него играли: сам-то ведь давно егерские испытания не проходил!): и бойца страхолюдного и потом лошадь под всадником сумел спутать вытащенным из-за спины боло, стрельнул из шгущера, метнул ножи и кинул гранату привычно, зато на стене замка Серравалле, в щели которой забивал клинья и крючья и вешал страховочную веревку, страху натерпелся! Кроме того, он показал основы маскировки, умение лазать на крышу с помощью "кошки" и на деревья с помощью наскоро выкованных "когтей". А потом стал рассказывать офицерам и унтерам батальона, как егеря его полка воевали надавно на Менорке....

В итоге командир батальона майор Распони (крупный вальяжный седоватый брюнет лет 45) предложил Алексу де Мож занять пока пустующую вакансию лейтенанта и начать готовить первый плутонг егерей, отобрав кандидатов из всего батальона. Кузнец же и портные изготовят для них необходимые приспособления и одежды (Заказывать пули Минье и "димонки" Сашка пока поостерегся: как бы не украли идею да не передали Фридриху — например, этот пруссак. фон Лигниц). В ближайшей перспективе батальон перебазирован на север Сардинии, в Сассари, где объединится со вторым батальоном Гренадерского полка, а полк должен будет прибыть в Турин, на смотр королю Карлу Эммануэлю 3-му. Там и решится судьба Алекса де Мож: быть ему вновь командиром егерского полка, только в сардинской армии или нет.

Неделю спустя Сашка, не вылезавший с полигона, где учил своих рекрутов азам егерской службы, а по вечерам тосковавший по Паоле, переговорил с Распони, и тот дал ему день отпуска "для улаживания личных дел". Сашка нанял в Бозе лодку с парусом и мареманом и отправился в Анчио, волнуясь все более по мере приближения к поселку. Наконец, около полудня лодка ткнулась в берег напротив дома Гвидо. Сашка выскочил из лодки и с сильно бьющимся сердцем подошел к двери и постучал. Открыла ему Мария, которая, разумеется, не признала в красавце-офицере своего недавнего постояльца. Когда же недоразумение ее рассеялось, то Сашке было доложено, что Паола на следующее утро после похищения Алекса собрала свои немногочисленные пожитки в два мешка, связала их, перекинула через плечо, взяла за руки ребятишек и ушла по прибрежной тропе в сторону Бозы.

— В Бозу? Да ведь я сейчас как раз живу в Бозе! Вот дурак я, дурак! Нет, чтобы там людей поспрашивать.... Ничего, еще не поздно, я их отыщу!

— Ты влюбился в нее что ли, молодой господин? Она, конечно, красавица, недаром мой Микеле ее выбрал (Мир ему в морской пучине!), да и козел этот старый, Гвидо, голову потерял.... Но ведь простолюдинка она, к тому же нищая. Зачем тебе такая? За тебя теперь любая дворянка пойдет, а то и графиня....

— Я, в самом деле, не смогу взять ее в жены — вернее, не дадут взять мои начальники. Но и оставить ее без помощи не могу. А что касается сравнения Паолы с благородными дамами.... Поверьте, донна Мария, я был коротко знаком со многими из них и некоторых любил — так вот Паола ничуть им не уступит по тонкости чувств, а тем более благородству намерений. И еще она очень добра — качество, которое лично я ценю в женщинах все больше по мере жизни. Спасибо Вам, донна Мария за то, что поддержали меня в трудную пору. Пусть другая Мария, мать божья, даст Вам здоровья!

— И тебе здоровья и счастья, Алекс! А с Паолой оно будет или с другой женщиной — не так важно. Главное, что без женской любви счастья у мужчин не бывает. Иди с Богом!

На обратном пути Сашка внимательно оглядывал берег, приставая ко всем встречавшимся домишкам и поселкам. Во многих описываемую им женщину с двумя детьми почему-то не видели, но в двух поселках все же заметили: да, шла и даже поблизости ночевала — то ли под кустом, то ли под лодкой.... Говорить почти не говорила, отмалчивалась. От еды, впрочем, не отказывалась, но кормила ей детей. И пошла дальше, горемычная. Последний поселок, где ее видели, был уже вблизи устья реки Темо, причем было это 3 дня назад....

Для верности Сашка миновал устье реки и провел опрос в следующем, довольно большом поселке — но никто Паолы тут не видел. Тогда он с возросшей надеждой вернулся к устью и стал подниматься вверх по реке, к городу. Провел опрос жителей западной окраины и один из них подтвердил: шла беженка с мешками и детьми, а куда девалась, не знаю. По наитию он высадился возле "той самой" трагтории и вдруг увидел в стойке играющих возле нее ребятишек Розину, а потом и Джованни! "Слава богу, нашлись...." — отлегло у него от сердца, и он пошел скорым шагом к ним, улыбаясь.

— Алекс! — враз опознала его Розина, несмотря на офицерский камуфляж. — Ты стал такой важный! А мама пошла к тебе, в казармы!

— А где твое ружье? — перебил ее Джованни. — Все солдаты с ружьями должны быть.... Ты, значит, не настоящий солдат?

— Я его в казарме оставил, чтобы вас не испугать. Розина, а давно мама ушла?

— Да она уже должна вернуться: в трагторию скоро люди будут приходить, чтобы наесться, напиться и песни попеть, а мама их будет обслуживать. А то хозяин нас выгонит....

— Выгонит и без ужина оставит, — добавил Джованни. — А есть уже так хочется....

— Пойдемте в трагторию: я поговорю с хозяином, и он вас накормит вкусным ужином.

— Я маму буду дожидаться, — мотнула головой Розина.

— Розина! — воскликнул братик. — Ты дура? Мама и так придет, зачем нам ее ждать?

— Это ты дурак! Иди, ешь свою лазанью!

— И пойду! Пойдем, Алекс....

— Подождите меня, я сейчас вернусь, — сказал Сашка и пошел рассчитывать с мареманом. А когда повернулся к трагтории, то увидел идущую к ней Паолу! Он побежал к ней навстречу, она отшатнулась, но все же узнала своего Алекса и бросилась к нему на грудь, тычась уже мокрым от явившихся слез лицом в шею и губы....

Тем же вечером, после вкусного ужина в трагтории, Сашка привел Паолу и детей в свою квартиру на первом этаже офицерского общежития. Умиротворенные дети вскоре уснули, а Сашка и Паола засыпать все не хотели и не хотели, перемежая молчаливые страстные ласки счастливым шепчущим лепетом.

Глава двадцать восьмая. Дебют Турина

В начале сентября 1756 г. Сардинский гренадерский полк высадился в генуэзском порту и, не задерживаясь в Генуе (по тривиальной причине — в казармах местной воинской части для солдат полка не нашлось места), начал марш на Турин. Впрочем, скоро остановились ночевать на опушке подходящей рощи. Плутонг лейтенанта де Мож установил палатки в числе первых, углубившись в саму рощу. Лейтенанту, само собой, поставили отдельную палатку, тем более, что он был обременен семьей. Паола воспринимала превратности жизни с "олимпийским" спокойствием, хотя была уже на 4-ом месяце беременности, а Розина и Джованни — как очередное восхитительное приключение.

Сашка в эту ночь вновь задумался: стоит ли ему оставаться в сардинской армии? Дезертировать из нее сейчас было проще простого: Генуя под боком, жалованье за 4 месяца накопилось, найти в ней морячка, готового отвезти гражданскую семью в Тулон, тоже не проблема. А там на перекладных в Версаль, в полк "своих" егерей, под покровительство Ришелье и Жанны.... Ну, а показушные учения его плутонга майор Распони и сам с удовольствием устроит.... Но какая-то мысль в голове брезжила и не пускала в бега.

Он покопался в своих исторических знаниях и вспомнил, что очень боевитый король Карл Эммануэль, мечтавший оттяпать у соседей то одну провинцию, то другую, в Семилетнюю войну так и не ввязался — хотя эмиссары Франции, Австрии и Пруссии к нему подкатывали с няшными предложениями. А не сделать ли такое предложение теперь мне? На основе необыкновенного повышения боеспособности его войск? Глядишь, на 100 лет раньше своего потомка, Виктора-Эммануила, объединит итальянские государства.... Достойная задача для попаданца. Правда, североитальянские государства сейчас находятся под властью императора Священной Римской империи, то есть разлюбезной Марии-Терезии. Но если обещать ей военную помощь мощной сардинской армии в обмен на герцогство Миланское (а ей достанется в итоге Силезия), то сделка может состояться. Попробую, пожалуй. Только действовать надо быстро — Фридрих уже напал на Саксонию, что мы узнали из генуэзских газет. Но быстрой победы в этот раз, вроде бы, не случилось....

— Сашенька, ты почему не спишь? — прошелестел в тишине голос Паолы.

— Тебя, душа моя, дожидаюсь, — заулыбался Сашка, лежавший на собственных нарах, в то время как Паола расположилась с детьми на соседних. — Придешь?

— А ты обещаешь потом уснуть?

— Если ты меня всех, всех, всех сил лишишь....

— Не пойду. Судя по голосу, сил у тебя накопилось много, не стоит и пытаться....

— Знаешь, и правда. А в море я опять этих сил лишился....

— Да не только "этих", — хихикнула Паола. — Ты и ходить-то не мог, только ползал. А сейчас, значит, ожил?

— Да, Паолочка, да, — с жаром зашептал Сашка. — Лежу, ворочаюсь, думаю только о тебе: какие у тебя лукавые сейчас глаза, нежные щечки, пухлые губки, лилейная шея, атласные плечи....

— Прекрати, не продолжай!

— Буду продолжать, ибо не могу не продолжать: все твои прелести видны сейчас моему мысленному взору. Вот изящные пальчики на необыкновенно маленьких ступнях — такие ступни даже капризным китайским мандаринам пришлось бы по нраву. Вот щиколотки —

узкие, точеные, которые выдают твое происхождение от какого-то аристократа (хотя бы и в 3-м поколении). А вот икры.... Ах, какие ровные, длинные, полные у тебя икры! Я так люблю их погладить, потискать и снова погладить, чтобы потом перейти под коленки, в ямочки нежные, трепетные, которые можно только зацеловывать.... Ой, ты все же пришла, Паолочка? Без всяких условий и без сроков? Какая ты умница! На чем я там остановился, на коленочках? К ним мы скоро вернемся, а пока дай губы свои нежные, давно-давно нецелованные....

В Турине прибытие полка гренадеров, напротив, ожидалось и потому их разместили с удобствами: в замке Валентино, на левом берегу реки По, который в данный момент никем не использовался. Сашка по ассоциации сразу вспомнил святого Валентина, покровителя влюбленных, — и оказалось, что не зря: мощи именно этого святого хранились в расположенной рядом с замком церкви! На замок это большое 2-х этажное П-образное здание было похоже только с тыльной, береговой части (выступы, башенки, красный кирпич), с фасада же это был типичный барочный дворец во французском стиле: белый, воздушный, с обилием больших окон. Полторы тысячи человек в нем вполне поместились, причем офицеры заняли по комнате, а то и две во втором этаже одного крыла. Нашлась просторная комната и для Сашкиного семейства.

Перед фасадом замка имелся обширный парк, вытянувшийся вдоль реки на 2 км, в котором можно было организовать полковые занятия — без фанатизма, конечно. Реальный полигон (со стрельбами и метанием гранат) можно было подыскать на правой, слабо заселенной стороне реки. Уже на следующее утро Сашка вывел свой особый плутонг на физподготовку: пробежку 3 км, борьбу в парах, метания ножей, лазание по деревьям, маскировка и снова борьба.... После обеда егеря пошли к тыловой части замка — отрабатывать подъем на стену и крышу различными способами, в том числе забеганием с помощью длинного бревна.... Завершили день массовым купанием в холоднющей горной воде (градусов 12?) с последующим энергичным растиранием всех частей тела. Прочие солдаты полка занимались, в основном, шагистикой. Так прошло несколько дней. За это время начальники подыскали все-таки настоящий полигон напротив Турина и выделили спецгруппу для его оборудования. В нее целиком вошел и плутонг лейтенанта де Мож.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Работы по оборудованию полигона были в стадии завершения, когда из Турина прискакал курьер с требованием все закончить к следующему дню, ибо "Король с генералами прибывает! Смотр должен пройти гладко!". Ну, форсировали, сделав кое-что на "тяп-ляп" — не без этого. С утра взялись доделывать, а к полудню стали подходить гренадерские роты. Когда на полигон втянулся арьергард, а за ним отцы-командиры, начались минуты, а потом часы ожидания....

Король со своими присными явился, разумеется, после обеда. Тотчас барабанщики полка разразились бравурным горохом звуков, и 1700 рослых вояк вытянулись во фронт, поедая глазами группу пышно разодетых франтов, определить среди которых короля было задачей нетривиальной. Сашка, впрочем, вспомнил, что Карл Эммануэль имел прозвище Карлито, выхватил взглядом единственную низкорослую фигурку и осознал: это король. Так неспешно и властно оглядывал он первую шеренгу гренадеров, начав с правого фланга, где стояли, соответственно, самые высокорослые новобранцы. Наконец, его цепкий взгляд добрался до фланга левого, то есть плутонга егерей (из опыта Сашка уже знал, что наиболее

ловкие егери получают из низкорослых парней), и наполнился недоумением: что за маломерки в маскарадных одежках? Один командир похож на гренадера, а прочие — на гренадеришек! Впрочем, через мгновение король отвернулся.

Начали смотреть, конечно, с шагистики: рота за ротой по-гусиному шлепала подошвами перед расположившимися на скамьях аристократами. Прошли и егеря, ничуть не хуже прочих. Потом стали показывать стрельбу залпами (с осмотром мишеней аристократами)... Потом бросание гранат (новый осмотр)... Потом штыковая атака. И все. Плутонг егерей в этой вакханалии не участвовал, стоя в сторонке — что не осталось незамеченным бдительным королем. Он подозвал командира гренадеров, полковника де Шаллана, и кивнул в сторону егерей. Полковник что-то ему сказал, король еще раз поглядел на "ряженных" и продолжил инспектировать основное войско. А после обновления мишеней настала пора егерей.

— Плутонг! — скомандовал Сашка. — На позицию дальней стрельбы бегом марш!

Глава двадцать девятая. Решающая аудиенция

Карл Эммануэль 3-й давно не испытывал такого подъема чувств. "Что за чудо-бойцы эти егеря! Будь у меня такой плутонг в 1733 г при осаде Милана, город был бы, несомненно, взят. А полк егерей в 1745 г позволил бы отразить французскую армию на Альпийских перевалах и на Лигурийском побережье. Но самое удивительное, что 3 месяца назад это были самые обыкновенные новобранцы, да еще из богом забытой Сардинии! То есть все это чудо сотворил один человек — лейтенант де Мож. Вернее, полковник де Мож, как мне подсказал маркиз де Лаваль, представитель Генерального штаба французской армии, который, оказывается, отличился с полком подобных егерей при взятии маршалом Ришелье крепостей Менорки. Маршал очень жалел о его гибели во время шторма, но Бог, получается, спас умелого молодца. Может быть, как раз для того, чтобы укрепить мою армию? Алекс де Мож уверяет, что может поготовить чудо-полк за 3–4 месяца. Но у него есть какое-то условие.... Наглец! Просто денег ему мало и он ставит королю условие! Ладно, послушаю, может, и соглашусь, но зарубку на память сделаю...."

Сашка ждал аудиенции в Синем зале королевского дворца, оглядывая его от нечего делать. "Миленький зальчик, — было его заключение. — Обои в каких-то обильных синих цветах, двери светло-желтые резные, паркет темно-коричневый наборный, зеркала, камин, наборный потолок из перекрещивающихся светлых балок (в тон дверям), меж которыми вечные картины на религиозные темы, хрустальная люстра в 2 десятка свечей, стулья и диван обиты в тон обоям, — вроде все. Где же бродит этот Карл Эммануэль?"

Столь беспардонный зов тотчас возымел последствие, не вполне ожидаемое посетителем: одна из дверей открылась, и в зал вошли 3 человека: король, дородный брюнет лет 50-ти и долговязый юноша лет 15-16-ти, который показался Сашке смутно знакомым.

— Герр Алекс? — направился к нему с улыбкой этот юниор. — Вы меня не помните? Как учили игре на бильярде у дяди Франсуа?

"Точно! — вспомнил Сашка. — Был такой пацаненок в гостях у императора Франца. Кажется, его звали Бенедикт...." И заулыбался в ответ:

— Бенедикт! Вы очень подросли за эти два года! Вероятно, стали мастером бильярда?

— Нет, герр Алекс: здесь ведь нет "того" бильярда и "тех" киев, что Вы нам смастерили, — ответил юноша и продолжил, повернувшись к королю:

— Отец, перед Вами — Алекс Чихачев, инженер из Российской империи. Дядя Франсуа остался о нем очень высокого мнения, равно как и императрица Мария-Терезия, а также ее дочери....

— Алекс Чихачев? Из России? — удивился и нахмурился король. — Что это значит, мсье де Мож?

— Я в самом деле русский дворянин, из городка Можайск — поэтому, попав по воле судьбы во Францию, представился как шевалье де Мож. Инженерные занятия мне пришлось поменять на карьеру военного — в итоге стал полковником лесных стрелков, егерей. А потом пошел воевать с англичанами....

— Какого рода были эти инженерные занятия? Фортификация? — быстро спросил король.

— Нет, только обустройство быта: водопровод, канализация, отопление. Бенедикт может, вероятно, подтвердить....

— Да, отец, так и есть. Но что это за благоустройства! Герр Чихачев оборудовал весь дворец Шенбрунн прекрасным отоплением посредством горячей воды, пущенной по трубам и каким-то батареям. Никаких больше печей, одни незаметные глазу трубы!

— Хм, а мой дворец Вы можете обеспечить теплом, мсье де Мож?

— Вероятно, да. Если у Вас, сир, найдется толковый архитектор и умелые рабочие. Вряд ли у меня будет много времени, чтобы непосредственно тянуть трубы из зала в зал — если Вы не передумали создавать егерский полк.

— Не передумал. Но что за условие Вы хотите мне предъявить?

— Сир! — с ноткой укоризны произнес Сашка. — Я не предъявляю, а лишь прошу совместить полезное с приятным. Приятное — это союз с величайшей империей Европы, который можно закрепить Вашим браком с одной из дочерей Марии-Терезии. А полезное — приобретение герцогства Миланского мирным путем, в качестве свадебного подарка и благодарности за помощь в борьбе с заклятым врагом империи, Фридрихом Прусским.

— После смерти моей любимой жены Терезы-Элизабет я поклялся больше не жениться, — глухо произнес Карл.

— Простите, Ваше Величество. А что скажет Бенедикт, если Вы предложите жениться ему? Он ведь хорошо знаком с дочерьми Марии-Терезии....

— Бенедикт? Хм, а действительно, что ты скажешь, мой мальчик? Их там три в подходящем возрасте.... Которая кажется тебе самой красивой?

— Анна, — сказал, опустив голову, Бенедикт. — Только она недавно родила, девочку....

— Родила? Без мужа?

— Об этом мало кто знает....

— Но ты узнал. Видимо, она очень тебе понравилась?

— Ну.... Кристина и Элизабет тоже милые девушки.

— От кого же родила принцесса Анна?

Бенедикт, к удивлению отца, остался молчать.

— Бенедикт! Что значит твое молчание?

— Я не знаю, отец. Этого никто не знает....

У Сашки отлегло от сердца — он ведь уже собирался признаться в преступном адюльтере.

— Удивительно, — хмыкнул король. — Богино, и Вы не знаете?

— Нет, сир, — ответил третий персонаж. — Но я могу узнать.

— Не стоит. Марии-Терезии, моей будущей сватье, это может не понравиться. Или ты, Бенедикт, не хочешь жениться на дочери императрицы?

— Хочу, — твердо сказал сын. — Хоть завтра. И лучше тогда на Кристине — Элизабет вредная очень. Да и малявка еще.

— Ха-ха-ха, — рассмеялся король. — Нет, сын, завтра не получится. Но сговориться надо уже сейчас — вдруг кто из других монархов невесту перехватит? Богино, сегодня же переговоры с посланником империи на эту тему. Впрочем, я сам с ним должен поговорить, поскольку свадьба будет лишь прологом к военному союзу. Теперь Вы довольны, полковник де Мож?

— Ваше Величество! Вы самый реактивный из всех знакомых мне монархов. Я создам для Вас лучший егерский полк в Европе!

— Самый реактивный? Что это за определение?

— Самый стремительный, самый быстродумающий, сир. Ришелье очень высоко

оценивал при мне Ваш талант полководца, применяя именно этот эпитет.

— Ришелье — толковый полководец. Это он сумел отбить наше наступление на Тулон в 1746 году и гнал потом до Ассиетты, где мой Себастиано со своими гренадерами уперся и принес нам долгожданную победу.

Тут король повернулся к сыну и сказал:

— Бенедикт, теперь я тебя отпускаю. У меня с мсье де Мож будет приватный разговор.

Глава тридцатая. Три принцессы

Вторым следствием фавора Алекса де Мож у короля Сардинии (первым стало присвоение звания полковника) стало переселение в особняк (2 этажа, 8 комнат), расположенный, правда за пределами города, в предместье на правом берегу реки По, близ единственного моста, зато недалеко от полигона, где преимущественно предстояло проводить время личному составу формирующегося егерского полка — и его полковнику, конечно. Паола ходила из комнаты в комнату с восторженным выражением лица, а Сашка, следуя за ней, прикидывал, как можно оборудовать отопление, водопровод, ванную и туалет с канализацией. Не самому, конечно, а той же бригаде рабочих, что станет преобразовывать королевский дворец. В свободное, так сказать, время.

Было и третье следствие этого фавора, которого, на взгляд Сашки, лучше бы не было: он получил право (и одновременно обязанность) бывать на приемах короля. На которых придворные откровенно пялились на новый персонаж сардинского двора, пытаясь сообразить, надолго ли этот пришелец к ним пожаловал. Некоторые с ним заговаривали, но Сашка, видя их неискренность, отделялся общими фразами.

Иным было внимание к нему придворных женщин, высоко оценивших его мужские достоинства. Дамы в возрасте прикидывали, в чьей постели вскоре окажется этот бравый молодец, а молодые вольно или невольно напряжинивали походку, повели ягодицами и поднимали руки к волосам, обозначая рельефнее груди, когда оказывались в поле его зрения. В числе этих соблазнительниц оказались на беду Сашки (так решила его чуйка) и три перезрелые королевские дочери: Элеонора (28 лет), Луиза (27) и Фелицита (26). Были они вполне милостивы (особенно Элеонора, чей точеный античный профиль и голубовато-серые вопрошающие глаза тронули сердце искушенного ловеласа), но имели отцовское, сублильное сложение — малявки же были не в Сашкином вкусе. Хотя была ведь в его жизни Милочка.... Но Паола: ее нельзя, нельзя обижать....

Быть может, Сашке удалось бы избегать общества королевских дочерей, (уделяя львиную долю времени подготовке егерей, с которой, впрочем, вполне справлялись его сержанты), но все тот же Бенедикт явно понарасказывал принцессам баек о невероятном эротизме Алекса, сумевшем обаять одну из венских принцесс, которая из-за него даже пыталась покончить с собой — иначе трудно объяснить ту настойчивость, с которой сестры стали вовлекать его в свои развлечения. То они разучивали пьесу возрожденного из небытия композитора Вивальди, в которой партию флейты непременно должен исполнять Алекс де Мож; то устраивали танцы с включением новомодных вальсов, в которых Алекс просто бесподобен; то галопировали в королевском парке на лошадях, позволяя снять себя с них именно статному полковнику; то настаивали на его участии в игре в волан, которую он модифицировал, заменив деревянные биты ракетками из воловьих жил.... Признаться, вращение в обществе принцесс было выбрано Сашкой отчасти сознательно — во избежание вращающихся среди женщин менее высокопоставленных и неизбежно доступных (по крайней мере, для французского дворянина, фаворита короля). К тому же принцесс три и они почти ровесницы, им трудно будет уступить друг другу одного мужчину, который со всеми одинаково ласков. Плохо он знал эту троицу....

Перешагнув порог двадцатипятилетия, принцессы Сардинии осознали, что их шансы выйти замуж за венценосного мужчину приравнялись к нулю. Хотя в пору расцвета

девичества Элеоноры и Луизы (в 15–16 лет) их прочили по очереди в жены сыну Людовика 15-го (в итоге он женился на испанской инфанте). Теперь их ждало неизбежное пребывание в монастыре, хоть и в роли аббатис (аббатисы, впрочем, могли значительную часть времени проводить вне монастыря, среди людей светских). Какое жизненное разочарование! Они готовили себя к роли возлюбленных, к мужским ласкам, а оказались мужчинам не нужны. И это при том, что придворных мужчин вокруг них полно и многие из них окидывают их восхищенными или даже вожделенными взглядами! Так не сорвать ли им цветы эротических удовольствий, пока они еще в пределах их досягаемости?

Наиболее предприимчивой дамой в расстановке сетей флирта оказалась старшая принцесса, Элеонора. В ней "разгорелся" вдруг охотничий азарт, и она упросила отца взять ее на осеннюю охоту в окрестности городка Аосты, где в замке Сарр кучковалась высокородная охотничья братия. Разумеется, среди охотников был и граф N, с которым она успела обменяться в дворцовых переходах жаркими взглядами. В итоге граф на охоте отличался не слишком, зато по ночам с большим пылом ввергал принцессу в пучину плотских страстей. Как блестели глаза, дрожали губы и сладко екали какие-то внутренности у Кристины и Фелициты, когда они слушали рассказы Элеоноры о пережитых ею страстях! В итоге на весеннюю утиную охоту, в Ступиниджи, они поехали втроем — и угадали: граф N провел первую ночь с Элеонорой, во вторую к ним присоединилась Кристина, а в третью добавилась Фелицита, с которой граф был особенно мил. На этом скоротечная охота завершилась, но воспоминания о пережитых эмоциях принцессы перебирали еще долго.

Кульминацией их романа с графом N стала очередная осенняя охота в Сарре, когда он ласкал их то по одиночке, то а *quarto* — откуда только силы черпал... При этом ни одному своему приятелю этот уникальный граф о приключении с принцессами, видимо, не проговорился — иначе весь двор гудел бы от пересудов. Но все хорошее когда-то кончается: небогатому графу N предложили невесту с большим поместьем в Кальяри (!), куда он и уехал — управлять свалившимся богатством своей рукой. Принцессы погоревали, но через некоторое время стали приглядываться к окружающим дворянам: не найдется ли среди них еще такой скрытый сладострастник? Тут их и огорошил Бенедикт своим рассказом о таинственном совратителе принцесс Алексе Чихачеве де Мож....

Меж тем явился октябрь — основной месяц для королевской охоты. Карл Эммануэль и его неизменные товарищи по охотничьим забавам собрались быстро, но с ними пожелала отправиться группа придворных, в том числе и женщины, возглавляемые тремя принцессами. Сашка в этот вояж вовсе не собирался, но вдруг король лично его оповестил:

— Хочу посмотреть, какой из Вас охотник, мсье главный егерь.

— А как же подготовка полка? — заикнулся было Сашка.

— Вы знаете, каково главное качество монарха? — спросил с ухмылкой король. — Умение организовать дело руками подчиненных. В своем полку Вы тоже монарх: организуйте же своих заместителей. Вернетесь с охоты — спросите с них по всей строгости.

Попав в долину Аосты, Сашка, восседавший как и все в королевской кавалькаде, на коне, вскоре переменил свое мнение о поездке на охоту: ради той красоты, что разворачивалась сейчас перед его глазами, стоило забыть обо всех проблемах этого мира. Лесистые горные склоны долины были расцвечены всеми цветами осени: желтыми, бурыми, красными и еще зелеными. Вода в весело бегущей по камням реке оказалась синяя-синяя, грунтовая дорога, утопанная и укатанная людьми за два тысячелетия, ровная и вела она от

одного живописнейшего замка к другому, потом к третьему, четвертому.... 120 замков выстроились в этой долине на протяжении 80 км — просто Диснейленд какой-то! В одном из этих замков (Шатильоне) они и переночевали — без особых удобств (по несколько дворян в комнате), но накормили хозяева вкусно. А наутро тот же пейзаж — только горы высоченные, заснеженные заметно придвинулись, и воздух стал похолоднее.

Наконец, показался городок Аоста: компактный, аккуратный, без архитектурных излишеств — только красочный замок посреди долины на скале, донжон которого увенчан надстройкой с четырьмя башенками по углам, да развалины древнеримских строений встречаются то тут, то там. В нем задерживаться не стали — замок Сарт располагался неподалеку, чуть выше по долине реки. Когда он показался ввиду, Сашка едва сдержал голос разочарования: замок выглядел как прямоугольный 2-х этажный дом с мансардами, над которым зачем-то возвели четырехугольную башню высотой метров в 10. "Как мы тут все разместимся-то?" — подумал он. Но потом получил в единоличное владение комнатку в мансарде, с теплой трубой в стене, и успокоился.

Во время ужина рядом с ним оказалась Элеонора — очень хорошенькая в своем мальчишковом охотничьем костюме. Сашка за ней, как положено, ухаживал, подкладывая на тарелку куски дичи, которые выглядели повкуснее, она же мило что-то щебетала (он не особенно прислушивался), а уходя, сунула в руку записку. "Вот зараза, — поморщился Сашка. — На свиданку ночью придется идти?". Оказалось, что никуда идти не надо. В записке были слова: "Я приду ночью. Не запирайте дверь".

Глава тридцать первая. Сашка согревальщик

Первая ночь в Сарре выдалась ненастной: в окна бились порывы ветра, приносящие заряды дождя со снежной крупой. Впрочем, печь топилась исправно, и в Сашкиной мансарде, освещенной одинокой свечой, было достаточно уютно. Он какое-то время посидел за столом на единственном стуле, но стал клевать носом, чертыхнулся, разделся догола и нырнул в постель, где скоро пригрелся и уснул. Правда, за эти годы, осложненные солдатской службой, в нем выработалась привычка спать чутко. Поэтому в момент, когда дверь в мансарду открылась, Сашка (спавший на спине) проснулся, но глаз не открыл, а чуть размежил, получив возможность наблюдать из-под ресниц передвижения ожидавшейся гостьи. Элеонора пришла в том же мужском костюме и шляпе, скрывшей локоны. Осознав, что ее потенциальный герой-любовник спит, она слегка нахмурилась, потерев губу, потом улыбнулась и стала быстро раздеваться. Оставшись в белой мужской рубашке до середины бедер, она скользнула к двери, заперла ее на засов, потом вернулась к столу и затушила свечу. А еще через пару мгновений ее тельце оказалось под одеялом и прильнуло к горячему от сна телу мужчины.

— Это Вы, мадмуазель? — спросил Сашка, нашарил ее ручки и засунул обе к себе под мышку. — Как вы озябли.... Отогревайтесь, прошу.

— Вы так любезны, мсье, — насмешливо молвила принцесса. — А как насчет того, чтобы согреть замерзшие губы девушки? Да и всю ее, от макушки до пят?

— Вы, может быть, не знаете, но этот способ отогревания способен увлечь нас на путь греха....

— Путь греха? На моей памяти Вы ни разу не заходили в церковь — и Вы говорите мне о грехе?

— Оставим тему греха, затронем другую: Вы хотите выйти замуж? Разумеется, за принца, весьма натурального?

— Все свободные принцы уже разобраны, кроме подростков. Вы хотите предложить мне тринадцатилетнего?

— Моему знакомому принцу 23 года, он хорош собой, простодушен, холост и однолюб: ему нравятся исключительно миниатюрные девушки с голубовато-серыми глазами — вот как у Вас.

— О ком Вы говорите? Или просто по-дурацки шутите?

— Я не осмелился бы так шутить с Вами, Элеонора. Это принц Саксонии Карл Кристиан де Веттин, с которым мне посчастливилось подружиться. Осмелюсь утверждать, что мое мнение о женщинах для него имеет силу рекомендации....

— Помню такого.... Он третий сын короля Польши и трона ему не видать....

— Он принц, а пути Господа неисповедимы. Шансы на трон всегда могут появиться....

— Так Вы для него авторитет? И готовы порекомендовать ему в жены меня?

— Мне Вы понравились, а ему понравится тем более.

— Не знаю.... Это так неожиданно. А когда Вы с ним можете увидеться?

— Он сейчас воюет в Саксонии. Мой полк после подготовки отправится туда же, тогда и встретимся. Для полного успеха предприятия предлагаю Вам отправиться со мной. Принц Вас увидит, тотчас влюбится и падет на колени просить руки....

— Боже, как в сказке! Ой, а я лежу здесь в Вашей постели и Вы ведь совсем голый!

Принцесса тотчас из постели выметнулась и стала впотьмах одеваться. Сашка предложил зажечь свечу, но она категорически не согласилась и вскоре ушла.

— Ну, ты и придурок, Александр Крылов! — хохотнул вслух Сашка. — Выпустил из рук голенькую бабенку! Рассказать кому — не поверят....

Утро порадовало охотников первым снежным покровом, на котором прекрасно отпечатывались следы, в том числе вожделенных оленей. Во дворе наперебой лаяли швейцарские собаки (их везли всю дорогу на телегах, в клетках), почуявшие снег и, значит, скорую добычу. После быстрого, но сытного завтрака все желающие поохотиться стали выводить своих коней во двор и грузить их оружием и теплой одеждой: при псовой охоте кабанов и оленей ищут и гонят на охотников собаки, а те сидят тихо в заранее распределенных местах и ждут возможности выстрелить. Сашка охотиться совсем не желал, но понимал, что отсиживаться в замке "низзя": авторитет упадет ниже плинтуса. С охотниками отправилось и несколько женщин, хотя принцессы предпочли остаться и обсудить без мужчин свои дела, "девичьи".

В двух километрах от замка группа охотников углубилась в хвойный лес: относительно густой, но изобилующий аккуратными полянками — скорее всего, искусственного происхождения. Охотники разделились на несколько группок, каждую из которых возглавили егеря и повели (уже без лошадей, которых стреножили на базовой поляне) от полянки к полянке, рассаживая на каждой по два охотника с противоположных сторон — для ее полного визуального и стрелкового перекрытия. При этом места для стрелков были оборудованы на деревянных помостах с лесенкой высотой по 3 метра, за стволом дерева с прореженными у помоста ветками. Дамскому угоднику Сашке в напарники досталась, конечно, женщина, кареглазая итальянка лет 35 — кажется, жена графа Новарина, которого в числе охотников почему-то не было. Он осмотрел ее ружье (с цевьем и прикладом из красного дерева, изукрашенного прихотливой резьбой, с позолоченными деталями замка), пулевой и пороховой припасы, попросил зарядить пулю в ствол и довольно хмыкнул: с ружьем она обращалась достаточно ловко. Потом оглядел ее одежду и тут нахмурился: шубейка из рыжей лисы была эффектна, но хлипковата, а цветные рисунчатые сапожки из сафьяна казались плохой защитой от длительного холода.

— Там у меня носки из козьего пуха, — успокоила напарника дама и заулыбалась: видимо, его забота показалась ей приятной.

— Вверх не стрелять, там я сижу, — напомнил Сашка суховато и пошел к своему насесту.

Сидеть в засаде этой парочке пришлось долго. Где-то в лесу охотничьи забавы, несомненно, происходили: то тут, то там лаяли собаки, через какое-то время послышались и выстрелы (обычно парные, реже многократные), но к данной полянке звери не выбегали.

— Мсье де Мож! — раздался вдруг голос графини. — Я ужасно замерзла.

"Началось! — констатировал предполагавшуюся ситуацию Сашка. — И как ее сейчас греть?"

Сам он тоже к этому времени подмерз, но не фатально. Прихватив все свое имущество, он пришел под насест напарницы и спросил:

— Спуститься сами сможете?

— Только без ружья — оно у меня из рук выпадает.

— Ну, спускайтесь.

Графиня нашарила сапогом одну перекладину лестницы, потом другую, вдруг подвернула ногу и полетела вниз. Сашка успел ее поймать, но не устоял на ногах и упал на снег спиной, удерживая женщину на себе и ощущая ее приятные мягкости. Какое-то мгновение они вглядывались друг в друга и она сказала:

— *Gratitudine* (Благодарю)

— *Grazia e favore, la contessa* (Сочтемся, графиня) — сказал с улыбкой Сашка, повалил мадам на бок, встал и кое-как поднял на ноги ее.

— Я не могу уже стоять, — сказала она вымученно.

— Тогда посидите, — предложил Сашка, снял с себя шубу (оставшись в камзоле и кафтане), положил ее на снег к лестнице, усадил даму на один край и укрыл ее ноги другим. — Сейчас я разожгу костер, и жизнь покажется нам краше.

Он привычно разыскал под сосной присыпанные снегом отпавшие сухие ветки, разломал их на ровные палки, обобрал с них рыжую хвою, сложил шалашик, подсыпал на хвою порошу и чиркнул кресалом по кремню — порох вспыхнул, костер занялся. Теперь осталось натаскать еще веток из-под соседних сосен для поддержания огня.

Наконец, он вернулся к женщине, снял с нее сапожки, пуховые носки и взял ступни в свои горячие уже руки

— Какие холодные, — подивился он, подержал, помял и погладил их, но потом пристроил пятками к костру — надежнее нагреются.

— У меня еще спина замерзла, — сказала графиня.

— В чем проблема, — сказал Сашка. — И ее согреем.

Он прицелился и уселся между дамой и краем шубы, прислоненным к лестнице, укрыв тем самым спину свою. Ну, а спина дамы оказалась прижатой к его горячей груди; кисти же ее попали в его руки, а бедра меж его бедер.... В итоге молодецкая кровь запульсировала: все сильнее и сильнее. Как вы думаете, долго ли дама продолжала оставаться холодной? В какой-то момент она откинула голову ему на грудь, открыв путь к своим губам, чем галантный согревальщик не преминул воспользоваться....

Глава тридцать вторая. Наглядные уроки

Каждую ночь за неделю пребывания в Сарре Аделаида ди Греси, графиня Новарина, проводила в объездах Алекса де Мож. Женщины их отряда быстро об этом прознали, мужчины, как водится, позже — но поскольку на людях оба прелюбодея держались совершенно бесстрастно, приличия были сочтены не нарушенными, и все сделали вид, что ничего не происходит. Впрочем, этому заговору молчания была более весомая причина: у графа Пьетро в результате брака с Аделаидой не появилось детей, и род его должен был пресечься. Если же графиня вдруг забеременеет и родит мальчика.... После охотничьего сезона прошлого года она уже беременела, но произошел выкидыш. Только человек жив надеждой: а вдруг в этот раз все получится?

Сашка о подоплеке страсти Адели, конечно, ничего не знал и привычно ощущал себя сексуальным магнитом, хотя иногда поражался: чего они все во мне такого находят? Еще ему досаждала мысль о том, что Паола как то узнает о его неверности и уйдет из его жизни (как ушли уже многие дамы и девушки) — но именно ее (а также Розину и Джованни) он не хотел от себя отпускать. Элеонора при встречах с ним всегда улыбалась, но сдержанно: типа, я Вас одобряю и я на Вас надеюсь. Зато Луиза и Фелицита улыбались совсем кисло: дескать, нас отринул, а сам....

Наконец, последний олень был препарирован, отдав голову с рогами для украшения стен, а тушу для улаживания утроб, и король объявил охоту завершённой. С каждым удачливым стрелком он выпил по бокалу вина, а Алексу де Мож сказал:

— Ваш прицел явно занижен: вместо груди оленя Вы попали в грудь женщины. Впрочем, хорошо, что хоть куда-то попали....

— Увы, — парировал Сашка (который дважды специально промахнулся по оленям, не желая губить их красоту), — я приучил себя целиться во врага. Но представить оленя в качестве врага не смог. А впрочем, в Саксонии я реабилитируюсь в Ваших глазах. Вы ведь сами поведете нас на пруссаков?

Еще не решил, — ответил Карл Эммануэль. — Решу по итогам смотра вашего полка и всей армии. Хотя победить такого сильного противника как Фридрих Прусский мне было бы лестно....

В свой дом Сашка входил с чувством вины, хотя изо всех сил уговаривал себя быть радушным и притом непроницаемым. Первыми ему навстречу выбежали Джованни и Розина, и уж им-то он был рад вполне искренне. Но когда в проеме двери показалась Паола, лицо его предало: глаза сами собой потупились, улыбка замерла на губах....

— Здравствуй, Паола, — выдавил он заготовленные слова. — Я так рад тебя видеть....

— Вижу, — сказала Паола. — Ты замерз? Ванна готова. Пойдем, я тебя намою....

В горячей воде, под мочалкой в руках Паолы, Сашка окончательно сдулся и покаялся в своей неверности, повторяя при этом фразу, давно ставшую для изменщиков классической: "Но люблю я только тебя!"

— Я верю, Саша, что ты меня любишь, — сказала с горчинкой в голосе Паола. — Но еще ты любишь, когда тебя любят другие женщины — и с этим ничего не поделаешь. Микеле был совсем другой: он никого не видел, кроме меня. Я была им избалована и возомнила себя королевой. В нашей же паре король — ты, Спасибо тебе, что ты позволяешь себя любить —

на большее я не рассчитываю.

— Нет, нет, Паола! — вскричал Сашка. — Признаюсь, я жил, перепархивая от женщины к женщине, и мне такой стиль жизни нравился. Но по дороге сюда я представил, что приезжаю — а вас в доме нет, совсем нет. На меня навалилась беспросветная тоска. Как же я обрадовался при виде вас! Нет, у мужчины должен быть свой дом и своя семья, дающая ему силы для дальнейшей борьбы в жестоком мире. Моя семья — это ты, Розина, Джованни и то маленькое существо, которое, надеюсь, скоро появится. Ты мне веришь?

— Ты всегда умел быть убедительным, Саша. Конечно, я тебе верю. Но верь и ты: если ты меня все-таки обидишь всерьез, я отправлюсь назад, в свое сардинское селенье и не вздумай туда приезжать — прогоню!

Наутро, испытывая довольство жизнью, Сашка отправился, наконец, в расположение своего полка, где его утреннее настроение стало по мере проверки готовности егерей к боям увядать. Все упражнения и приемы выполнялись рекрутами с ленцой, в порядке отбывания номера "для дяди". Сашка не выдержал и скомандовал построение полка на плацу. Пройдя вдоль ровных рядов егерей и внимательно вглядываясь в лица, он решил, что лица эти слишком бесстрастны.

— Солдаты!! — рявкнул он. — Я вами недоволен! Через 2–3 недели нашему полку предстоит совершить беспримерный марш-бросок в Саксонию. Да, да, на зиму глядя, через альпийский перевал и почти на 600 лиг! Все ли из вас пройдут этот путь? Поглядев сегодня на вас, я отвечу резко: далеко не все! Многие из вас физически не готовы! Более того, я утверждаю, что и в боях с гренадерами Пруссии вы можете дрогнуть — несмотря на все хитрые приемы, которые я вам показал. Возьмется ли кто-то из вас вступить со мной в единоборство? Есть желающие? Или мне назначить бойцов самому?

Из ротных шеренг нехотя вышло около 10 егерей: все на вид развитые, а некоторые просто могучие.

— Получить оружие и спецсредства! — скомандовал Сашка добровольцам и попросил сержанта — Дайте мне то же самое.

Через несколько минут он стоял на плацу со штуцером за спиной, лопаткой и ножом на боках, метательными ножами на груди, кольчужной перчаткой на левой руке и с боло в правой (подсумки с патронами и гранатами лежали у ног). Из группы добровольцев отделился самый могучий и двинулся к Сашке, уже раскручивая боло. Сашка тоже стал крутить боло над головой, внимательно отслеживая движения противника. Метнули ремни с камнями они практически одновременно, но Сашка успел еще махнуть сверху рукой и толкнуться ногами, отправляя себя в переднее сальто. В итоге боло противника пересекло пустоту, а боло полковника благополучно опутало ноги гиганта и повалило его наземь. Сашка вышел из сальто нечисто (попробуйте сделать оборот в воздухе с длинной железякой за спиной) и тоже повалился на бок, но вскочил и оказался возле увальня, сымитировав удар лопаткой по голове. Потом отошел на прежнее место, махнул группе рукой, приглашая следующего, и стал крутить боло.

Второй боец метнул боло издалека, с одного высокого вращения (на корпус), и тотчас бросился на землю в желании избежать встречного захлеста. Но Сашка метнул свой боло навстречу вражескому, вследствие чего они сцепились и упали на землю обезвреженными. Зато оставшийся на ногах полковник подскочил в три прыжка к начавшему подниматься егерю и после непродолжительной борьбы имитировал удар финкой.

Третий к боло решил не прибегать, а стал метать на бегу (метров с 20) ножи (тупые,

разумеется). Сашка заметил движение его правой руки к нагрудному карману, пустил боло в полет (боец ловко успел его перескочить), парировал первый нож перчаткой, второй уже саперной лопаткой и вновь перчаткой. Перед набегающим с лопаткой и ножом бойцом он качнулся назад и упал на спину, приняв корпус бойца на поднятые ноги и отправив его в полет через себя. Далее подскок к бойцу и имитация удара. Четвертого единоборца группа решила не выставлять.

Сашка, освободившись от снаряжения, вновь вышел перед строем полка и зычно сказал:

— Бойцы! Компаньерос! Прошу вас в оставшиеся дни резко усилить свои кондиции. От этого будет зависеть не только ваша жизнь, но и судьба Европы. Либо высокомерная Пруссия овладеет всеми ее центральными землями, а окраинные поставит в зависимость от своих корыстных желаний, либо мы в содружестве с такими же егерями Саксонии сумеем обезглавить ее руководство, положив тем самым конец войне. Я уверен, что эта задача нам по плечу. Но только если каждый из вас (повторяю, каждый!) сумеет стать непревзойденным умельцем, ловкачом, стрелком и рукопашником! Все поняли? Разойдись!

Глава тридцать третья. Как влюбить в себя сексуальную партнершу?

В начале ноября 1756 года Пьемонтский егерский полк начал марш-бросок из Турина в Прагу через Новару, Милан, Бергамо, Брешию, Пешьеру, Тренто, Больцано, перевал Бреннер Инсбрук, Куфшгайн, Зальцбург, Зеевальхен, Линц, Вулловиц, Будвайс (Будейовице), Табор и Бенешов. Сначала король Сардинии был против вступления в войну зимой ("Может у вас в России зимой и воюют, Алекс, но в Европе военные кампании начинаются весной, в апреле или мае"), но Сашка его уговорил: "Тем неожиданнее станет наш удар — основные силы Фридриха будут на зимних квартирах, и мы сможем не только отбить назад Дрезден, но даже очистить всю Саксонию. А перевал Бреннер в середине ноября еще вполне проходим. Быстрота, внезапность и воинское умение — вот наш ключ к победам".

В дополнение к штатному вооружению Сашка скрытно от короля и его соглядатаев (и шпионов короля Пруссии) заказал в кузницах Генуи крупную партию пуль Минье, а также партию "лимонок", за которой заехал в канун похода его каптенармус, пообещавший соединиться с полковым обозом в Новаре. До того в кузницах Турина Сашка изготовил рессоры для повозок полка и несколько — для королевских карет. Еще ранее он связался через Туринский банк с банками Парижа, Вены, Дрездена и Ганновера, из которых в банк Турина прислали документы, по которым Алекс де Мож Чихачев мог получить прибыль со своих счетов в этих банках. Денежка Сашке капнула очень приличная, часть которой он пустил на заказ в Генуе, часть положил на счет Паолы Картуччи, еще часть прихватил с собой, а наиболее значительную долю пустил в рост в банке Турина.

Полк двигался тем же порядком, что и в памятном марш-броске на Марсель: впереди на конях полковник и его штаб, затем ротные кухни, потом пешие ротные колонны с рыскающими на конях вперед и назад командирами рот и в арьергарде — обозные телеги под охраной блатного взвода егерей (ехали как баре на телегах). Меж этих телег двигались еще две изящные кареты, в одной из которых располагалась решительно настроенная принцесса Элеонора (с горничной, служанкой и парой телохранителей, не считая кучера), а в другой.... В другой, присоединившейся к полку в Новаре, ехала (к Сашкиному недоумению пополам с самодовольством) Адель ди Греси (!) со своими прислужницами и слугами. Она решила совершить паломничество в Зальцбург, поклониться мощам святого Руперта, помогающим при бесплодии. Под охраной полка и при участии полковника де Мож ее миссия могла завершиться успешно (увы, в Сарре зачать у нее не получилось!). Когда полк достиг западной окраины Милана и встал на ночлег вдоль одного из многочисленных каналов, предприимчивая графиня уехала на поиски приличного жилья для себя (все прочие, в том числе и Элеонора, разместились в палатках с печным отоплением) и через некоторое время прислала свою карету с факелом, слугой и запиской для полковника де Мож, в которой была одна фраза: "Умоляю, навестите меня". Полураздетый Сашка пожал плечами, вновь оделся, сел на коня и пустил его следом за каретой.

На другой день полк обошел Милан по дуге и двинулся в сторону Бергамо. Сашка, против обыкновения, ехал в обозе, в одной карете с Адель и Элеонорой (пересадив в другую слуг) — ибо Адель пожаловалась ночью, что днем ей скучно (не то, что ночью!), а Элеонора решительно к ее мнению присоединилась. И вот теперь Сашка, терпеливо прослушав двойной запас женских благоглупостей (как это типично для женщин: позвать мужчину,

чтобы он их развлекал и большую часть времени не давал ему сказать ни слова!), попросил разрешения рассказать одну романтическую историю, а вернее спеть. Дамы дружно удивились (он за все время знакомства с ними еще не пел) и заулыбались в предвкушении: все, что делал Алекс, было до сих пор замечательно. Он крикнул своего денщика и тот разыскал в обозе Сашкину гитару, купленную по случаю в Генуе и вот теперь дождавшуюся своего часа. Пальцы побежали по струнам и колкам, настраивая инструмент под голос, и построжевший лицом Алекс де Мож огласил окрестности вступительной песней оперы "Любовь через океан".....

С каким упоением отдавалась ему ночью в Бергамо Адель ди Греси! Сколько страстного шепота, самозабвенных стонов и счастливых слез явилось из ее внезапно влюбленного существа! Сашка сначала воспринимал эти явные знаки любви с удивлением, но потом искренние чувства Адели растопили его защитную оболочку и он сам ощутил великий подъем чувств, сопровождавшийся (как всегда у него) каскадом любовных словечек, эпитетов и поэтических рулад. Адели ничего похожего в жизни слышать не приходилось, и ее душа совсем разнежилась в этом комплиментарном ореоле, воспарила в горние выси.... Неожиданно для себя она стала бурно признаваться Алексу в своей беде и каяться, что пыталась использовать его как бычка-производителя. "Но теперь все по-другому, Алекс, я влюбилась в тебя как девочка, как в мессию, как в Иисуса Христа! Прикажи — и я пойду за тобой в огонь и в воду, буду твоим хвостиком, служанкой у твоей жены. Только не исчезай из моей жизни, свети мне как яркий факел!". Сашка оглаживал ее кожу, поцеловывал в губы, глаза и убеждал: "Этой ночью в тебе обязательно зародится ребеночек. Иначе зачем Бог дал мужчинам и женщинам способность к любви? И я никогда не забуду ни эту ночь, ни наш взлет чувств, ни тебя, кареглазая богиня любви, Адель ди Греси...."

В середине ноября полк егерей прибыл в Боцен (Больцано) — типичный немецкий городок с неизменным прямоугольным собором под крутой двускатной крышей и высокой, изобилующей прихотливыми выступами колокольной. Снега в городе еще не было, но с гор дул холодный ветер. Полк расположился с согласия бургомистра на СЗ окраине города, вокруг низенького, почти игрушечного замка Мареч с четырьмя круглыми башенками по углам. Здесь Сашка решил дать солдатам день отдыха перед утомительным подъемом на заснеженный перевал Бреннер. Немцы, конечно, позакупорились в своих домах и город казался почти вымершим. Но трактиры рискнули открыть двери для солдат и сержантов после заверения полковника бургомистру, что жалованье им выдано. Тирольское пиво полилось в солдатские глотки рекой, а там и граппа к пиву добавилась. Откуда-то взялись вдруг "веселые" девы, за внимание которых началось нешуточное соперничество....

Впрочем, Сашку, его офицеров и двух дам это веселье не коснулось: бургомистр пригласил графиню де Новарина и маркизу д, Асти (так Сашка упросил назваться Элеонору) вместе с офицерами Пьемонтского полка на ужин с самыми именитыми горожанами Боцена. Столы накрыли в малом зале городской ратуши (и проще перечислить, чего на них не было — бананов и черной икры), Тосты посыпались за тостами, здравицы за короля Сардинии и его графов и маркизов сменялись здравицами за императора Франца и Марию-Терезию. Наконец, сытость и опьянение стали клонить пирующих к столу, но тут в соседней, большой зале ратуши свои инструменты взяли настраивать музыканты, и гости встрепенулись — в первую очередь, конечно, дамы. Дородный бургомистр повел по праву хозяина самую высокородную даму, маркизу д, Асти, к графине разлетелся было его сын 18

лет от роду, но она взяла за руку полковника и более ее не выпускала, ангажируя от танца к танцу.

На четвертом менюэте Сашка осознал, что ласточка новой цивилизации, вальс, до этого глухого угла, вроде бы, не долетела. Он подошел вместе с Адель к музыкантам, спросил про вальс и удивился: ноты пары вальсов к ним из Вены уже попали, но как танцевать этот танец, никто здесь не знает.

— Начинайте играть, — скомандовал по привычке полковник, — а мы с графиней вальс станцуем — только играйте неспешно, наслаждаясь каждой нотой!

Они вышли в центр зала, встали в вальсовую позицию (оба статные, соразмерные, красивые) и при первых чарующих звуках "Ласкового зверя" плавно-плавно пустились по кругу, лаская периодически друг друга взглядами....

Глава тридцать четвертая. Ободрение Карла Лотарингского

Перевал Бреннер хоть и был самым низким и проходимым в Альпах (всего около 1400 м над уровнем моря), но дался полку с немалым трудом. Здесь лег уже значительный покров снега и если бы не торговцы, сновавшие между государствами Италии и Германии круглый год и успевшие наторить внятную конно-санную тропу, форсирование перевала превратилось бы совсем в сложную задачу. Ну, а так личный состав полка привел в плачевное состояние около сотни пар берцев, намерзся основательно, но даже ОРЗ никто не подхватил — известная особенность солдат в пору боевых действий (здесь ведь условия тоже были приближены к боевым).

Инсбрук порадовал их теплой, тихой, солнечной погодой с температурой на солнце около 20 градусов. "Просто как на Кавказе в эту пору", — разулыбался Сашка. И, хоть запасные берцы в обозе были и все нуждающиеся в них переобулись, он объявил еще день отдыха. Встали, как всегда, в месте, указанном бургомистром — на ЮЗ окраине города, в предместье Вильтен, возле одноименного мужского монастыря. Инсбрук был в 15–16 веках столицей Священной Римской империи и потому отличался помпезностью (здесь имелся свой дворец Хофбург, мало уступающий венскому, университет и оперный театр). Соответственно, никто из его правителей приглашать в гости полковника и сопутствующих ему дам и не подумал. Это не помешало им на следующий день отправиться в карете на экскурсию по местным достопримечательностям: средневековому центру со знаменитым "Домом с золотым эркером" (из которого император Максимилиан любил смотреть театральные, цирковые или истязательные представления, происходившие на тесной площади); театральной площади с обычным театром и необычным фонтаном, увенчанным большой бронзовой лошадью со всадником и окруженным фигурками "морских" человек; расположенному напротив театра дворцу Хофбург (почти копия дворца в Вене); соборам иезуитов и святого Иакова (внутри просто шикарного), потом отправились к замкам: изящному Ментлбергу, странному Бюхзенхаузену (с обилием пушек в амбразурах), величественному Амбрасу.... Нагуляли изрядный аппетит и пообедали в отличном ресторане, где неугомонный Сашка завязал разговор с хозяином и на спор быстро приготовил шницель по-венски. Все заинтересованные личности шницель попробовали, восхитились, Сашка же быстро написал рецепт и подарил хозяину. В ответ ресторатор отказался брать с них деньги за обед и поклонился вслед. Адель же воссияла очередной раз глазами и прильнула в карете к своему уникальному мужчине, проигнорировав укоризну Элеоноры.

Ну, а через 3 дня полк вступил в Зальцбург, где в номере постоялого двора Адель просто-таки истязала на все согласного Алекса, а в перерывах между совокуплениями лила слезы. Здесь Сашка решил не задерживаться (отчасти из-за Адели, которая с каждым часом все более рассиропливалась) и, клятвенно пообещав проведать графиню в ее Новаре, двинул полк на Линц. Потом на Будвайс (Будеевице), Табор, Бенешов.... А 30 ноября посланцы далекой Сардинии прибыли под Злату Прагу. Порасспрашивав служивых при въезде за крепостные стены, опоясывающие Прагу, Сашка порысил в сопровождении лейтенант-курьера в Новый королевский дворец, расположенный на западе Пражского Града. Здесь была резиденция Карла Лотарингского (младшего брата императора Франца, эрцгерцога), главнокомандующего войсками Священной Римской Империи — ему и следовало

представиться.

После неизбежных проволочек на входе полковника де Мож и его сопровождающего впустили под крышу дворца, где их встретил какой-то офицер (знаки различия в армии Габсбургов Сашка в свое время толком не изучил), выслушал, подивился зеленому цвету мундира и, тем более, принадлежности офицеров к армии Сардинии, после чего повел их куда-то длинными коридорами с выходами на лестницы. В одной из комнат под присмотром офицера велел ждать, сам пошел далее. Минут через 10 к ним вышел вальяжный дворянин лет 30, осмотрел с едва приметной усмешкой, спросил имена, попросил оставить на столе шпаги, пистолеты и кинжалы (метательных ножей не заметил), после чего повел в следующий кабинет (пустой), а потом в следующий, где за столом сидел явный вельможа лет 45: грузный, в шелках, завитом парике, с лентой через плечо и с каким-то орденом на ней — вероятно, сам эрцгерцог. Сашка сделал шаг к столу, снял шляпу и сдержанно поклонился; лейтенант его движения повторил.

— Кто вы такие? — спросил вельможа по-французски. — Неужели из Сардинии?

— Я — командир Пьемонтского полка егерей полковник де Мож. Это лейтенант для связи кавалер Висконти. Мой полк только что завершил марш-бросок из Турина для того, чтобы по договоренности между королем Карлом Эммануэлем и императором Францем Стефаном усилить вашу армию в Саксонии.

— Усилить армию? Одним полком? Впрочем, полк егерский? Если ваши егеря подобны егерям Карла Кристиана Саксонского, то усиление, в самом деле, может произойти. Сколько времени вы двигались от Турина? Месяца два?

— Двадцать восемь дней, Ваше высочество.

— Невероятно! Хотя да, егеря Кристиана тоже передвигаются очень быстро. Но 28 дней? Сколько лиг отсюда до Турина, напомните....

— Около 600, Ваше высочество. Но нам благоприятствовала погода. Только на перевале Бреннер лежал снег, а так месили грязь.

— Пушек с вами нет?

— Они нам не нужны, Ваше высочество. Наши штуцеры лучше. А пушки — это тормоз, гиря на ногах. Ну, а понадобятся все-таки пушки — мы их захватим у противника. Простите, сир, давайте отпустим моего лейтенанта. А для этого укажите, где могут разместиться возле Праги 1700 солдат и обоз из 50 телег?

Спустя десять минут эрцгерцог и Сашка остались в кабинете одни, и Карл Александр вдруг наморщил лоб:

— Де Мож, Вы сказали? А ведь я Вашу фамилию уже слышал — как раз от Кристиана Он говорил, что его учитель — Алекс де Мож. А еще он сокрушался, что этот Алекс погиб утонул в море. Ваше имя Алекс?

— Да, я Алекс де Мож, а принц Кристиан — мой единственный друг. И я не утонул, как видите.

— Так это прекрасно! С двумя вашими полками мы все тылы у Фридриха переворошим! Пусть попробует воевать без боеприпасов, фуража и провианта. Даже жаль, что наступают зима и до начала будущей кампании надо ждать 4–5 месяцев....

— А нужно ли ждать теплой погоды? — спросил Сашка. — Зимой дороги значительно лучше, по крайней мере, для саней, не говоря уже о переправах через реки по льду, без всяких мостов, в любом удобном месте. Армия Фридриха ушла в Пруссию, на зимние квартиры, а оставленные в захваченных городах гарнизоны слабы по определению. Именно

сейчас егеря и могут заняться освобождением городов — без осад, бомбардировок и открытых штурмов. Наш метод — скрытное проникновение в крепость, захват ее ключевых пунктов и открытие ворот для регулярных частей. Мы проделывали это дважды на Менорке, сможем, я уверен, и в Саксонии.

— Я слышал об этой блестящей операции маршала Ришелье: все опорные пункты Менорки взяты практически без потерь и за какие-то две недели. Так это Ваши егеря обеспечили итоговую победу?

— По существу да. Хотя немалой была роль флота, да и других частей, что вели отвлекающие демонстрации.

— Но как Ваш полк оказался в составе армии Сардинии?

— Это был другой полк, обученный мной во Франции. Пьемонтский полк я формировал в Турине, после счастливого спасения рыбаками Сардинии.

— Как важно быть специалистом в своем деле.... Успехи прусской армии, мне кажется, тоже держатся на гении одного человека — Фридриха, прозванного Великим.

— Это еще одна возможность для достижения наших планов, — сказал Сашка. — Если Фридриха пленить, то пруссаки согласятся все вернуть: Саксонию и Померанию — Августу, а Силезию — императору Францу. Это дело егеря тоже могут повернуть....

— Но его охраняют как зеницу ока! — нервно возразил эрцгерцог. — К тому же это против негласных правил войны.

— Эти правила уже неоднократно нарушались: вспомните плен Франциска 1-го в 16 веке, когда ему пришлось отдать вашей империи все свои завоевания в Италии. Было еще пленение в Вене Ричарда Плантагенета, Иоанна Доброго при Пуатье, Эрика Датского и Шлезвиге — и всякий раз им приходилось отдавать и деньги и территории.

— Хм, Вы умеете быть убедительным. Но сумеете ли подобраться к Фридриху и потом его украсть? Убийство монархи Европы нам не простят — слишком много у него среди нас родственников.

— "Помните исчезновение графа Брюля из собственного дворца? Это я его украл, — хотел похвалиться Сашка, но осекся: — Сильные мира сего таких номеров с себе подобными не прощают. Перебьется герцог, так поверит". Вслух же сказал:

— Разведка покажет все слабые места его охраны. Лучше, конечно, украсть короля на марше. Может, когда мы возьмем Дрезден, он бросится его отбивать?

Глава тридцать пятая. Восторги Кристиана, трепет Элеоноры и очередной "случай" Алекса

Саксонский егерский полк был расквартирован на зиму в городе Ауссиг (Усти над Лабой) и его окрестностях. Но командир его, принц Карл Кристиан, часто мотался в Прагу: то делать заказы дополнительных боеприпасов, то амуниции, то на совещания к начальству.... Была, впрочем, еще одна причина, в которой принц не хотел никому признаваться: в каждый приезд он навещался в оперный театр (построенный графом Ностицем в 1723 г южнее университета, на Овощном рынке), где пела прелестная итальянка по имени Бьянка.... Доверяли ей, впрочем, партии второго плана, но разве это имело значение для того, кто со своего яруса лишь любовался ее движениями и красотой? О том, что можно пройти за кулисы и навязать диве знакомство или даже предложить покровительство, принцу в голову не приходило. Зато расписание спектаклей Кристиан заучил и все свои приезды с ним синхронизировал.

Так случилось, что во второй вечер в Праге принцесса Элеонора заявила Алексу самым капризным тоном, что скучать в таком городе не намерена и требует отвести ее хотя бы в оперный театр. Сашка навел справки и обрадовался: в этот вечер спектакль в театре был. Билетные жучки в те времена уже шустрили (как мы знаем на примере Берлинер опера), и тому же лейтенанту Висконти было несложно приобрести два билета в ложу, переплатив втрое-вчетверо против номинала. Когда изящная дама в эффектном голубом платье с бриллиантовым колье, такими же сережками и высоко зачесанными платиновыми волосами вошла в ближнюю к сцене ложу в сопровождении высокого молодого мужчины в черном камзоле, расшитом серебряными позументами, многие зрители обратили внимание на эту пару. Принцесса и ее спутник не успели еще усесться в кресла, как вдруг в затихающем перед увертюрой зале раздался громкий возглас: — Алекс!!

Сашка встал с места, закрутил головой в поисках отчаянного нарушителя правил и вдруг увидел машущего ему со второго яруса амфитеатра Кристиана! Он тотчас замахал в ответ, улыбаясь от уха до уха, и позвал принца жестом в свою ложу. Тот часто закивал, повернулся и исчез из поля зрения — чтобы появиться через пару минут на пороге ложи. Оба сразу бросились в объятия друг друга, приглушенно вскрикивая, смеясь и охлопывая плечи и спины. Элеонора смотрела на них во все глаза, да и большинство зрителей тоже. Наконец, они умили свою радость от встречи, и тут своды театра огласила скрипично-трубная музыка. Сашка и Кристиан посмотрели опять друг на друга и вышли из зала в круговую галерею.

Назад в ложу они вернулись минут через десять, сообщив за это время основные свои перипетии. Со сцены вовсю голосил очередной кастрат в белоснежной тоге и в лавровом венке (по роли Тит, кажется). Элеонора тотчас окинула взглядом их гостя и спросила у Алекса краем рта: — Кто это?

— Принц Кристиан, — шепнул Сашка в той же манере. Глаза Элеоноры дрогнули и замерли, застыли и черты лица — и вдруг она неудержимо заулыбалась.

В антракте Сашка представил принца и принцессу друг другу. Кристиан церемонно поклонился, глядя в лучащиеся приязнью голубовато-серые глаза, Элеонора ответила изящным книксеном и сказала:

— Алекс де Мож — невероятный бабник и при этом он Ваш друг. Надеюсь, Вы — его

противоположность?

— Я тоже бабник, — возразил Кристиан. — в том смысле, что часто влюбляюсь в женщин. Но в отличие от Алекса они держат меня на расстоянии.

— Вот как? Следовательно, в данный период Вы тоже влюблены. В кого же?

— Ее зовут Бьянка, она певица, — нехотя ответил прямодушный Кристиан.

— О-о, певица! Это птица высокого полета и значительно более редкая, чем какая-то провинциальная принцесса. Вы с ней подружились?

— Нет, — ответил, краснея принц. — Она еще не знает о моем существовании.

— Ты не был у нее за кулисами? — вмешался в разговор Сашка. — Позволь я тотчас исправлю твою оплошность и все о ней разузнаю?

— Не надо, Алекс, — с ноткой неуверенности сказал Кристиан.

— Надо, Кристиан, надо. Итак, я вас покидаю, но ко второму антракту приду. Эскьюз ми, Элеонора.

К началу второго антракта Сашка специально опоздал, наблюдая издали за оживленной беседой своих высокопоставленных друзей. Но за минуту до начала третьего акта явился скорым шагом.

— Простите мое опоздание: за кулисами так много переходов, что я в них заблудился. Надеюсь, вы без меня не скучали?

— Принц — искусный собеседник, — улыбнулась Элеонора. — Он дважды меня рассмешил и трижды заставил задуматься. Но что Вы разузнали о певице Бьянке?

— Ее зовут не Бьянка, а Франческа и она является содержанкой графа Фридриха-Морица фон Ностиц, которому принадлежит частично этот театр. Даже имеет от него ребенка, девочку.

Проговаривая эту фразу, Сашка смотрел на Кристиана, который заметно побледнел, узнав горькие подробности о своей любимой — теперь вовсе недостижимой.

— Печально, — вздохнула Элеонора. — Единственный луч надежды — принц влюбчив. Придет день и он откроет свое сердце навстречу новой любви. Простите меня, Кристиан, Вы могли подумать, что я иронизирую — но я сказала это от чистого сердца, с верой.

Кристиан недоверчиво на нее посмотрел, подвоха не увидел и, вздохнув, сказал:

— Мне давно не везет с женщинами. Я уже привык.

Тут в зале вновь зазвучала музыка, и они вошли в ложу.

После спектакля Сашка предложил:

— Мне не хочется расставаться с вами. Идем в Тын и гуляем там до упада.

— А-алекс.... Ты не забыл, что мы с Кристианом — королевские высочества? — усмехнулась Элеонора. — Нам не подобает "гулять до упада". А там весело? Вы уже бывали в этом Тыне?

— Бывали, — вдруг ответил Кристиан. — Правда, только один раз. Там очень приятно играли скрипки....

В этот вечер в Тыне играл целый оркестр, под который ужинающие путешественники и просто окрестные жители с удовольствием танцевали. Причем популярностью пользовались подвижные народные танцы типа гавота и пулки — менуэты и вальсы играли редко: первые поднадоели, а вторые еще мало кто умел танцевать. Элеонора сначала присматривалась к танцующим, потом в один из редких менуэтов выразительно посмотрела на Кристиана, и он пригласил ее на танец. Следующим танцем была пулка (полька) и Элеонора вдруг потянула в круг своего кавалера. И хоть они немало путались в движениях, но в целом остались

довольны и танцем и собой.

Сашка смотрел на них одобрительным взглядом (словно Кот в сапогах в сказке Перро), как вдруг его пригласила на гавот дородная дама лет 30, сидевшая за соседним столом рядом с изрядно выпившим купцом лет 50, который уронил уж голову на столешницу. Как ни странно некоторые излишки плоти даму нисколько не смущали, она задорно улыбалась, тряся щеками и бюстом, и разглядывала Сашку, словно окорок в мясной лавке выбирала, — хорош ли будет на вкус? Его позабавил прагматизм купчихи, но и подзадорил:

— "Ах ты квашня, вздумала гульнуть налево и, чтоб не продешевить, сразу с аристократом? А давай, покажу тебе небо в алмазах — если сдюжу, конечно. Кристиана с Элеонорой теперь можно одних оставить, она его направит на нужную дорогу....".

И начал плести свои петли:

— Гнедиге фрау, я восхищен. Наконец, мне встретилась подлинно роскошная женщина....

Прикидывая, тем временем: "Сниму номер в Тыне, авось за час-другой управлюсь, пока муж ее сладко почивает...."

Не знал наивный можайский юноша, как любвеобильны бывают "тельные" дамы....

Глава тридцать шестая. Подготовка к зимней кампании

7 декабря, пополнив провиант, Пьемонтский полк покинул Прагу и к вечеру второго дня был в Ауссиге. Солдаты поставили палатки на окраине города, затопили печки, наварнули каши и улеглись на нары с привычным чувством домашнего уюта (помните: "И под каждым под кустом был готов и стол и дом"). Алекс отправился, конечно, на квартиру принца — на этот раз без Элеоноры, которая, завладев таки сердцем Кристиана, отправилась в Вену, где в гостях у дяди Франца уже находился Бенедикт, и она рассчитывала, что он сведет ее с императорской семьей и всем высшим светом.

Кристиан к его встрече приготовился фундаментально: десяток блюд из местного ресторана (но с французскими замашками и ценами), столько же вин, в том числе излюбленное обоими токайское, трубки с табаком, гитара, весело горящий камин.... Уселись за стол, энергично поели и выпили, а потом перешли в кресла — хлебать не спеша токайское и болтать.

— Трубки-то зачем? — попенял товарищу Сашка. — Я не курю табак, ты тоже....

— Увы, Алекс, я закурил во время боевых действий. Табак, оказывается, очень успокаивает, а я тогда много волновался: проклятые пруссаки, мы их бьем, а они лезут, зайдём к ним в тыл и снова бьем, они и тут штыковую свалку норовят нам навязать. Но все же колонну Беверна нам удалось затормозить в Саксонской Швейцарии. Правда, защите Саксонии это мало помогло: Фридрих подтянул к своей колонне Брауншвейга и возле Майсена, где Рутовский прикрывал вместе с русским корпусом Фермора путь на Дрезден, разгромил наше войско наголову, хотя сил имел почти в половину меньше (40 тысяч против 70). Полегло с нашей стороны 15 тысяч, да раненых под 20 — правда, в большинстве в русском корпусе. Ну, и отойти удалось организованно, пруссаки нас не преследовали, тоже раны зализывали.

— Куда же отошли и где русский корпус?

— На линию Либштадт-Кенигштайн-Шандау-Нойштадт. Русские прикрывают левый фланг, от Либштадта до Кенигштайна и левобережья Эльбы, а наша армия — от правобережья у Шандау до Нойштадта.

— А где король?

— Август уехал в Польшу — через Богемию. А Фридрих Кристиан остался вместе с Рутовским, в Нойштадте.

— А ты почему торчишь в Богемии?

— Мой полк в резерве и на пополнении — мы тоже полсостава потеряли в стычках с Беверном.

— Очень плохо, недопустимо для егерей. Но за счет кого ты пополняешься? Все ваши соотечественники остались под властью Пруссии....

— Нанимаем местных немцев, да и чехов тоже. Королевская казна сохранена, так что к нам не бойко, но идут.

— Сколько сейчас у тебя в строю?

— Около 1200 егерей, хотя по списку как раз 1600, - но это с учетом долечивающихся.

— Ты надеешься на их полноценное восстановление?

— На половину, — нехотя признал Кристиан. — Но мне и вторая половина понадобится: в ездовые, саперы, портные, башмачники....

— Ладно, завтра я на твой полк посмотрю. Разрешешь, я надеюсь?

— Непременно, Алекс. И поговори с ними, как ты умеешь, вдохни боевой дух. А то он у них сейчас не на высоте....

— Не только поговорю, но и научу некоторым новым приемам, а также маскировке в условиях зимы. Кстати, я привез из Праги 100 оптических трубок для прицелов к шгуцерам — 50 могу отстегнуть тебе, вернее, твоим снайперам. Столько в полку найдется?

— Конечно! У меня много отменных стрелков. Вот по стенам лазать ловкачей гораздо меньше....

— Придется подучиться. В будущей нашей авантюре это умение выйдет на первый план. Но что мы все о войне да о войне, пора и о бабах поговорить. Понравилась тебе принцесса Элеонора?

— Да, — засмутился принц.

— Жениться обещал?

— Да, — последовал более твердый ответ.

— Вот и хорошо, — сказал Сашка. — Она женщина правильная, хоть и побитая малость жизнью. Ты знаешь, что ее прочили за сына Людовика 15-го?

— Нет, — с некоторым удивлением признался Кристиан.

— Вот так вот. Не знаю, какой в этом прок, но я бы на твоём месте немножко гордился.

— Я и так горжусь, что она выбрала меня. Это ты обо мне вспомнил?

— Ну, я. А что, не надо было?

— Алекс! Ты столько уже для меня сделал — и вот новый подарок! Я так счастлив, что ты остался жив!

Назавтра Сашка, не мудрствуя, велел вывести на плац оба полка и устроил соревнование между ними, прогоняя попарно (сардинец и саксонец) через все егерские позиции и выверты. Сардинцы почти везде были быстрее, точнее, ловчее — не говоря уже о владении новыми видами единоборств вроде боло. Кристиан в конце виновато развел руками, а Сашка вышел перед строем саксонцев и сказал:

— Да, мои бойцы на данный момент подготовлены лучше. Но я обязуюсь научить вас всем новым элементам боя, стенолазанию, зимней маскировке и бегу на лыжах, а прочее вы подтянете сами. Главное, что есть у вас и нет у моих щеглов — боевой опыт. Вы уже научились смотреть в глаза смерти, преодолевая естественную боязнь — теперь нужно научиться побеждать, всегда и везде. На то вы и егеря — самые элитные войска современности. Гордитесь своим именем! Виват, егеря!

— Виват, виват, виват!!

И пошла вновь подготовка как личного состава, так и необычной зимней кампании, для чего шили белые маскхалаты, закупали лыжи у местного населения (их не хватало и квартирмейстеры мотались по всей Богемии, а один, самый догадливый, организовал через банки Праги и Цюриха закупки в Швейцарии, откуда и пришла самая крупная партия лыж — 850 пар), делали палки для лыж, ременные крепления, потом учили саксонцев и сардинцев на лыжах сначала ходить, а потом с помощью палок и бегать.... В конце лыжной подготовки, уже в январе, Сашка организовал биатлонные соревнования сардинцев и саксонцев, которые немцы, разумеется, выиграли.

После крещенских морозов Сашка решил провести разведку возможных скрытых подходов к Дрездену. Он же ее и возглавил, будучи наиболее умелым лыжником. В группу он отобрал 10 саксонских егерей из числа окрестных жителей, причем двух вооружил

снайперками (не считая того, что на его шгущере тоже была оптическая трубка, замотанная, как и у егерей, до поры тканью). До Шандау группа доехала на прогонистых санках за 3 часа (ехали прямо по замерзшей и прикрытой снежком Эльбе) и сопровождал ее Кристиан, хорошо знакомый с армейскими офицерами Саксонии. Маскхалаты егери пока не одевали, оставаясь в своем зеленом обмундировании (утепленных куртках и штанах). Офицерам, встретившим их в Шандау, было сказано, что группа едет в Кенигштайн, в распоряжение русских, для согласования будущих военных действий. "Не заедьте в Пирну, там уже пруссаки" — предупредили те на прощание.

Глава тридцать седьмая. Взятие Дрездена

На левобережье Эльбы егеря надели белые балахоны и штаны, засунули штуцеры в белые чехлы и существенно уменьшили свою распознаваемость на фоне заснеженного горного склона. Во главу группы встал бывший охранник Кенигштайна, за ним Сашка, и егеря начали пологий подъем по целине, целясь западнее крепости. Снег был пока неглубокий, идти было достаточно легко. Миновав крепость в километре (Сашка осмотрел ее стены в подзорную трубу и углядел одинокого часового, ходившего по верху стены, но без особого интереса к окрестностям и группу лыжников, разумеется, прозевавшего), егеря пересекли условную границу с пруссаками — но ни русских дозоров, ни прусских, как ни старались, не заметили. Впрочем, это обстоятельство предполагалось — все нынешние армии обходились КПП на дорогах и кучковались по населенным пунктам. Потому и далее (до Пирны, а потом до Дрездена) отряд продвигался в белом безмолвии.

К Дрездену они, впрочем, не пошли, а свернули к селению Бодериц, откуда был родом тот самый охранник. К этому времени наступил вечер, а также изрядная усталость — шли 6 часов на малопривычных еще лыжах, потому и выдохлись. Оставив группу на краю рощи, Сашка и проводник сняли балахоны, оставили штуцеры и отправились к родительскому дому Абеларда (так уж его звали), стоявшему на центральной улице. Они, конечно, сторожились и потому вышли к дому с тыльной стороны, через сад-огород. Абелард постучал в ставень, потом с кем-то переговорил через него и повел командира к дворовому входу. Дверь открылась и на грудь парня бросилась девушка, радостно щебеча и смеясь. Потом Сашку провели через пару пустых комнат и вывели в зальчик, где уже при свечах собралась семья Биссингов: отец по имени Гюнтер, три дочери (во главе с Мартой, что выбегала) и два киндера. Выяснив, что в селении есть прусский пост (человек десять), но он обосновался на южном въезде, в доме местного лавочника, Сашка решил, что одну ночь здесь перекантоваться можно (а засекут — тем хуже для поста). И отправился за группой.

В утренних сумерках, но все же плотно позавтракав, они покинули гостеприимный дом и двинулись в некотором отдалении от дороги к Дрездену. Весь день потом двигались неспешно вокруг города, помечая на его подробном плане (раздобытом Кристианом) опорные пункты пруссаков, подкрепленные артиллерийскими батареями или без них. Несколько раз перехватывали повозки, двигавшиеся из города, и путем опроса их седоков выяснили, что: 1) губернатор Дрездена граф Шметтау занимает дворец Брюля (Ну, молодец! Можно и его оттуда изъять!) 2) резерв гарнизона (около полка, которые у Фридриха насчитывали по 2800–3000 солдат) расположился на правом берегу, в тех самых казармах, которые занимал ранее саксонский гарнизон Дрездена. С учетом подразделений, зафиксированных по периметру, набегало под 6 тысяч. Да в заслонах против русско-саксонской расхристанной армии (у Пирны, Столпена и др.) стояло до 10 тысяч солдат. Вроде бы немало, но разбросанность этих контингентов должна была оказаться фатальной: окружай ночью по очереди и бери тепленькими....

Переночевали опять в Бодерице, у Биссингов, и спозаранку отправились в обратный путь, к Шандау. На траверзе Кенигштайна у Сашки появилась было мысль завернуть к соотечественникам, но он ее придушил: не время себя рассекречивать, а также водовку пить и прочими способами расслабляться. Вот одолеем Фридриха, тогда гуляй не хочу, бей себя в грудь копытом: это я, я все провернул, вас осчастливил! А пока марш-марш в Ауссиг и готовь

полки егерей к броску на Дрезден.

Через два дня к вечеру оба полка егерей вышли разведанным путем к Дрездену. Погода им благоприятствовала: весь день шел снег, к вечеру перешедший в метель. Соответственно, видимость совсем ухудшилась, что егерям было наруку — они-то шли по заранее намеченным ориентирам. Не доходя Дрездена, полк Кристиана перешел Эльбу и стал охватывать город полукольцом с севера, Сашке же досталась южная часть, с городским центром. Отправив роты влево и вправо к опорным пунктам пруссаков, сам он с десятком наиболее подготовленных егерей прокрался ползком в тех же балахонах по льду реки мимо берегового поста и выбрался к дворцу Брюля.

Часть залов дворца была освещена, но имелись и темные ряды окон, в том числе в районе знакомой Сашке спальни на втором этаже. В отличие от саксонцев пруссаки охраняли дворец снаружи тремя парами солдат, причем они ходили по кругу в одну сторону, теряя друг друга из вида на поворотах за торцевые стороны здания. На этот случай у егерей была домашняя заготовка: под балахонами все они были одеты в синие прусские мундиры, в карманах которых нашлось место для песочных кистеней (в акциях, где Сашка участвовал сам, убийства допускались в порядке исключения). Две пары остались в засаде у ближнего торца, а одна ползком отправилась к дальнему. Выждав достаточное количество минут, Сашка дал добро на устранение патрулей. Вот первая пара охранников вышла из-за угла и пошла к углу второму, не заметив вставшие за их спинами белые фигуры. Синхронными махами левых рук с голов сбиты треуголки, а правые руки обрушили на парики гибкие кистени. Обоих увальней тотчас подхватили и утащили за другой угол, а вторая пара егерей стала поджидать свою пару охранников. Через пару минут патрули вновь начали вышагивать вокруг дворца — только прусскими они были по форме, а не по существу.

Далее в дело вступили оставшиеся 5 егерей (считая Сашку). Без суеты на крышу была заброшена "кошка" с веревкой, по которой все они (со штуцерами за спиной) забрались наверх. Затем более опытный Сашка отсчитал нужное количество метров, закрепил веревку, по которой спустился до памятной форточки, но нашел ее наглухо закрытой. Не беда, на этот случай Кристиан снабдил его кольцом с брильянтом. Кольцевой рез с 2-рублевую монету, удар по стеклу, легкий звон и дырка для пальца готова. Четыре уверенных реза — и пластина форточного стекла оказалась в защищенных перчатками пальцах. Убрав ее на подоконник, Сашка проник внутрь спальни (испытывая чувство дежавю), быстро ее обследовал и вернулся к форточке для сигнала егерям. Пять минут спустя все были внутри темной комнаты. Сняв балахоны, егеря тоже превратились в справных прусских мушкетеров. После чего Сашка повел их по темным комнатам к свету — специально лрессированным скользящим егерским шагом, без топота.

Перед залом, за дверью которого были слышны голоса, в том числе женские, Сашка постоял, пытаясь понять, что там происходит, но не понял. Тогда он передал свой штуцер унтеру, снял с головы треуголку и вошел в зал, оставив дверь чуть приоткрытой. Тотчас картина прояснилась: здесь шла игра в карты с участием десятка прусских офицеров, нескольких штатских и женщин "полусвета" — то ли из числа артисток, то ли модисток...

— Кто Вы такой? — раздался недоуменный вопрос одного из офицеров.

— Ich bin Entsetzt, flog auf den Flügeln der Nacht (Я — Ужас, прилетевший на крыльях ночи) — улыбаясь, сказал Сашка и толкнул дверь ногой, приглашая егерей занять места по периметру зала. — Любой, кто поднимет шум, пожалеет об этом. Дворец занят передовыми

частями саксонской армии, мы же — егеря. Слышали о таких?

— Стража! — вскричал тот же офицер и рухнул от удара кистеня. Сашка мотнул головой унтеру и тот выскочил за противоположную дверь, где сразу что-то упало на пол, а унтер вошел обратно и кивнул головой: все в порядке. Сашка же выхватил взглядом среди ошарашенных офицеров наиболее представительного мужчину и спросил полутвердительно, глядя ему в глаза:

— Вы граф Шметтау?

— Да, — нехотя признался пруссак и добавил: — Вы нас морочите? Саксонская армия стоит в 6 лигах отсюда, перед мощным заслоном наших войск. К тому же на вас прусские мундиры....

— Военная хитрость, — пояснил Сашка. — Я — полковник де Мож и в руках моих егерей уже находятся ваши опорные пункты, взятые нами без выстрела. Правобережная часть города захвачена егерями полковника де Веттина, принца Саксонии. Предлагаю Вам, герр губернатор, написать приказ командиру резервного полка о сдаче во избежание ненужного кровопролития. Причем, этот приказ Вы можете передать ему лично.

— Я не буду ничего писать! — отрезал граф. — К оружию, господа!

Офицеры, уже сжимавшие рукояти шпаг, дернули их из ножен, но четверо сразу выронили из "отсушенных" кистенями рук. Сашка же рывком переместился к графу, сдернул наполовину с его плечей кафтан (лишив тем самым возможности поднять руки) и, приставив к его горлу нож, крикнул:

— Бросьте шпаги или я перережу ему горло!

И чиркнул легонько острым лезвием — кровь из пореза тотчас потекла.

Пятеро офицеров, остававшиеся вооруженными, посмотрели в отчаянные глаза своего начальника и бросили шпаги на пол.

Глава тридцать восьмая. Одобрение аристократов

За неделю занимавший Саксонию корпус пруссаков был большей частью пленен, и лишь наиболее бдительные гарнизоны истреблены. Рутовский и Фермор с удовольствием бросили тесные пограничные пристанища и ввели свои части в основные города Саксонии. Фридрих Кристиан, въехавший в Ташенбергский дворец, где его со слезами встретила мать, Мария Жозефа (остававшаяся под властью пруссаков), почти сразу вызвал к себе обоих героев-освободителей. Сашка приятно поразился облику кронпринца: он потерял в весе, но прибавил мужественности в лице и теле. Принц же при виде Алекса и Кристиана радостно заулыбался, обнял сразу обоих и сказал:

— Я счастлив и горд! Счастлив потому, что вернул себе отчизну, а горд потому, что обязан этому чуду своим самым доверенным людям. Спасибо, Алекс! Спасибо, Кристиан! Надеюсь, что отец наградит вас орденами святого Генриха, ибо более славной победы в истории Саксонии не бывало!

— Ты преувеличиваешь, брат, — возразил, улыбаясь, Карл Кристиан. — Самые большие победы Саксонии принадлежат Оттону Светлейшему, владения которого простирались от Рейна до Одера и от Балтики до Баварии.

— Но вряд ли его потери составляли менее 100 человек, и то, в основном, ранеными.... А мы получили в свое распоряжение более 15 тысяч мужчин, причем не пруссаков, а уроженцев Брауншвейга, Анхальта и нашей Саксонии. В результате можно отправить корпус Фермора назад, в Россию, особенно если вы возьметесь обучить пленников новым приемам войны. Русские воевали хорошо, упорно, но на постое они склонны к баловству: девок валяют, несмотря на все запреты, да и дерутся с местными парнями по малейшему поводу. Натуральные варвары.... Ох, простите, Алекс, Вы ведь тоже русский.... Но совсем другой невероятно окультуренный....

— Кто-то из великих умов изрек: "Поскреби европейца — и под тонкой культурной оболочкой найдешь зверя" — поделился Сашка афоризмом Бердяева. — Так что прошу осторожнее проверять мою культуру — может облупиться.

— Нет, нет, — возразил кронпринц. — Я мало понимаю в экономике и совсем не разбираюсь в военном деле, но людская суть мне почему-то видна — Вы стоите над всеми, Алекс, хоть и любите изображать из себя "человека из народа". Если бы не сословные предрассудки, я непременно сосватал бы Вам одну из своих сестер....

— Разве они не уехали в Польшу, вместе с отцом? — спросил Сашка, смутно припоминая физиономии и стати трех незамужних принцесс Саксонии и Польши и раздражаясь: "Парность случаев, один из неписанных законов социума — в Сардинии троица будущих аббатис и здесь тоже. На фик, не буду с ними нянчиться!"

— Уехала только старшая, Кристина, а Элиза и Кунигунда решили остаться рядом с матерью. При этом Куни чуть не поплатилась за это: над ней пытался надругаться охранник, которого вовремя отогнал офицер, прибежавший на крики.

— Бедная Кунечка, не везет ей с мужчинами, — вдруг пошутил Карл Кристиан. — Иосиф Австрийский, кандидат в женихи, счел ее слишком робкой, а пруссак слишком крикливой....

— Кристиан! — укорил младшего брата Фридрих и перевел разговор на него: — Я слышал, что ты нашел себе невесту? Принцессу Сардинии? Ее Алекс тебе доставил?

— Да, да, да на все эти вопросы, — ответил моментально покрасневший Кристиан. — Еще будут?

— Ты ходил уже к "мама" с просьбой написать письмо королю Сардинии по поводу вашего брака?

— Нет, но выйду вот от тебя и пойду к "мама".

— Опиши ее: сколько лет, какова ростом, цвет глаз и волос, нет ли оспинок на лице....

— Иди к черту, милый братец. Если уж очень тебе интересно, спроси у Алекса, а меня уволь.

— Это миниатюрная блондинка с голубыми глазами — именно такими мы обычно представляем себе ангелов, — сказал, улыбаясь, Сашка. — Она, правда, старше Кристиана, но это в ней ему больше всего нравится — он любит чувствовать рядом ментора. Ведь так, Кристиан?

— Так, так, — буркнул принц. — Это вы сильно самостоятельные, а мне нужен в жизни друг или подруга....

— Да, Алекс, — спохватился Фридрих Кристиан, — У меня для Вас письмо, даже два. Они из Вены, от Марии-Терезии. Вот возьмите.

Сашка взял письма, извинился и отошел в сторону, чтобы прочесть. Одно было от императрицы:

"Герр Чихачев! Хоть Вы вновь нарушили все приличия и прекратили мне писать, я на Вас не гневаюсь. Тому причиной Ваши невероятные победы над прусскими войсками в Саксонии. Благодарю Вас за них. Признаться, я не верила, что войска короля Сардинии могут внести перелом в войне с Фридрихом Прусским, но Вы, Алекс де Мож, командир Пьемонтского егерского полка, это сделали. Надеюсь, удача не покинет Вас и в будущих схватках с пруссаками. Благоволящая к Вам императрица Священной Римской империи Мария-Терезия Габсбург"

Второе письмо было от принцессы Анны:

"Сашенька! Вот написала твое милое имя, которое повторяла много-много раз за эти два с лишним года, и засомневалась: а вправе ли я так к Вам сейчас обращаться? Вы ведь нынче блистательный герой, целый полковник, причем Сардинского королевства (!) и зовут Вас уже иначе: Алекс де Мож! Где, когда, почему Вы изменили свое имя? Но, видимо, это было необходимо по ходу Ваших невероятных приключений (уверена, они были!) во Франции, Сардинии и прочих странах. Были, конечно, и влюбленные в Вас дамы (я сама вновь с удовольствием бы в Вас влюбилась!) — только их наличием я объясняю Ваше нежелание писать мне: ведь пришлось бы неизбежно лгать.... Но все же мне очень, очень не хватало твоих писем, внимания, подтверждения любви.... Увы, увы, увы.... Правда, одно доказательство нашей любви теперь всегда со мной: это моя (и твоя!) девочка, Мария Александра. Как она мила, как резва, улыбчива! И очень похожа на тебя, просто одно лицо! При взгляде на нее я очень радуюсь, но иногда плачу.... Надеюсь, в военных действиях случится перерыв, и ты сможешь побывать в Вене (хотя бы для отчета перед маменькой) — тогда прошу не обойти нас с Сашенькой своим вниманием. Некогда целиком твоя Анна, принцесса из рода Габсбургов.

P.S. В Шенбрунне появилась принцесса Сардинии Элеонора, весьма бойкая особа. С тебе она говорит всегда в восторженных тонах. Неужели и с ней у тебя что-то было?"

Сашка по прочтении письма принцессы усомнился: что стоило ему писать ей периодически? Ведь их любовь была подлинной, яркой.... Это все привычки 21 века: только

звонки или СМС, никаких пространных, чувствительных писем. А зря: вот прочел сейчас письмо Анны, и ее облик явственно возник перед глазами, даже эротизм в организме зашевелился. Жаль, что нельзя слетать на денек-другой в Вену! Судьба же его непредсказуема: вроде бы и должен по логике повидаться с Марией-Терезией, но, но.... Пока же надобно ответить обеим дамам, иначе они закатают меня "в мостовую" при встрече. Ну, а сяду писать, так и Елене Петровне с Ксенией весточку надо послать.... Паоле же я и так пишу регулярно....

Глава тридцать девятая. Награды и пир

В течение февраля полководцы Саксонии ждали нападения армии Фридриха — но, видимо, этому реактивному монарху не удалось подготовить свои войска к походу столь оперативно. В конце же февраля-начале марта началось половодье, а за ним распутица, в условиях которых воевать совсем некомфортно. Впрочем, Сашка и Кристиан с толком заполняли этот тайм-аут, формируя из пленных еще два полка егерей. Поэтому они большую часть времени пропадали в тренировочном лагере близ Пирны.

В один из мартовских дней в лагерь прискакал курьер от кронпринца, который обязал обоих полковников прибыть в королевский дворец. Когда Сашка немного потрянул курьера, тот сообщил дополнительно, что во дворце состоится торжественное награждение участников освобождения Саксонии орденами, титулами и ленами, а завершится праздник пиром и балом. Сашка и Кристиан переглянулись, ухмыльнулись и пошли собираться в дорогу: надо же было предстать во всем великолепии. Боясь запачкать наряды, поехали в карете, а их боевых коней повели в поводу денщики.

Награды и все соответствующие грамоты прислал, оказывается, из Польши король Август (разумеется, по представлению Фридриха Кристиана). Группу награждаемых (кроме наших героев там оказались все те же Рутовский, Фермор и вовсе неизвестные Сашке люди) провели в малую приемную и потюмили там с полчаса. Но вот двери большого королевского зала отворились и под звуки фанфар триумфаторы под предводительством мажордома пошли по ковровой дорожке, произвольно напрягая шаги, к тронному пьедесталу, на котором стоял пустой королевский трон, а по обе стороны на тронах поменьше сидели королева и кронпринц. Впереди шли, естественно, фельдмаршалы, а замыкали группу два молодых полковника. Зал был наполнен придворными и именитыми горожанами, которые образовали две шпалеры по обе стороны дорожки. Мажордом остановился в 5 метрах от пьедестала, низко поклонился королеве и сказал: — Ваше величество!

Потом поклонился кронпринцу: — Ваше высочество!

После чего зычным голосом объявил: — Победители ваших врагов прибыли и ждут заслуженных наград!

Королева милостиво наклонила голову и молвила: — Именем Его Величества Августа Третьего, божьей милостью короля Польши и курфюрста Саксонии, великого князя Литвы, Пруссии, Мазовии, Жемайтии, Вольни, Подолии, Инфляндии, Смоленска, Чернигова Северска и Киева объявляю награжденными за великие ратные труды, совершенные при защите нашей отчизны, фельдмаршала Саксонии Фридриха Августа Рутовского, генерал-аншефа Российской империи Вильгельма Фермор....., полковника Саксонской армии Карла Кристиана де Веттин и полковника Сардинской армии Алекса де Мож. Прошу вас, кронпринц, сын мой, начинайте награждение.

Когда очередь дошла до Сашки, он поднялся до половины пьедестала (чтобы кронпринцу было удобнее его награждать), пропустил мимо ушей восторженные слова Фридриха Кристиана о своих воинских умениях и услышал, наконец:

— награждается высшей воинской наградой Саксонии, орденом святого Генриха!

Получив на шею орден, он повернулся было идти назад, но принц его удержал.

— Кроме того, в ознаменование многих других заслуг Алекса де Мож перед курфюрстом и народом Саксонии король дарует ему титул графа фон Русиц, а также замок

Мильденштайн!

"На хрена мне этот замок? — раздражился Сашка, продолжая улыбаться. — Привязать меня к Саксонии хочет что ли? Этак и женит на какой-нибудь графине....."

Встав рядом с Кристианом, он удосужился дружеского объятия и шепотка:

— Думаешь, наверно, что за рухлядь мне подсунули? Далеко не так, уверяю: замок очень приличный, принадлежит нашему роду, только используется пока как тюрьма — но и тут тебе пойдут навстречу и заключенных переселят.

— От Дрездена далеко?

— Относительно, как любишь ты говорить, в 12 лигах. День пути для твоих егерей.

— Так уж и день.... С приличным гаком.... А города поблизости есть?

— Замок стоит на окраине города Лайснига, неподалеку еще два: Гримма и Дебельн.

— Дебельн?! Там живет одна моя знакомая....

— Дама сердца, то есть. Других ведь знакомых дам у тебя не бывает....

— Почему же? Есть вот Элеонора....

— Удивительный случай: хорошо знакомая и не была у тебя в постели....

"Быть-то была.... - хохотнул про себя Сашка. — Просто я вовремя про тебя вспомнил".

А вслух сказал:

— Во всяком правиле обязательно есть исключения.

Пир был устроен на всех присутствующих, то есть человек на тысячу. Соответственно, особых изысков на столе не было, но и голодным никто из-за него не встал. Изюминкой пира стало выступление менестрелей, которые к тому же пели не абы что, а специально сочиненную балладу, которую можно было бы назвать "Песнь о том, как всех пруссаков егеря пленили махом". Чувство и патриотизм в песне присутствовали, но экспрессии было маловато.

За столом вместе с Сашкой и Карлом Кристианом в знак особого благоволения сидел и кронпринц, рядом с которым разместились принцессы. Молоденькая Кунигунда периодически взглядывала на Сашку. "Не вздумай к ней лезть! — сурово предупредила первая суть его натуры вторую. "А что такого? — возмутилась вторая суть. — Девочке хочется любви, да и наш жеребец просто застоялся". "Не смей, я сказала!" "А вот хрен тебе!"

Сашка встал из-за стола, вышел из зала, отыскал денщика и велел принести из кареты гитару (интуитивно прихватил). Подойдя с ней к Фридриху Кристиану, он попросил разрешения сыграть для гостей свою русско-немецко-английскую песню. Тот удивленно поднял глаза, но милостиво кивнул.

— Пойдем, Кристиан, будешь мне подпевать! — подмигнул Сашка своему другу и пошел на центр зала. Там он объяснил принцу, что тот должен петь и когда, потом исполнил замысловатый проигрыш и громко возгласил:

— Фрауен унд херрен! Мы с принцем хотим позабавить вас дикой русской песней, но на немецком и частично английском языке. Песня русская, только речь в ней пойдет о великом Чингис-хане и о его сыне!

И заиграл, заухал и затопал (Кристиан через раз включился):

Hu ha, hu ha, hu ha Kasatschok

Hu ha, hu ha, hu ha Kasatschok

Hu ha, hu ha, hu ha Kasatschok

Hu ha, hu ha, hu ha Kasatschok

Kasatschok!

Sein Vater ließ ihn holen (Отец им недоволен)

Der Herrscher der Mongolen (Правитель всех монголов)

War sauer und er fluchte auf den Sohn (Был зол и сына лаял почему зря)

Das war Zeit! (Было время!) — пробасил Кристиан.

Er schrie, Du bist misraten (Кричал, ты сын негодный)

Und aus der Art geschlagen (Ты типа побежденный)

So was wie du erbt niemals meinen Thron! (И трон мой не получишь никогда!)

Tut uns Leid! (Сожалею!) — опять Кристиан.

Sein Vater schrie erbittert (Отец кричал злобно)

Du weit doch vor mit zittert (Передо мной трепещет)

Die halbe Welt und noch ein bisschen mehr (Полмира и еще туда-сюда)

Weit und breit! (Вдаль и вширь!)

Doch du sagst für den Krieg (А ты сказал что для войны)

Wirst du noch viel zu jung (Ты слишком молод)

Und hest auf deiner alten Trommel rum? (И берешь свой старый барабан?)

Cos I,m a Rocker I,m a Roller I,m a Rockin Man (Потому что я рокер, я роллер, я рокмэн)

Daddy, let me have some fun (Папа, дай мне повеселиться)

Yes, I,m a Rocker I,m a Roller I,m a Rockin Man (Да, я рокер, я роллер, я рокмэн)

I,m singin: yeah yeah, yeah yeah (И я пою: йе-йе, йе-йе)

I,m singin: yeah yeah, yeah yeah (Я пою: йе-йе, йе-йе)

He beats the fastest drum (Он все быстрее барабанит)

And hes the Son! (И это мой сын!)

A scandal and a shame! (Скандал и позор!)

Cos I,m the Rockin Son of Dschingis Khan! (Потому что я сын Чингис-хана!)

Hu ha, hu ha, hu ha Kasatschok

Hu ha, hu ha, hu ha Kasatschok

Hu ha, hu ha, hu ha Kasatschok

Hu ha, hu ha, hu ha Kasatschok

Er ist kein toller Reiter (Он не великий всадник)

Im Kopf hat er nur Weiber (По бабам он проказник)

Und sagt das Kampfen macht ihm keinen Spaß (И проку он не видит от войны)

Das ist war! (Это да!)

Er will das darf nicht wahr sein (Он этого не может)

So gut wie Ringo Starr sein (Как Ринго Стар быть хочет)

Sein Vater fragt erschreckt wer ist den das (А кто это? — нахмурился отец)

Ringo Starr?

Und auch beim Kampf der Krieger (И в битве тот воитель)

Ist er nur zweiter Sieger (Второй лишь победитель)

Sein Vater ist vor Scham und arger blass (От гнева и стыда отец бледнел)

Ein Skandal! (Вот скандал!)

Da schrie der Sohn, jetzt hört mich bitte auch mal an (Тут сын вскричал, послушайте меня хотя бы только раз)

Heut Nacht zeig ich euch allen, was ich kann (Сегодня ночью покажу вам что могу)

Yes, I,m a Rocker I,m a Roller Im a Rockin Man

Daddy, let me have some fun

Yes, I,m a Rocker I,m a Roller I,m a Rockin Man

I,m singin: Yeah-yeah, yeah-yeah!

Im singin: Yeah-yeah, yeah-yeah!

He beats the fastest drum (Он все быстрее барабанит)

And hes the Son? (И это мой сын?)

A scandal and a shame! (Скандал и позор!)

Cos I,m the Rockin Son of Dschingis Khan (Потому что я рокер-сын Чингис-хана!)

Look at me, Daddy! (Посмотри на меня, папа)

I son he nice? (Разве я не милый?)

I son he good? (Разве я не хороший?)

I son he sweet? (Разве я не сладкий?)

Oooohhhhh!

Rock and Roll — Kasatschok!

Rock and Roll — Kasatschok!

Rock and Roll — Kasatschok!

Rock and Roll — Kasatschok!

Последний припев Сашка и Кристиан пели без гитары, обнявшись за плечи и выделявая ногами кренделя — под жаркие аплодисменты публики. Поклонились и пошли на места, продолжая удерживать на себе все взгляды.

Глава сороковая. Слабое звено

Но вот в соседнем зале заиграли фанфары, призывающие гостей сменить один вид веселья (жор и выпивку) на другой: танцы, танцы, танцы! Фанфары уступили место скрипкам и флейтам, которые стали выводить нежную мелодию вальса "В городском саду". "Добрался и сюда, родимый" — одобрил Сашка. — Интересно, слова к нему кто-нибудь придумал?". Они с Кристианом хотели было постоять в сторонке, но к ним резво подошли обе принцессы и, сделав книксен, пригласили в центр зала: Элиза Кристиана, а Сашку, конечно, Кунигунда.

Во время пира он успел ее разглядеть, и первое впечатление вынес не ахти: щупловата, зато нос великоват и глаза чуток на выкате. Но сейчас ее лицо озаряла такая счастливая улыбка, а кисти нежные так трепетали в его руках, что он отбросил все сомнения и возжелал ее всерьез. А что может Сашка Крылов, вышедший на тропу оболыщения, мы ведь уже знаем, любезный читатель.... Поэтому ничего удивительного, что натанцевавшись вволю, они пошли по дворцу в поисках пустой комнаты и таковую вскоре нашли (а именно спальню Кунигунды). Тут они тоже вволю нацеловались, истискались до изнеможения и соединили, наконец, свои чресла: Сашка в тысячный раз, а нежная Куни в первый. Аве, амор, аве!

Неделю принцесса не выпускала из дворца новообретенного любовника. Днем приличия соблюдались и потому они музицировали (у Кунигунды был поставленный голос, она даже участвовала в постановках Дрезденской оперы) или она его рисовала (тоже вполне на уровне, узнаваемо) или он читал ей стихи Пушкина и Тютчева в своем наспех сделанном переводе на немецкий. Ночью же Сашка пробирался в ее спальню по крыше и утолял взаимную плотскую жажду. "Noch, nette, noch! (Еще, милый, еще!) — умоляла Кунигунда. — Prolongiere mein Glück! (Продли мое счастье!)

"Но все хорошее когда-нибудь кончается...." — так пели некогда студенты архивного института. Дальняя разведка (которую, наконец, организовали в саксонской армии Сашка и Кристиан) донесла, что прусская армия численностью в 50 тысяч штыков и сабель при 80 пушках собирается в Виттенберге, чтобы двинуться на Саксонию, причем одной колонной (вероятно, на Торгау), которую возглавит сам король. В Ташенберге в присутствии Фридриха Кристиана состоялся военный совет, на котором Рутовский и Фермор (русский корпус еще не покинул Саксонию) настаивали на выдвижении ядра армии (60 тысяч при 120 пушках) к Торгау с целью дать там генеральное сражение. Новоявленный граф Русиц отстаивал иное решение: двинуть уже сейчас к Виттенбергу егерей и начать трепку прусской армии на марше, армию же поставить в заслон возле Майсена, где долина Эльбы только начинает расширяться. Спор был решен кронпринцем, который поддержал графа Русица.

В итоге в начале апреля Пьемонтский егерский полк оказался в Саксонии-Анхальте (оккупированной Пруссией), в окрестностях города Виттенберг, в 3 днях пути (для егерей) от Майсена (полк Кристиана остался под Торгау). Здесь Сашка впервые столкнулся с прусскими егерями. Когда авангардная колонна прусской армии вышла из города (впереди эскадрон гусар, умчавшийся по дороге, затем пехота), передовые посты сардинских егерей увидели метрах в 500 перед колонной солдат в зеленой форме с ружьями в руках, шедших россыпью по обе стороны (метров по 100) от дороги. Если бы сардинцы не лежали под маскировочными сетями, то прусские егеря их непременно бы увидели — а так прошли мимо. Сам Сашка находился в 4 км от города и в 1 км от дороги, на высокой сосне, стоявшей

на высоком же холме, что обеспечивало хорошую видимость — при наличии подзорной трубы. К небольшой штабной группе, расположившейся под сосной, постоянно подбегали посыльные от постов, разместившихся вдоль дороги, с донесениями о продвижениях противника — ну, а Сашка сверял их со своими наблюдениями. Основная часть Пьемонтского полка была сосредоточена в лесном массиве в 6 км от города (но в полукилометре от дороги), близ озера, между деревнями Ойч и Раккит. Пока авангард передвигался под контролем сардинцев, которые еще не были обнаружены. Из города же все выходили и выходили новые колонны противника, каждая в объеме батальона (800 чел). Сашка насчитал 20 колонн, то есть около 16 тыс. чел. Солдаты шли скорым шагом, но на бег не переходили, выдерживая среднюю скорость 4 км/час.

В районе полудня в течение 2 часов пруссаки из города не выходили, а затем пошла конница (резво, но шагом): сначала легконогие гусары, потом вооруженные карабинами драгуны и в конце сверкающие металлом кирасиры на мощных, рослых конях, среди которых затесалось с десятков карет с VIP-персонами ("Там где-то и король", — смекнул Сашка) и 3 десятка легких пушек (конная артиллерия?). Численность всадников Сашка оценил в 12 тысяч чел., а скорость передвижения в 6 км/час. Следом за кирасирами пошли вновь колонны пехоты (опять 20), а затем потянулись четверки битюгов, тянущих тяжелые пушки (50 стволов) и зарядные ящики, колонна гавриков без ружей (артиллеристы?), группа всадников (артофицеры?) и колонна с ружьями (батальон охраны?). А далее обоз длиной под 2 км: телеги, телеги, телеги с грузами и с одиночными солдатиками на них. В самом же арьергарде — два эскадрона гусар, едущих самым медленным шагом, что было им, летучим, явно в тягость.

"Зря они гусар в арьергард отрядили, тут больше подошли бы драгуны с их ружьями..." — критикнул пруссаков Сашка. — На вражеской территории охрана пушек и обоза, конечно, совсем другая, а здесь они расслабились. Но тем лучше для нас, лесных разбойников". Поглядев вперед на дорогу, он отметил, что разрыв между кирасирами и артиллерией увеличился до 3 км, ловко спустился на когтях по дереву и сказал офицерам своего штаба: — Пора.

Они вскинулись на своих коней и порысили к расположению полка.

Место для засады было рассчитано ювелирно: вокруг лес, до деревень далеко, колонна с пушками растянулась на километр, артиллеристы и батальон сопровождения еще на 500 м, далее 2 км обоза, отрезавшего путь гусарам. Основной проблемой был, конечно, батальон фузилеров. "Придется валить бедолаг, иначе никак. Эх, на войне как на войне!" Егери устроились вдоль западной обочины дороги как в тире на протяжении 1,5 км и замерли в ожидании команд. Сашка с рупором устроился напротив ожидаемого прохода батальона фузилеров, где его егерей было по трое на погонный метр. Вот они и показались с фузеями на плечах, вслед за артиллеристами.

— Один залп! — крикнул в рупор Сашка. Штуцеры дружно грохнули, изрыгнув клубы белого дыма, и солдаты из двух ближних рядов фузилеров густо попадали на дорогу.

— Бросьте оружие и останетесь живы! — крикнул Сашка перепуганным пруссакам.

— В штыки! — услышал он в ответ крик офицера. Несколько солдат кинулось вслед за отважным служакой и упали вместе с ним к первым неудачникам. Прочие фузилеры поспешно бросили фузеи на землю.

— Саксонцы среди вас есть? — вновь крикнул Сашка.

— Есть, — раздалась неуверенные голоса.

— Собирайте ружья и складывайте их на противоположной обочине. Силезцы есть?

— Есть, — бодрее ответили голоса.

— Перевязывайте раненых.

— А мы из Нижней Саксонии....

— Тоже собирайте ружья и перевязывайте раненых. Остальные вяжите друг друга — мы вам не доверяем.

— Господин полковник, что делать с артиллеристами?

— Офицеров и унтеров связать, а нижние чины пусть помогают тащить пушки. Что там гусары, не шевелятся еще?

— Не видать....

— Ладно, встретим, если прискачут. Пушки уже заклепывают?

— Так точно, господин полковник.

— Ну, тащите их к озеру и топите. Да в темпе, время уходит — как бы кирасиры не вернулись. А что обоз, пошли шерстить?

— Проверяют каждую телегу, провиант пустят вслед за пушками.

— Варвары мы, конечно, но это средство — самое эффективное.

— Господин полковник, гусары скачут вдоль обоза!

— Ну, так валите их, пока они так стеснены. Только пропустите поближе, чтобы покончить разом....

Глава сорок первая. Фридрих Великий в плену!

Король Пруссии Карл Фридрих Гогенцоллерн, прозванный при жизни Великим, метался в лютейшей злобе из конца в конец по комнате, предоставленной ему на третьем этаже замка Преч (что на Эльбе, на границе с Саксонией). Его военная кампания против злокозненной Саксонии закончилась в первый же день похода: егеря противника осмелились проникнуть на территорию, подконтрольную Пруссии, и захватить артиллерию и обоз! Вообще-то он сам всегда науськивал своих егерей на обозы и тылы противника и на тебе: нарвался на подобную же тактику. Доннерветтер! Теперь придется возвращаться в Виттенберг, вытаскивать из придорожного озерца пушки, расклепывать их, ставить на лафеты et cetera. А также собирать новый продовольственный обоз для армии — благо, что "магазинов" в Пруссии создано достаточно. Месяц провозимся, не меньше. Ну, саксонские хитрецы, мои сегодняшние внезапные слезы обернутся для вас слезопадами. Всех мужчин в свою армию загребу, все замки и имения повычищу в качестве контрибуции. Хорошо бы еще возродить средневековый обычай изнасилования всех женщин в захваченном городе, но европейские чистоплюи застыдят потом, разденут и разуют при дележе территорий.

Вдруг король прервал свои суетливые хождения и мысли: то ли ему почудилось, то ли за окном и правда периодически раздается какое-то постукивание? Он стал напряженно вслушиваться в ночные звуки (а ночь апрельская выпала ветреная, облачная) — нет, больше не стучат.... Фридрих пожал плечами, хотел продолжить невеселые размышления, но запал его уже прошел: ладно, über Nacht kommt guter Rat (утро вечера мудренее). Надо поспать. Он стал аккуратно раздеваться (давно привык делать это сам, без слуг), потом потушил свечи и лег под одеяло — с детства не мог спать при свете. Некоторое время мысли еще крутились в его голове, но он подавил их, прибегнув к излюбленной считалке про верблюдов: шел по пустыне один верблюд, шел-шел-шел-шел, долго шел и ушел; появился другой верблюд — шел-шел-шел-шел-шел и ушел; появился третий верблюд.... Заснул Фридрих, король прусский.

Только пришлось ему вскоре проснуться: На него навалился кто-то тяжелый, зажал рот, лишил возможности двигаться, а кто-то другой стал вязать ноги и руки! Потом засунули в рот кляп из чего-то вроде губки и понесли увязанным в одеяле к раскрытому окну. Веревки, которыми он был обмотан, зацепили крюком, бывшим на канате, и этим канатом его, короля, вытащили наружу, заставив болтаться в виде куля у стены замка. Потом спустили на землю, перенесли к невысокой внешней стене и повторили манипуляцию с крюком. А далее волокли по молодой траве, потом несли по очереди на спине (благо для похитителей, что он был невелик ростом да и весил мало), потом долго везли на спине лошади и, наконец, усадили в карету, развязав и вынув кляп.

Размяв губы, Карл Фридрих разразился гневной речью, в которой сулил похитителям карами, причем не небесными, а вполне земными. "Вы думаете, вас курфюрст за меня наградит? Он вас повесит под арочной башней Цвингера! А я буду любоваться вашими судорогами и потом отправлюсь домой в карете, которую курфюрст, мой родственник, мне презентует. Канальи! Самоубийцы!". Ответом ему было почтительно-снисходительное молчание.

Надо сказать, Сашка непосредственного участия в начальной фазе похищения не принимал: так и не научился в должной мере по стенам лазать. Но в карете, которая ждала

спецназовцев на территории Саксонии, короля сопровождал (плюс эскорт конных егерей). В Торгау их встретил Кристиан (то была как раз его карета), который поклонился королю, но в разговоры с ним не вступил и сопровождать отказался. "Не по себе мне, Алекс, понимаешь? Ведь это король, да еще какой! Великий Фридрих. Меня при взгляде на него оторопь берет. Хорошо тебе, ты русский, у тебя императрица есть, которую ты боишься ("Боюсь, — хохотнул Сашка. — Истинный крест, боюсь!"). А у нас сегодня один государь и один союз, а завтра другой, в котором этот Фридрих будет уже наш компаньон. И если этот компаньон попросит у повязанного обязательствами отца или брата мою голову, то даже я могу оказаться в руках палача. Виселица мне не грозит, но ту же шею с удовольствием перерубит меч. Нет, нет, вези его дальше сам".

На подъезде к Майсену Сашка велел вновь связать короля, а также вставить кляп и надеть на голову мешок, рассудив, что Рутовскому ни к чему показывать, кого он везет в Дрезден: вдруг фельдмаршала обуяет приступ благородства? Ну, а если и кронпринц сойдет с ума, тогда придется мазать салом пятки....

Фридрих Кристиан, и правда, очень поежился, узнав, что является теперь единственным полноправным тюремщиком короля Пруссии (самого короля Сашка к нему пока не привел). Верно поняв мучения кронпринца, Сашка тотчас предложил отвезти короля к его главным противникам, в Вену. Фридрих Кристиан сразу просиял и благословил графа фон Руссиц на дальнюю дорогу: так сказать, и чаю не предложил попить. Только очень просил не причинять королю в дороге неудобств. "Знал бы ты, слабачок, с какими "удобствами" мы его сюда везли...." — ухмыльнулся граф Руссиц. Впрочем, по выезде из Дрездена короля развязали и позволили одеть новенький костюм-тройку, который Сашка приобрел по мерке у знакомого портного; в итоге из короля получился то ли мелкопоместный дворянин, то ли служащий канцелярии. Рот ему больше не затыкали: если заблажит в присутствии посторонних, можно выдать за умалишенного родственника. Впрочем, король больше "не выступал" — сидел в уголке кареты как ворон и думу думал. Сашка тоже с ним не заговаривал и старался больше времени проводить в седле.

На обеденном перерыве (уже за Шандау) король вдруг обратился к нему с вопросом:

— Молодой человек, кто Вы такой?

— Полковник сардинской армии Алекс де Мож, — ответил четко Сашка.

— Что? Меня похитили подданные Карла Эммануэля, моего давнего подражателя? С какой стати я стал его противником?

— Ответ на этот вопрос я дать не могу, он за пределами моей компетенции, — сказал Сашка с хитрой ухмылкой.

— Вы знаете больше, чем говорите, — резко обвинил король. — Куда Вы меня везете?

— В Вену, Ваше Величество, — не стал увиливать Сашка. — Но сначала заедем в Прагу. Вас хотел видеть Карл Лотарингский.

— Этот слабый брат слабого императора? Зачем?

— Он мне не объяснял, лишь выразил пожелание.

— Так это для него Вы меня украли?

— Нет. У вас давний спор с императрицей Марией-Терезией — формально из-за Силезии, а по-существу стоит вопрос, кто будет править в будущем германской нацией: Гогенцоллерны или Габсбурги. Вы предпочли решить его силой оружия, она же надеется убедить Вас в личной беседе.

— С егерским ножом у горла?

— Чем нож хуже гренадерского штыка у груди?

— Тем, что штыки эти грозят вооруженным австрийским солдатам, а нож — горлу беззащитного короля! Вы растоптали своим поступком негласные правила войны, сложившиеся с рыцарских времен!

— Войны давно перестали быть похожими на рыцарские турниры. Слишком велики их экономические и политические последствия для народов Европы, да и мира в целом. Одно из ваших государств должно уступить другому, признать себя вассалом — во имя будущей единой Германии. И мне кажется, что союзереном должна быть Австрия.

— Ему кажется! Да кто Вы такой? Пятый сын пьемонтского графа?

— Не отвлекайтесь на личности, Ваше Величество, судите по ситуации. Пока Вы откусываете по кусочку от одного германского государства и от другого, Австрия практически в одиночку бьется с огромной Османской империей, которая, не будь на ее пути такого героического заслона, давно поглотила бы Италию, да и разрозненные германские земли. Ваша попытка к обособлению от Священной Римской империи — это предательский удар в спину тому, кто защищает вас от подлинного врага, исламского Востока. Не лучше ли встать в единые ряды и погнать османов туда, откуда они явились — в Малую Азию или даже за Каспийское море?

— Ваши суждения типичны для молодежи, которая всегда мечтает преобразовать весь мир и сразу. С годами понимаешь, что интересы народов, населяющих мир, всегда противоположны, а если совпадают, то частично и, главное, временно. Задача политика, отстаивающего интересы своей страны, найти себе временных союзников и решить одну локальную задачу. После чего можно приступить к решению задачи следующей — для чего вновь подобрать себе союзников и зачастую других.

— Например, тех же османов?

— Не надо передергивать карты, юнкер. С османами я дел не имел и иметь не буду — хотя они враги моего теперешнего противника. Но противник и враг — это разные понятия. Надо это понимать!

— Это тонко, Ваше Величество. Aber allzusehr macht schartig (Но где тонко — там и рвется). Вы не желаете помощи от османов в борьбе с Марией-Терезией, а они возьмут и ударят в тыл Австрии во время Вашего наступления на нее. Встанет вопрос: а не сговорились ли Вы тайно с османами?

— Мы — христиане! И потому не можем быть заодно с мусульманами!

— На словах. А на деле вполне может оказаться. Примеры совместных действий христиан и мусульман многочисленны: в Польше 17 века казаки Хмельницкого бились против поляков вместе с татарами крымского хана, а через год поляки наняли тех же татар для борьбы против казаков. В современной русской армии (в целом христианской) есть иррегулярная конница из волжских татар и уральских башкир.

— Это характерно для варварских славянских стран. Мы же европейцы.

— Сейчас в Америке французы бьются против английских поселенцев, активно используя помощь индейцев, которые христианами не являются. Они же сражаются против англичан в Индии, где привлекают войска местных раджей, вера которых как раз мусульманская.

— От лягушатников можно ожидать любой пакости.... - пробормотал Фридрих без прежнего апломба.

Глава сорок вторая. Здесь будет бал, там детский праздник...

В Вену пленного короля привез уже Карл Лотарингский — с почестями, соответственно одетого, в раззолоченной карете, с пышным эскортом из графов, герцогов и фельдмаршалов. Сашка со своим плутонгом егерей в эскорте тоже присутствовал, но в самом его хвосте. Впрочем, Мария-Терезия была, оказывается, в курсе, что король пленен и кто этот плен осуществил. Поэтому во флигель, куда был определен на постой плутонг сардинских егерей, после обеда прибыл курьер с приглашением Алексу де Мож, графу фон Русиц на аудиенцию к императрице.

Он стоял в одиночестве в малой гостиной Шенбрунна (вроде бы той, где императрица принимала его 2 года назад), когда дверь сзади него открылась (определил по легкому дуновению воздуха), и вдруг его глаза прикрыли две теплые ароматные ладошки, а к спине прильнула нежная грудь.

— Анна! — приглушенно вскрикнул он и крутнулся вокруг оси.

— Анна! — воскликнул он восторженно, увидев перед собой явно повзрослевшую, но по-прежнему прекрасную принцессу. Нет, иную, более женственную, более совершенную.

— Алекс! — вторила она ему, обхватила руками за шею и стала зацеловывать его лицо со словами: — Как долго я тебя ждала! Как часто представляла, что ты погиб! Как посмел ты мне не писать? Ведь я так тебя люблю, люблю, люблю!

Дверь сзади вновь отворилась, только это была другая дверь.

— Анна! — раздался утрированно-гневный голос императрицы. — Опять! Опять этот Алекс тебя обнимает! Дева Мария, дай мне сил вновь пережить явный позор. Выйди, дочка моя! Мне нужно поговорить с этим невозможным человеком.

Анна оторвалась от мужской груди, подарила многообещающий взгляд и вышла, мотнув на прощание подолом платья.

— Неисправима, — спокойно констатировала Мария-Терезия. — Вы планируете обрести герцогский титул?

— А это возможно? — удивился Сашка.

— Титулы в Священной Римской империи (вплоть до герцогских) раздаем мы: император Франц 1-й, и я. В настоящее время в наших владениях есть одно лакомое герцогство, у которого нет номинального герцога, и им правит герцог соседнего государства. Речь идет о герцогстве Миланском. Ваш сюзерен, король Сардинии, требует у нас отдать герцогство ему — во исполнение недавней договоренности об оказании с его стороны эффективной военной помощи Австрии. Помощь его оказалась смехотворной (один полк!), но благодаря Вам, Алекс, чрезвычайно эффективной. Вначале я растерялась: менять герцогство на полк — да меня все европейские государи засмеют! Но увидев вас в объятьях с Анной, вдруг сообразила, как мне убить двух зайцев: отдать Вам и герцогство и Анну! Формально Вы будете вассалом короля Сардинии, а фактически властителем Миланского герцогства и полноправным мужем моей дочери. Принимаете?

Сашка, честно говоря, растерялся: не ожидал такого поворота. Но тянуть с ответом было нельзя, и потому он ляпнул:

— Принимаю, Ваше Императорское Величество. Только я ведь не католик, я вообще атеист.

— Ерунда. "Париж стоит мессы" — сказал некогда Генрих 4-й и перекрестился из

протестанта в католика. Вам будет значительно проще: не веря в бога, Вы формально можете стать хоть католиком, хоть мусульманином, хоть иудеем. Но эту формальность при браке с моей дочерью (как и предварительное обретение титула герцога Миланского) нужно соблюсти. Я вижу, Вы мнетесь? Вы что, успели жениться?

— Я не женат, но у меня есть дом в Турине, в котором живет любимая мной семья: женщина и двое детей.

— Алекс! Я прекрасно успела Вас изучить: Вы бабник. Со временем у Вас в большинстве столиц Европы образуются подобные семьи, и всех их Вы будете искренне любить. Я говорила об этой Вашей особенности моей дурочке, которая сказала: пусть! Он таков, но разлюбить его я не могу. И полюбить другого мужчину тоже. И знаете, что я подумала? Ее судьба будет похожа на мою: ведь и я беззаветно люблю Франсуа, который успевает кроме меня любить то одну, то другую фаворитку. Таковы, впрочем, и многие другие правители Европы. Видимо, это особенность нашего века....

Сашка вышел из малой гостиной с чувством, что только что побывал в шестеренках какой-то машины, чудом уцелел, но стать прежним ему больше не суждено. Прощай, беззаботная холостая жизнь, вольные перемещения без руля и ветрил, свобода! Даже флиртовать с милашками он будет теперь иначе: осознавая, что согрешил. В некотором унынии он шел по коридорам и лестницам Шенбрунна, как вдруг был остановлен чьей-то рукой. Он поднял голову и увидел перед собой полноватого остроносого господина, в котором через мгновение узнал русского посланника Генриха Кайзерлинга.

— Герр Чихачев! — воскликнул посланник. — Простите, граф фон Руссиц! А я именно Вас разыскиваю. У меня есть для Вас послание императрицы Елизаветы Петровны.

— В смысле графа Бестужева? — уточнил Сашка.

— Нет, именно императрицы. Адресовано Александру Чихачеву, графу Руссицу.

— Ну, давайте, — промямлил граф Руссиц.

В письме, написанном на гербовой бумаге ровным почерком (вероятно, переписано с оригинала или записано со слов), было следующее:

— Господинъ Александръ Чихачев, граф Римской империи фон Руссиц. Дошли до меня сведения о подвигах твоих егерей на службе короля Польши Августа Саксонскаго. Подобныя егеря хотела бы я занять в войске русскомъ. Потому велю тебе прибыть немедля к моему двору в Санктъ-Петербург да с пяток тех егерей прихватить с собой для показу. Божьей милостью императрица всея Руси Елисаветъ

Вот так, ни больше, ни меньше. "Здесь будет бал, там детский праздник, куда ж поскачет наш проказник?", — пробормотал Сашка по-русски.

— Вижу, Вы немедленного ответа мне не дадите, — сказал Кайзерлинг (по-немецки, естественно). — Дом мой Вы знаете, буду ждать Вас там завтра и лучше поутру.

— Яволь, герр Хайнрих. Завтра буду. Вероятно, мне потребуется Ваш совет.

— О, я люблю давать советы. Они ничего не стоят, а человеку делается приятно. Вам, впрочем, я постараюсь помочь всерьез — Вы того заслуживаете.

На этом позвольте мне, любезные читатели, проститься с вами. Понимаю, такая концовка книги очень раздражает нервы, но что поделать, я и сам не знаю, как поступит мой безбашенный герой: то ли пленится будущим под голубыми небесами Италии, то ли его загрызет ностальгия по среднерусским осинам и березам, среди которых вполне может появиться высокая всадница со строгим и милым лицом....

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Красноярск, март, 2017 г.